

Тасбуна ај Јосичи

№2 (4), 2009

№2 (4), 2009

Тасбиа и Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ,
ИЗДАВАЕМЫЙ
СЕРГЕЕМ ЯКОВЛЕВЫМ

при участии
*Льва Аннинского,
Андрея Битова,
Елены Зайцевой,
Михаила Кураева,
Валентина Курбатова,
Владимира Леоновича.*

Корреспонденты:
*Роман Всеволодов (Санкт-Петербург),
Елена Романенко (Челябинск),
Геннадий Сафронов (Иркутск),
Виталий Тепикин (Кинешма),
Светлана Тремасова (Саранск),
Сергей Филатов (Бийск).*

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

МОСКВА
«Знак»

Журнал «Письма из России»
выпускается на благотворительные
пожертвования.
Авторы и постоянные сотрудники
денежного вознаграждения не получают.

Макет: Александр Архутик

Верстка: Марина Кузнецова

Корректор: Светлана Терещенкова

В оформлении использованы автографы
Владимира Леоновича

При перепечатке ссылка на журнал
«Письма из России» обязательна.

© С.А. Яковлев, 2009

Редактор-издатель не всегда разделяет
убеждения и вкусы авторов.
Слова «Бог» и «бог» сохраняются
в авторском написании.

Рукописи и предложения принимаются
в электронном виде по адресу:
sayakovlev@yandex.ru

**Все выпуски журнала «Письма из России»
читайте на сайте <http://pisma-iz.ru>**

Издательство «Знак»
101000, Москва, а/я 648
тел.: (095) 361-93-77
e-mail: znack1993@rambler.ru

Отпечатано в ПЦ МЭИ,
Москва, Красноказарменная ул., 13
тираж 500 экз.
заказ №

Содержание

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

- 5 **Владимир Леонович**
(д. Илешево Кологривского района Костромской обл.)
БОГОВО И ЛЕШЕВО

ПЕРЕПИСКА РЕДАКТОРА

- 11 **Валентин Курбатов**
(Псков)
ЖИВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КРЕПОСТЬ

ПОВЕСТЬ

- 42 **Булат Безгодов**
(Казань – Цивильск)
СУДЬИ И ПРАВОСУДИЕ
Из романа «Влюблённые в Бога»
- 81 **Елена Зайцева**
(Владивосток)
О РОМАНЕ БУЛАТА БЕЗГОВОДА «ВЛЮБЛЁННЫЕ В БОГА»

ПОЭЗИЯ

- 83 **Мила Божович**
(Брянск)
МЫ СЛЫШИМ
- 86 **Сергей Казнов**
(Саранск)
СПОСОБ БЫТИЯ
- 89 **Роман Бутов**
(Воронеж)
ИЗ РОССИИ В РОССИЮ
- 92 **Вадим Куняев**
(Санкт-Петербург)
КОГДА ЕЩЁ?..

ПРИКОСНОВЕНИЕ

- 95 **Андрей Битов**
(Москва)
ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
Комментарии к тому «Оглашенные». Предисловие С. Яковлева

ПРИМЕТЫ

- 101 **Ольга Садкова**
(Челябинск)
ЧЕРЕПАХА. ТИХОНЯ
Рассказы

ПРЕМЬЕРА

- 108 **Олеся Иванчикова**
(г. Балахна Нижегородской области)
КУСТ КРАПИВЫ
и другие рассказы в прозе и стихах

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

- 119 **Михаил Кураев**
(Санкт-Петербург)
КАТАСТРОФА
Историческая хроника

ПРОСТЫЕ ПИСЬМА

- 147 **Елена Потехина**
(д. Дьячево Кинешемского района Ивановской области)
РАССКАЗЫ ТЁТКИ ДАРЬИ

ПОСАД

- 151 **Владимир Клевцов**
(Псков)
КРИК В НОЧИ. СТАРАЯ ЯБЛОНЯ
Рассказы. Предисловие В. Курбатова

ПРОКАЗЫ

- 162 **Александр Тажбулатов**
(Бийск)
ОТ ПЕТРОВИЧА

ПРИТЧА

- 170 **Елена Романенко**
(Челябинск)
СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ
Отрывок

ПОСТСКРИПТУМ

- 174 **Сергей Яковлев**
(Москва)
БЕГЛЫЕ ШТРИХИ

Владимир Леонович

Богово и Лешево

Я встал на рассвете и жадно смотрю,
Как птичка на дереве славит зарю.
Вот-вот я услышу её голосок,
Но слишком он тонок и чист и высок...

Покойный Алексей Солодовников, надеюсь, простит мне лёгкую правку этой строфы.

Старый американский писатель Генри Торо, некогда помогавший в мыслительной работе самому Льву Толстому, также, я думаю, сочтёт уместным участие его авторитета в чрезвычайных обстоятельствах XX – XXI века, неразъёмно ЕДИНОГО.

Воображаемую книгу Торо я кладу на стол перед оконцем в лесной хижине, построенной её обитателем.

Сам Торо строил свой дом неторопливо. «Стоило бы, пожалуй, строить ещё неторопливее, чем это делал я: обдумывать, каково назначение в нашей жизни двери, окна, погреба, чердака, и ничего не возводить, пока для этого не будут обнаружены более веские основания, чем даже наши потребности на этом свете...»

Надо прервать цитату. Не потому, что я навидался, как работают нейские плотники – посиживая да покуривая большую часть рабочего времени, но и, посиживая и покуривая, думают о связи брёвен, о материале и заказчике, а главное, о результате: «Не черт¹ бы да не мох, так и плотник бы сдох». (Это последнее врублено в нас как запотёмок в зарубу.) Слова писателя – о чём-то превышающем даже наши потребности на этом свете. О чём? Трудно сказать, но ясно, что быт занимает его лишь как малая часть огромного целого – бытия.

«...В том, что человек сам строит своё жилище, есть глубокий смысл, как в том, что птица строит своё гнездо. Как знать, быть может, если бы люди строили себе дома своими руками и честно и просто добывали пищу себе и детям, поэтический дар стал бы всеобщим: ведь поют же все птицы за этим занятием².

¹ Плотницкий инструмент. – *Примеч. ред.*

² Здесь и далее цитируется: Генри Торо. Уолден, или Жизнь в лесу. – *Примеч. авт.*

Для себя я называю такую дерзновенную жизнь – жизнью на уровне метафор. Обиходное и всеобщее «лес» для таких людей имеет личное и более полное содержание. Представьте себе время, когда эгоистическое человечество вырубит почти все леса, но в речи это слово ещё будет звучать: потускнеет и сойдёт на нет образ то бора, то гари, то перелеска, где ЛЕШИЙ БРОДИТ..

Леший, бродивший по кологривскому бору, жил в нём 20 лет. Надо полагать, знал его лучше любого из нас. Где кончается наше знание, там начинается его. Оно было таким, что заменяло ему жизнь в семье и городе, обществе и времени – как раз в нашем с вами, которое ещё не названо. У меня для него рабочее название – ЧИСТОГАН. Как вполне беловое ЧЕРНЬ – для рулевых и вершителёв наших русских судеб. Неучастие в этой общей жизни тут определённo и ярко: уход. Быть может, это и есть общеромантическое «жить не по лжи», реально и лично предпринятое нашим современником. И другие времена знали своих отщепенцев, пустынностроителей, затворников и т.д., сподобившихся потом ореола СВЯТОСТИ.

Воображением не богат,
на вернисаже
Я погружался в ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ –
Вылез – весь в саже.
Ну и довольно. Куда мне уйти?
Тихо у Нестерова, почти
пусто.
Отроку Варфоломею
было виденье... А я – во плоти –
вижу камео –
русоволосую, лет двадцати.
В тёмном, тиха и бледна,
словно бы к постригу и она
нынче готова...
Скрыты, Россия, твои семена –
блещет полова.
Я разумею,
что уходящий от мира сего
зждет его,
и гляжу и немею.
Русь моя русая! В чёрный квадрат
черти заталкивали стократ –
полно, тебя ли?
Матовый свет на лице, словно рис.
Не осквернили торжественных риз,
а ведь ногами топтали...

В избушке у Лешего солнце падает на стол, где лежит книга Торо. Она светится, покуда тёмные углы кинематографически темны и глубоки – Леший дак! Он читает, почти уже наизусть зная книгу, где отчёркнуто:

«...Желающих делать добро так много, что вакансий не остаётся. К тому же я честно пробовал свои силы на этом поприще и, как ни странно, убедился, что оно не по мне. Едва ли мне следует сознательно отказаться от своего призвания,

чтобы делать добро, предписываемое мне обществом, даже если бы от этого зависело спасение вселенной; думаю, что именно чьё-то упорство, подобное моему, но несравненно большее, одно только и спасает её до сих пор.

...Нет хуже зловония, чем от подпорченной доброты. Вот уж подлинно падаль, земная или небесная. Если мне станет наверняка известно, что ко мне направляется человек с сознательным намерением сделать мне добро, я кинусь спастись от него, точно от иссушающего ветра африканских пустынь...»

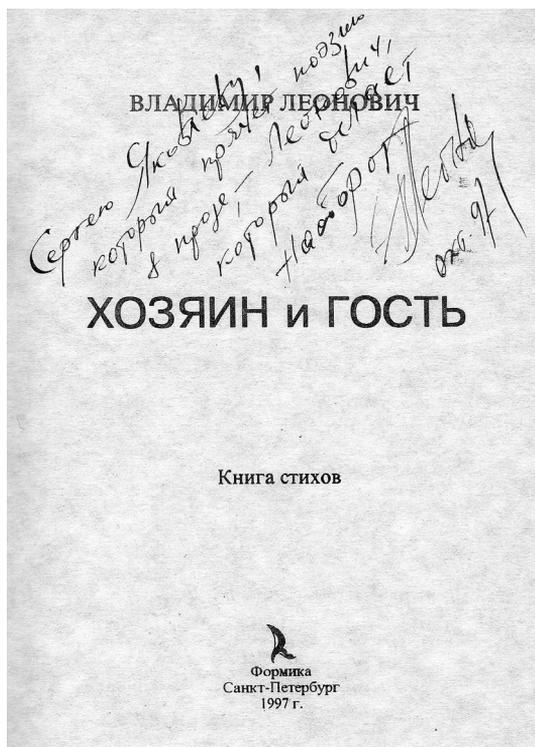
«Сейчас чудный вечер, когда все ощущения обостряются и тело впитывает наслаждение всеми порами. Я удивительно свободно двигаюсь среди Природы – я составляю с ней одно целое. Я иду вдоль каменистого берега пруда, без сюртука, хотя погода облачная, ветреная и прохладная; меня ничто не привлекает особенно, я ощущаю необычайно тесное сродство со всеми стихиями...»

«...Больше всего надежд в меня вселяет несомненная способность человека возвыситься благодаря сознательному усилию. Хорошо, когда он способен написать картину или изваять статую, т.е. создать несколько прекрасных вещей, но куда благороднее задача быть, в моральном отношении, ваятелем и художником всей окружающей нас среды. Сделать прекраснее наш день – вот высшее из искусств!..»

Я ушел в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от неё научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил. Я не хотел жить подделками вместо жизни – она слишком драгоценна для этого... Я хотел погрузиться в самую суть жизни и добраться до её сердцевины, хотел жить со спартанской простотой, изгнав из жизни всё, что не является настоящей жизнью, сделать в ней широкий прокос, чисто снять с неё стружку, загнать жизнь в угол и свести её к простейшим её формам, и если она окажется ничтожной – ну что ж, тогда постичь всё её ничтожество и возвестить о том миру; а если она окажется исполненной высокого смысла, то познать это на собственном опыте и правдиво рассказать об этом...»

Крепкий ноготь Лешего отчеркивает на полях места, будто бы ему посланные американцем из полуторасталетней давности. Будто бы ему порученные устремления этого сильного человека.

«...Ибо большинство людей, как мне кажется, странным образом колеблются в своём мнении о жизни, не зная, считать ли её даром дьявола или бога, и несколько *тоспешно* заключают, что главная наша цель на земле состоит в том, чтобы “славить бога и радоваться ему вечно”...»

Чуть раньше Торо пишет русский поэт:

Две области – сияния и тьмы –
Исследовать равно стремимся мы.

(Е. Баратынский)

Мысль американца прихотлива, как лесная тропа. Однако, начатая в середине XIX века НАУДАЧУ, она проложена теперь НАВЕРНЯКА: её постепенно правили поколения. И нельзя сказать, что наш Леший озадачен – отнюдь. Он рад тому, что УЗНАЁТ на чужой странице что-то СВОЁ. Написанное и вправду напоминает лесную тропу: вдруг открывается небо в прогалах вершин, вдруг проблеснёт озеро, и надо остановиться, оглядеться, помедлить, прежде чем продолжить свой путь по мягкой хвойной земле, проплетённой корнями.

Он выпрет, погребённый листьями,
На свет подобно колесу –
И вдруг об корень, как об истину,
Споткнёшься, проходя в лесу.

(И. Грудев)

Лес – это для нашего отшельника КАБИНЕТ. И прежде всех страниц, написанных или прочитанных, бросается в глаза их первичность. ЛИЧНОЕ знание предмета, НАЧАЛЬНОЕ знание:

И в первые руки, и мимо чужого ума
начальное знание земля мне вручила сама...

Кологривский бор – природный феномен, естественно ставший заповедником. Леший – феномен среди населения унженских берегов. Незримый закон вписал его в Красную книгу, как в своё время Ефима Честнякова³. Но Ефим благодаря своим талантам (и одному из них – таланту выживания) умер сам. Лешего – убили.

Суммируя прочитанное и услышанное («Газета.Ru» от 30.06.08, «Российская газета» от 2.07.08, костромская областная пресса, местный «Кологривский край» – публикации с апреля по июль, материалы фонда «Общественный вердикт», «Мемориала», опросы местных жителей, знавших Лешего, личные впечатления от разговоров с кологривцами) и противопоставляя всему этому вердикт начальства – убит Александр Бычков законно, как браконьер, оказавший при поимке сопротивление, – считаю случившееся 14 марта 2008 года в кологривском лесу чрезвычайным, но обычным, тоскливо узнаваемым ПРЕСТУПЛЕНИЕМ БЕЗ НАКАЗАНИЯ.

Логично было бы прославить восьмерых омовцев из Костромы и приданных им ещё восьмерых егерей и obsługi из местных. Автоматчиков и снайпера, положивших медведя на краю берлоги. Отстреливался Леший дробью, а получил автоматную пулю, очередь шла не по ногам, а выше пояса, на пораженье.

³ Честняков Ефим Васильевич (1874–1962) – художник и писатель, живший в деревне Шаблово Костромской обл. Его картины на темы сельского быта и фольклора связаны с центральной художественной идеей многолюдного и красочного “Города всеобщего благоденствия”, своего рода крестьянского рая. – *Примеч. ред.*

Шестнадцать на одного. Без суда, где всё же можно слышать ропот зала, похожий на ропот бора перед грозой. Раскачка стволов, прорезанная отчаянным скрипом уже мёртвой лесины, притёртой к живому стволу...

Две тысячи лет назад предтеча всех праведников испустил дух на кресте, потому что ТОЛПА предпочла Ему – разбойника; разбойнику – не Иисусу – оставлена была жизнь.

История, и особенно русская, склоняет нас привыкнуть к такому исходу, к такой арифметике. Она склоняет нам голову: таков ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ.

Однако можно позволить себе роскошь остаться с шеей сломанной, но не согнутой.

Так повёл себя человек, отказавшийся от толпы, отказавшийся даже от имени своего, назвавшийся Лешим.

Это огромная претензия: считать себя ДУХОМ заповедного леса! И заповедный лес не был БЕЗДУХОВНЫМ, пока в нём жил такой человек.

По словам крестьянки Ольги Алексеевны Пескарёвой (д. Суховерхово), грамотный был мужик, мирный, умный, добрый, честный, рассудительный.

Свидетельницы Пескарёвой на суде не было, потому что не было и суда. А суда не было потому, что его боятся «люди в полумасках» – полулюди, прячущие лицо. Так изваял Сфинкса скульптор Шемякин: левый полулик открывает пустоты получерепа⁴.

14 марта ближе к вечеру Пескарёва из окна своего дома видела, как через деревню проехали автомобиль УАЗ и несколько снегоходов «Буран» с людьми в полумасках. Так как жители Суховерхова привыкли, что высокопоставленные чины нередко здесь охотятся, то решили, что это милиция приехала «кабанов воровать».

Свидетель Гуцин показал, что Леший продавал ему берёзовые коробка, берестяные корзины и пестери. Продавал дёшево или менял на керосин, соль, пшено. Не курил. Говорил на языке НЕМЕСТНОМ – «у нас так не говорят».

Так откуда он? Как занесло его в городок Мантурово, где женился, нажил двоих детей, а потом пропал так глухо, что его посчитали мёртвым?

Если человек, так понравившийся жителям Суховерхова, Федоркова, Аверьяновки, Починка, предпочёл людскому множеству общество деревьев – тут судьба.

Двое моих друзей в 1970-е годы покончили с собой. Павел Мелехин прыгнул с девятого этажа, повторив судьбу отца, воронежского крестьянина, кинувшегося в родной колодец, когда его уводили этапом люди в чёрном и кожаном. Дмитрий Голубков застрелился; о нём – замечательный рассказ Юрия Казакова «Во сне ты громко плакал».

Третий – Игорь Дедков – умер сам, но ему ПОМОГАЛИ: и в его костромские годы, и в московские перестроечные. Он не хотел доживать до той НИЩЕТЫ ДУХА, которая нынче правит и определяет СВОИ пути в будущее.

Дедков оказался одним из малого числа подлинных интеллигентов земли русской. Но именно им предстоит выправлять ныне взятый вектор движения страны в этом столетии. Народный эпитет «воровская» исчерпывает смысл этой чужой для нас жизни. В этой жизни Дедков жить не хотел. Смерть оказалась исполнением этого НЕЖЕЛАНЬЯ.

---

⁴ Сфинкс лежит на левом берегу Невы – против «Крестов», где Ахматова завещала поставить памятник ей, стоящей в тюремной очереди. – *Примеч. авт.*

Трижды лето

Игорь обходился без больших букв – я не могу. Потому, наверное, что читаю с голоса, не со страницы.

Когда Россия услышит Дедкова?..

Нежеланье. Неучастие. Непокорство.

Продолжим легенду: уход Лешего был сознательным актом такого нежеланья.

Статистика сегодняшних самоубийств, сегодняшних инфарктов как реакции на «порядок вещей», навязанный людям правящей чернью, говорит о том же.

УЙДУ ОТ ВАС, ЗВЕРИ... Слова Радищева болезненно отзываются в нас. Среди зверей, говорил Леший деревенцам, жить лучше, чем среди людей.

Расправа над ним, человеком неудобным для сановных браконьеров, так глубоко всколыхнула Кологрив – Кострому – Питер – дальше и шире – потому, что убили ещё одну тайну жизни, сделав это с показательной наглостью. Прикасясь к народу, ОНИ делали вид, что сами из народа и для народа. Случай 14 марта эти полумаски сдёрнул. ОНИ – против. ОНИ – вне. ОНИ – злокачественное образование в народном организме.

д. Илешево Кологривского района Костромской области.

Серебрянка !
 Три вздоха устали sci
 пропадаю – а где лето
 мед летнее ?
 И, конечно, sci мое –
 только черновик. Только
 знаки.

Валентин Курбатов

Живая человеческая крепость

25.10.99 г.

Уважаемый Валентин Яковлевич!

Журнал «Родина» открыл рубрику «Лицо современника», в которой будет серия литературных портретов наших соотечественников, представляющих современную общественную мысль России, – как ныне живущих, так и ушедших из жизни в последние годы, но успевших откликнуться на то, что происходит с нами сегодня. (Простите за «кудрявый» оборот, хотелось полнее довести до Вас замысел. С первым опытом этой серии – моим очерком об Игоре Дедкове – Вы можете познакомиться в № 9 за этот год.)

Не так давно (к сожалению, с большим опозданием) мне на глаза попал журнал «Русская провинция» с Вашей публикацией писем С.С. Гейченко. Не возьмётся ли Вы написать для нас о Семёне Степановиче страниц 12–15 – не биографическую справку, конечно, и не «житие», что-то очень личное, обращённое к бытийному, проникнутое как раз духом тех его писем? С цитатами и проч. Но и научный масштаб личности должен как-то присутствовать. Плюс краткий список основных работ (это отдельно). Плюс иллюстрации – чем больше, тем лучше. Главное же, конечно, – это его лицо, человеческие слабости и подвижничество. На фоне исторической реальности.

Не знаю, удачно ли объяснился. Буду ждать Вашего ответа.

Искренне Ваш

Сергей Яковлев¹.

Псков

12 мая 2004

Дорогой Сергей Ананьевич!

Спасибо за «Родину», за Ваши очерки. Совсем этот жанр закатывается. Не до человека.

---

¹ Письмо было написано в журнал «Русская провинция» и до адресата, видимо, не дошло. Собственно переписка началась в 2004 году, когда я узнал домашний адрес В.Я. Курбатова. – *Здесь и далее примеч. редактора-издателя.*

Только что съездил в Борки на 80-летие И.А. Васильева, последнего ленинского лауреата, который знал толк в очерке. Его нет уже 8 лет. Не держатся до 80 люди 24-го года рождения. Давно нет Кондратьева, два года нет В.П. Астафьева, нет В. Быкова, Окуджавы. Народ всё разный. Начинали братьями, а потом время так разыгралось, что, может, того же Васильева и В. Быкова и за один стол не усадишь. В покойный час мы широки, как Родина, а пришла беда – опять стали узки, как меч или родное православие. Далеко они разошлись, но думаю, что ТАМ, тамошними «майскими короткими ночами» уже поругались и сошлись, как встарь, как в 45-м, когда им всем было по 21.

Ездил и к Виктору Петровичу Астафьеву. Шуму было перед юбилеем! Звали в Овсянку всех президентов, всех сибирских губернаторов. На писателей денег уже не оставалось. Пригласили только меня да Кураева из Питера.

А президенты-то и не приехали. А раз президентов нет, то и губернаторы не поехали. Даже свой, красноярский. И Марья Семёновна Астафьева не поехала, потому что всё ей в Овсянке сегодня чуждо. Так что Виктор Петрович остался один-одинёшенек. А чужие люди, собравшиеся погулять, зато получили президентское питание – осетров, фаршированных стерлядь, икру всех видов, кедровые орехи и клюкву, пироги со всячиной и разные сибирские водки да меда сыгчёные. Он бы первый и посмеялся и назвал бы мужиков со всей деревни. Открыли музей «Последнего поклона». Снесли бабушкин дом, в котором мы часто сживали, пока была жива тётка Апроня. Построили новый – из «карандашей», интерьеры постарались восстановить. И так увлеклись, что посадили чучело дедушки, чучело бабушки за машинкой и чучела Витьки и его глухонемого брата Алёши из папье-маше. Дико и страшновато. А рядом «восстановили» амбар с хомутами да седёлками, с пестерями да ситами, а пол-то в амбаре покрыт паркетным линолеумом, чтобы было легче мыть за экскурсантами.

То-то губернатор-то и не поехал. Он ведь это всё видел и не мог не знать, что ему прямо тут всё и скажут.

Тяжело было. С порога видно, что все враждуют со всеми, а рвут сердце Виктора Петровича.

Тяжел

12 мая 200

Дорогой Сергей Иванович!

Спасибо за «Редактуру» за Ваши очерки. Совсем этот жанр забывался. Не до заговена. Только что я съезжал в Борки на 80-летие И.А. Васильева, последнего ленинского лауреата, который знал толк в очерке. Его нет уже 8 лет. Не держатся до 80-ти люди 24-го года рождения. Давно нет Кондратьева, два года нет В.П. Астафьева, нет В. Быкова, Окуджавы. Народ всё разный. Начинали братьями, а потом время так разыгралось, что, может, того же Васильева и В. Быкова и за один стол не усадишь. В покойный час мы широки, как Родина, а пришла беда – опять стали узки, как меч или родное православие. Далеко они разошлись, но думаю, что ТАМ, тамошними «майскими короткими ночами» уже поругались и сошлись, как встарь, как в 45-м, когда им всем было по 21.

А возле домика, где он жил последние годы, поставили памятник. В саду на месте скамеечки под яблоней, где он любил сживать, на высоченном гранитном постаменте сидят они с Марией Семёновной бронзовые, ни одной чертой не похожие, и «отдыхают», глядя в свои окошки, хотя Мария Семёновна не любила Овсянку и, кажется, ни разу так покойно тут с Виктором Петровичем не сидела.

С тяжёлым сердцем уехал я из Овсянки, которую любил и в которой бывал чуть не каждое лето. Попрощался. Теперь уж навряд позовут, а на свою пенсию в эту даль надо полгода в один конец зарабатывать.

О том, чтобы написать для «Родины», я, Сергей Ананьевич, подумаю. Я ведь всё провинциализма своего не изживу и смотрю на «Родину» с испугом. Я в таких породистых журналах не печатался. Да и вообще всё реже печатаюсь. Все связи понемногу оборвались, а новых в 65 лет не наживёшь.

Интонация Ваша в «Простых людях» и «Деревенском кладбище»² прекрасна. Из родных, позабытых, любящих.

Спасибо и за память, и за приглашение.

Подумаю. Повспоминаю. Не разучился ли...

Ваш В. Курбатов.

Дата: май 2004³

От кого: Курбатов Валентин

Кому: журнал «Родина»

Сергею Ананьевичу Яковлеву.

Это я для проверки возможности электронного общения. Послал и «такое» письмо, да когда ещё оно придет?

Посмотрите вот такой материал⁴ – не годится ли? Все мы вот-вот разучимся писать очерки, потому что человек скоро делается никому не нужен.

Если получите, известите, пожалуйста.

Ваш В. Курбатов.

Дата: май 2004

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Дорогой Валентин Яковлевич!

Вчера у меня была долгожданная радость: нашёл в ящике Ваше живое письмо, а сегодня (только что) получил электронное сообщение. Бывает, простая почта доходит быстрее! Прежде всего хочу извиниться и объяснить: то, что идет по электронной почте на журнал, где-то подолгу отлёживается, а бывает и пропадает; ещё хорошо, что я Ваше послание всё-таки получил (вместе со статьей); пожалуйста, пишите мне только на мой личный адрес.

Отвечаю сразу, ещё не успев прочесть статью, и без того стыдно, что Вам пришлось столько ждать.

То, о чём Вы пишете в большом письме, бесконечно мне близко и дорого. Об Овсянке сказано так, что надо бы показать это всему свету. Будете ли где печатать об этом?

² Сергей Яковлев. Деревенское кладбище // Родина, 2000, № 3; Простые люди // Родина, 2003, № 4. См. также: Сергей Яковлев. Та самая Россия. – М.: Логос, 2007.

³ Здесь и далее в некоторых электронных письмах точные даты не сохранились, однако хронологический порядок соблюден.

⁴ Валентин Курбатов. Ведро из колодца // Родина, 2004, № 9.

Спасибо, что взяли на себя труд прочесть присланное, спасибо за добрый отзыв. Спасибо Вам за одиночество, хотя думать об этом тяжело, потому что нынче выбор этот свободны обречённости. Я пытаюсь мысленно собирать тех, кто многие годы были мне опорой (иные сами того не подозревая), с кем общался, кому так или иначе обязан лично: Дедков, Залыгин, Леонович, Битов, Кураев, Аннинский... Пытаюсь писать о них, чтобы осмыслить. Все очень русские (даже Аннинский, полуеврей-полуказак с бешеными голубыми глазами), все страшно одиноки (в этом и надежда, и беда), а горше всего, что кого-то уже нет. Виктор Петрович и Вы (хоть с первым я виделся всего пару раз, когда работал в «Новом мире», а с Вами вовсе не встречался) для меня в этом ряду. Признаюсь, в 90-е я про себя осуждал Виктора Петровича за сомнительное «подписание» (делился этим, кажется, с одним только Кураевым), однако стихия – она и есть стихия. Из художников второй половины столетия он, бесспорно, первый, и тут даже Солженицын ему не помеха (или – без «даже»). А других, неодиноких русских вроде бы уже и не осталось на свете. Ни объединяющих нацию мыслей и верований, ни журналов – всё или пародия, или подделка, или, того хуже, провокация. Сегодня одиноки все люди с чувством пути; остальные, подавляющее большинство, даже талантливые из них, лишь «перехватывают», живут минутой. При Достоевском чувство пути было у всей нации, теперь его нет. Не думаю, что это означает, что нет пути; это обман, внушённое и самовнушённое. Это как с социалистическими идеями: самое для них время, и воздух буквально пропитан ими как стопами, а вот ошельмованы, некому их возродить (невыгодно и боязно) – так вроде бы и социальные интересы в народе напрочь отсутствуют. Все до последнего бедняка – ослепшие индивидуалисты! То же и с русскостью. Появился сейчас человек с совестью и умом Игоря Дедкова, да с голосом достаточно громким, объясни, что демократизм, терпимость и прочие либеральные блага не из Америки завезены к нам Ельциным-Гайдаром-Чубайсом в качестве экзотических фруктов, что весь девятнадцатый век прорастали они в русской почве как грибы после теплого дождя, – совсем иными стали бы и самочувствие русских (а соответственно – и поведение), и отношение к России в мире. Но и режим бы нынешний, лицемерный и двусмысленный, вместе с его казённо-патриотическими придатками, конечно, не удержался, а этого-то потомственные насильники и боятся.

Вот какой бы журнал я нынче издавал: либерально-почвенный, с лицом русским и светлым. Лет 15 назад такое было возможно (востребовано обществом). Да, видно, время упущено.

Ваше замечание о «породистом» журнале могу принять только как шутку. К сожалению, у «Родины» не слишком здоровая наследственность («правдинская»). В наше время из журналов один «Новый мир» мог бы сохраниться на должном уровне (в том числе экономически, оставаясь независимым), но его захватил тицеславный и алчный сброд. Ничего не поделаешь – «частная собственность»!

Принимаюсь за Ваш очерк. Если осмелюсь предложить вам что-то поправить (я ведь человек испорченный, одно слово – редактор) – не рассердитесь, рассмотрите?

С глубоким уважением

С. Яковлев.

Дата: 2004

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Дорогой Сергей Ананьевич!

Спасибо за письмо!

Сегодня мы встречались в библиотеке с трудным Д.Е. Галковским, которого высоко ценил (и было за что!) В.В. Кожин. Вот уж кто одинок так одинок! Вот

кто обдумывает русский путь терпеливо и последовательно, отчаянно зло (чего стоит его «Бесконечный тупик»), но, странно сказать, – при всей его горячей злости (вывел из себя целые институты) он, кажется, один переживает тупики нынешней мысли с настоящей сердечной болью. А уж кто только не звал его и Смердяковым, и просто подлецом, и чуть не подонком. Всем нам хочется дожить жизнь в прежних пределах, в вечном покойном «вчера» с устойчивой системой координат. А её уже не будет. Не будет прежней. Надо бережно искать новую, растить её в себе. А никто не хочет, потому что, к сожалению, это требует труда. Гораздо спокойнее отговориться, накричать, потребовать возвращения. Вот от него и отделяются бранью за его резкости и сталкивание человека с насиженного, но уже давно прогнившего места. Сегодня же я устраивал им встречу с нашим губернатором и даже попросил записать их беседу для телевидения. Власть и мысль так редко встречаются и разговаривают друг с другом. Пытался навести как раз на разговор о русском пути, о стратегии, о перемене системы координат. Говорили, мучались. Видно было, как трудно, как хотелось своротить на привычные частности. А мне кажется важнее всего именно такой, пусть трудный, будто для уличного человека слишком отвлечённый, но заглядывающий вперёд диалог. Было бы наше доброе правительство поумнее, оно бы само посадило за стол своих дураков и крепких мыслителей – не для взаимных обвинений, а для выработки стратегии, где обе стороны отвечали бы перед своим народом одинаково. Хорошо бы такие диалоги власти и мысли проводить публично, чтобы люди слышали мысль обеих сторон и могли спросить за её воплощение. Да только ведь всё это мечтания. Хорошо хоть вот на малом губернском уровне их удаётся иногда заставить поговорить открыто и прилюдно.

На всякий случай посылаю Вам фотографии героя моего очерка...

Подойдёт – на здоровье. Нет – спокойно отправьте в корзину.

С благодарностью

Ваш В. Курбатов.

Дата: 2004

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Дорогой Валентин Яковлевич,

письмо и три фотографии дошли благополучно. С Вашим очерком сделал, что сам счёл желательным (немного сократил самое начало, чтобы сразу захватить внимание главным предметом), и теперь отправляю по инстанциям.

Хорошо, что у нас с Вами есть оперативная связь, хотя живых писем, конечно, жаль. Они всегда значительнее.

Галковского я читал в отрывках, весь «Тупик» не одолел (да и не попадался он мне целиком), отношусь к его работе уважительно. Хотя что-то и смущало резкостью оценок и недостатком уважения к чужим мукам и чужому труду (а значит, и к культуре). Списывал это на счёт молодости, сам таким долго был. Могу допустить опасность (беду), что он в потоке того всеохватного современного движения, что начало подменять личность человека «имиджем», а искусство – «артефактами». Про себя я называю это мировое бедствие глумлением над жизнью. Думаю, срок этому поветрию отмерен, хотя беды оно может натворить ещё немало. И в контексте этой «моды» для меня, например, какой-нибудь концептуалист Пригов или Вик. Ерофеев в одном ряду с президентом Путиным, ибо применяют каждый в своей сфере одни и те же «технологии», а В.П. Астафьев, Битов или, положим, даже Лимонов, который в матрице Ерофееву сто очков вперёд даст, – совсем

в другом. Не умею это сформулировать, но что-то мне сразу подсказывает, когда человек надует мильные пузыри, а когда пишет, как раньше выражались, кровью.

Что касается Галковского – тут, повторяю, я не судья, знаю мало, но боюсь, что поветрие надувательства каким-то краем захватило и его.

Впрочем, я сам сбиваюсь на слишком уж строгий суд, а ведь то и другое есть почти в каждом человеке. И Пушкин «надувался». Всё дело в мере таланта и в том, какая цена за это заплачена.

«Виртуальность» (лживость, кажимость) нашего нового мира с его «демократией» и «свободой» – вот, по-моему, в чём наибольшая трагедия. В мире повального глумления, как оказалось, не столь уж существенно, что показывать, например, по «ящику» (частный случай): голые задницы или сталинские фильмы. Результат будет один. И кто-то этим результатом с неизменным успехом пользуется (сознательно глумится: ведь Ельцин, Буш, Березовский и т.п. – типаж века, на них равняются миллионы проходимцев помельче!). Бедствие это всемирное, и пока не видно, чтобы народы с ним справлялись.

Возможен ли в этих условиях ответственный диалог власти и культуры, о котором Вы пишете? Всё дело в том, наверно, кто именно будет (с той и другой стороны) такой диалог вести. Он должен проходить без малейшей позы, без желания выкроить что-либо для себя лично. Взаправду. Ведь положение-то отчаянное, катастрофа! При Горбачеве, как бы к нему ни относиться, была в этом деле необходимая мера искренности и заинтересованности с обеих сторон (не напрасно же он подтягивал к себе таких, в сущности, мало-статусных, но авторитетных людей, как Дедков или Залыгин). Сегодня, если в культуре такие фигуры ещё есть (хотя даже старики наши изрядно подпорчены), то во власти я их не вижу. И не нужно им это. Пик вседозволенности достигнут. Долго ли ещё удастся дурачить народ? – вот единственный довольно-таки страшенький (при любом исходе) вопрос. Понятно, что из него следует: нельзя давать дурачить. Но с кем из сильных мира в нынешней откровенно циничной обстановке можно это обсуждать?

Что-то такое должно вначале огреть их дубиной, прежде чем они хоть немного задумаются. Все должны бы хоть на день оказаться в положении Ходорковского. Возможно ли, чтобы правящий класс весь вдруг добровольно отправился в кутузку? Нет уж, они лучше будут развивать паутину своих «технологий», а нами если и воспользуются, то как дешёвым подручным средством.

Вы очень верно и горько пишете о непродуктивности ностальгии (да и по чему ностальгировать, если всё то же было и при Советах?), но мне всё кажется, что народовластие, свобода, равенство и братство, которых Россия никогда не знала, но мечтала о них как минимум два столетия, у нас не позади, а впереди. А без них и о России мечтать нечего.

Простите, что забросал Вас своими письмами. Слишком трогает всё, о чём Вы пишете, и слишком мало с кем можно теперь об этом говорить.

Сердечно Ваши

Сергей Яковлев.

Дата: 2004

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Про Галковского при случае поговорим. Он серьёзнее наших оценок. И труднее. По-моему, он и сам себе труднее, чем мы все можем предположить.

Злость его и прямое раздражение на всю русскую мысль в «Бесконечном тупике» могли бы и смутить. Да и смущали самых разных людей (противников у него всегда было больше, чем сторонников, – если у него вообще были сторонники).

А я вот вчера прочел у Георгия Адамовича, неведомого мне поэта, в чьих строчках мне померещился ответ или хотя бы угадка ответа на вопрос, почему они были так раздражительны:

Оставь меня. Мне ложе стелет скука.
Зачем мне рай, которым грезят все?
А если грязь и низость – только мука
По где-то там сияющей красе?

Вот мне и кажется, что их раздражение и даже грязь на самом деле – только мука, только искание света и надежда, что там, за их бранью, он всё-таки есть. Иначе раздражайся не раздражайся – всё пустяки и тлен. Во всяком случае, я рад, что увидел его «в натуре», как говорил незабвенный Виктор Петрович, вне мифа он оказался прост и естественен.

Что же до «свободы, равенства и братства», которые нам якобы предстоят, то мне кажется, что я лучше всех перевёл этот славный французский лозунг по-русски. У «меня» он звучит так: «Православие, самодержавие и народность». Вся беда, как мне кажется, в том, что мы действительно пытаемся дословно перевести все европейские, американские и иные прочие модели, и так было вчера и есть сегодня. А надо искать «адекватного», родного перевода. И тогда мы не будем так страдать и не будем таким посмешищем в глазах других держав.

И молодые люди (Д.Е. Галковский) не будут тешиться над стариками, а с интересом вслушаются в то, что эти «бывшие люди», годные только на то, чтобы ими посыпать городские дорожки, думают о времени, которое они оставляют.

Горе-то в том, что мы делаем вид, что мы бессмертны, и собираемся жить вечно в удобном нам обществе. А нам уже пора уходить и оставлять этот мир им. И лучше всего посоветоваться – чего они от него ждут и не можем ли мы чего посоветовать. А мы ведь не советуем. Мы командуем. И хорошо, если у нас нет рычагов. А если есть? Если мы можем их прижать? Мы ведь непременно прижмём.

Ах, беда, беда...

И тоска – сил нет.

Спасибо Вам.

Не пройдёт материал у «начальства» – не печальтесь. Бог с ним. Главное, мы с Вами можем иногда перекинуться словом-другим. Это много. И это дорогого стоит...

Дата: 2004

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Вчера по ТВ услышал краем уха, что призвание Достоевского в конце жизни ко Двору (в качестве собеседника, неформального наставника) было «последней в России попыткой диалога власти и духовности». («Духовность» здесь не лучшее слово, но сказано было, кажется, именно так.)

Решительно сказано, но что-то в этом есть.

Молодой ещё Дедков где-то в дневниках писал: если бы власть (подразумевалась советская) действительно была озабочена своим соответствием нуждам и чаяниям народа, она давно бы вычитала это соответствие, то есть желанный свой облик и линию поведения, в великой русской литературе (передало по памяти идею – у Дедкова это выражено иначе, лучше).

Что до меня, мне дорог всякий, кто ищет правду (а не имеет цель пожить за счёт ближнего), в какой бы форме он это ни делал. Поэтому я терпимо отношусь к любым «стилям», даже самым вызывающим, и любопытен в отношении любого новаторства, если вижу в нём душу. Много честного, например, нахожу в современном кино (европейском и азиатском, но не американском). Поэтому же «мой» набор имён такой пёстрый: чувствую в тех, кого прежде называл Вам, муку совести и тоску по красоте. Разумеется, «набор» гораздо шире, в нём не одни старфики. Из поколений с недоверием отношусь, пожалуй, только к своему (нынешние 40–50-летние, птенцы «развитого социализма» и сопутствовавшего ему падению нравов), за исключением редких инакомысливших. В массе это были голые карьеристы, не знавшие ничего святого. Сейчас они в самом активном возрасте, у руля; подозреваю, что плоды преимущественно их трудов мы все и вкушаем. И это именно они привнесли в жизнь глумление. Заполнили им все сферы: политику, журналистику, бизнес, даже литературу (Жириновский, Березовский, Немзер, Василевский, Павловский, теперь вот какой-то Белковский... нет числа). Отдельный срам в том, что почти все брежневские питомцы нынче – «консерваторы» и Ваш «перевод с французского» давно подхватили. Этим господам всё равно, какому богу молиться, лишь бы навар был. Именно это я пытался высказать в своём сочинении про «Новый мир». Не знаю, попало ли Вам оно, и если да – как Вы к этому отнеслись; скандал вышел большой (против моей воли), а в 2001-м (или 2002-м) кто-то даже выдвинул на «Национальный бестселлер». Если не попадалось – пришло с радостью.

Ваш очерк с большой охотой подписан в печать главным редактором и вернулся ко мне без изменений. То есть все изменения, что сделаны, сделаны мной. Присоединяю его в нынешнем виде к письму. Восстанавливайте, дописывайте и правьте, что сочтёте нужным. Время ещё есть...

Дата: 2004

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Несколько слов в статье я восстановил – пересылаю. Не из каприза, а почему-то казалось важным. Бог даст, Вы этих восстановлений и не найдёте...

Что до того, чтобы обществу учиться у русской литературы, то коли прежде не училось, то теперь уж лучше не надо – как же научишься у нынешней литературы? Все сроки учёбы прошли. И результаты уж вон они. Здоровее мы уже не будем. Только выучимся жить пустяками, если матушка-церковь не устыдит. А она будто сама себя стесняется – не то чтобы нас приструнить.

Материала Вашего о «Новом мире» не видел. Простите. Читаю много, но как-то всё случайно. А периодику вообще вижу редко. Буду рад прочесть...

Дата: 2004

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Недавно заглянул в книгу Вашей переписки с Астафьевым (она у меня уже год как «настольная»)⁵ и прочёл в письме Виктора Петровича от 1994 года: в «Новом мире» ветер гуляет по коридорам, Залыгин стар и не справляется, а всеведущая секретарша в отпуске...

⁵ Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России / Сост., предисл. Г. Сапронова. Послесл. Л. Аннинского. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. – 512 с.

Именно в эту пору, через месяц-другой, я пришёл в журнал по приглашению Залыгина его заместителем. Что было в последующие четыре года, как раз и рассказывается в моей «хронике». Напечатать её отважился только Никольский в «Неве» (должно быть, думая, что Питер от Москвы далеко), в двух первых номерах за 2001 год. Продажа тех номеров, как сам Никольский мне говорил, подскочила в несколько раз. Позже осторожными отфывками перепечатал кое-что «роман-журнал» Ганичева. Реакции были очень разные. Один из самых дорогих отзывов – громкая похвала Валентина Григорьевича Распутина⁶ (а мы с ним почти не были знакомы). Ну а как отреагировали «заинтересованные лица» и близкая к ним «литературная общественность», Вы, надеюсь, догадаетесь, когда прочтёте. Выпустить книгой, несмотря на востребованность, пока не удалось: жжётся. Для них-то всё спасение – в молчании.

«Неву» я для Вас приберегу, а пока попробую отправить всё сочинение приложением к письму. Не знаю, какие у Вас отношения с техникой, легко ли читается с экрана...

Нет сил бывать в центре Москвы. Красная площадь средь бела дня наглухо перекрыта от Кремлевской стены до ГУМа, кругом стража, чтобы попасть на другой конец – пожалуйста через весь магазин. Теперь вот, в разгар майского цветения, и Александровский сад почему-то недоступен. Когда по перекрытому Новому Арбату (бывшему Калининскому) мчится кортеж, чувство такое, что ты попал в Чили сразу после пиночетовского переворота. Куда там Андропову с его топтунами! И средства информации сколько-нибудь значимые – все нынче, навострив уши, слушают указания то ли из Кремля, то ли прямо из ФСБ.

Вот это всё и есть глумление. А народ наш безответен.

Что ожидается у Вас на Пушкинских днях? Принимаете ли, как прежде, участие? Я стараюсь каждый год в июне посетить Петербург (город почти родной – 10 лет там учился, теперь езжу в гости к дочери), а в Ваших местах, увы, побывать не пришлось, хотя и давно мечтается...

Дата: 2004

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Дорогой Сергей Ананьевич!

Я с тяжёлым чувством прочитал Ваш мемуар о «Новом мире».

После этого брать журнал в руки трудно. Вероятно, так было (да, вероятно, и есть) везде – во всяком случае, по рассказу С. Лурье, так было в «Неве», так же развивались события у Ананьева и Барметовой. Когда мир теряет совесть, он теряет её всюду. Когда умирает народ, развязываются руки у нечистоты мира. Народ для того и убивается (чтобы не сказать – уже убит), чтобы совесть не путалась под ногами, чтобы мы были всяк по себе и решали проблемы к своей выгоде, а какими средствами мы это делаем, уже дело второе. «Все так делают» – вот желанный и всё оправдывающий припев.

Всё во мне болит после чтения, как после избиения. Значит, я правильно сделал, попросив исключить меня из членов нашей своедельной Академии, из соседства с Немзером и Василевским (принят был как-то странно – однажды известили и всё. Конечно, моё провинциальное тщеславие было на минуту утешено). А потом я оказался в жюри Аполлон-Григорьевской премии и после первого

---

⁶ См.: День литературы, май 2001 г., № 6 (57), с. 2.

же заседания подал заявление и ушёл – так это было болезненно и, при всей внешней протокольной правильности, невыносимо.

Какая радость, что я живу далеко и не пересекаюсь с этим миром...

Дата: 08.11.04

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Дорогой Сергей Ананьевич! Прочитал я Ваше «письмо» из Солигалича. И с особенной остротой понял неподъёмность Вашей утраты милого дома, выращенного, как дитя, своими руками.

Многое в книге отозвалось мне редкой сродностью, счастливой и печальной духовной близостью. Любовь всё время горько мешается с неприязнью. Это очень по-русски. Любить вообще русского человека и Родину и страдать от столкновения с ними в реальности. Видно, так было и будет всегда. И чем далее, тем горше, потому что мы уходим от себя всё дальше и невозвратнее.

На сердце тяжело. Простите...

Дата: 2004

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Дорогой Валентин Яковлевич!

Спасибо.

Я ведь понимаю, сколько всего стоит за Вашим драгоценным для меня отзывом, и что тяжесть Ваша после чтения – это мне скрытый упрек, да ничего поделать с собой не могу.

Хочется создавать красоту, чтобы краски звенели, потому и помнятся всю жизнь – пусть хоть та страница из «Царь-рыбы», которую я упоминал в разговоре с Вами, где автор сравнивает симфонию Калинникова с одиноко стоящей осенней березой, или Павловский парк белой ночью у Достоевского в «Идиоте», или овраг в «Овраге» Гончарова – две или три странички ближе к концу, безумная сцена, неведомо как и написанная, но ради этих-то страниц, как любил повторять Достоевский, всё остальное и пишется. Всё великие художники, а никто на них с этой-то стороны, как на художников, почти не смотрит, и уж совсем никого не занимают страдания русского писателя, которому всё самое заветное, искусство как таковое, приходилось проносить через свои писания чуть ли не как контрабанду, стыдливо и тайком. Только Набоков, пожалуй, позволил себе раскрыться (и даже с вызовом), и вот парадокс: его звенящие краски доставляют читающему наслаждение, но потрясения – нет.

А по следам Набокова – толпа нынешних «стилистов»...

Тут, действительно, угроза и роману как жанру, и чему-то ещё более важному...

Дата: 10.11.04

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Мне бы не надо сознаваться, что я принял основную мысль романа, но смутился художественной растерянностью, а только это действительно так. Текст ослаблен слишком домашней исповедной нотой. Исповедь – есть непременно условие настоящей прозы, но когда она становится «слишком домашней», чита-

тель закрывается. Когда меня искушают писать прозу (а время от времени кто-то непременно советует бросить неблагоприятный жанр критики и уйти в сочинительство), я даже не обсуждаю, потому что слишком знаю эти дорогие страницы русской прозы, которые нельзя написать, не будучи одарённым Господним даром. Силы-то есть, и знание есть, а только куда же от себя-то денешься. Меня часто ругают, что в переписке с Виктором Петровичем я отказал в праве называться великим прозаиком Фёдору Абрамову, и даже Виктора Петровича, который его таковым считал, смутил, так что он тоже поддакнул мне. Меня укорили в этом не далее как неделю назад в Иркутске. А всё-таки я стою на своём. Абрамов прекрасно знал, «как надо» писать деревенскую прозу (не зря долго работал на кафедре советской литературы), но писал её в точном соответствии с требованием нормы. И всё в его прозе верно, а однако поставить её в театре смог только Лев Абрамович Додин. То есть не то что смог, а поставил. А русские режиссёры даже не пытались, потому что бессознательно знали, что там правда, взвешенная на аптечных весах, и им было скучно. И принимали Додина так пылко, потому что это было назывное определение России (и в России, и за пределами) – без тайны, без ужаса молчания, которым только и можно как-то передать наш народ. Это умеет Распутин, это умел Астафьев, и из них хороших спектаклей не получится. Тут я даже развивать ничего не буду, чтобы не прослыть тем, чем не являюсь. А Вы мне действительно после романа стали дороги. И я жалею, что не прочитал его раньше – до встречи. Можно было бы говорить сразу «вперед», минуя «перенюю», где мы чаще всего останавливаемся...

Дата: ноябрь 2004

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Ваш прекрасный очерк «Дом у дороги» торжественно стоит в плане январского номера Родины⁷. Я должен был первым делом написать Вам об этом, но сбился на свои переживания. Простите...

На что ещё журнал может надеяться? Возможно ли продолжение «музейного» цикла, так удачно Вами начатого для нас? Или портреты, но уже – из других «профессий»? Или, может быть, что-то из «Подорожника», не вошедшее в книжку⁸?

Подумайте об этом. Благодаря Вам журнал исправляет свои кривобокость и сутулость, поэтому я горячо заинтересован в Вас как постоянном авторе «Родины». Мои сотрудники, как можно судить по первым откликам, – тоже.

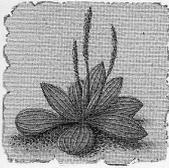
И еще: Вы такой один, но в Вашем поле зрения должны быть достойные очеркисты, которые неизвестны мне, а возможно, и вообще в московских журналах. Был бы очень благодарен Вам за подсказку. Всё-таки я не хочу отступаться от собиранья современных русских очеркистов, пускай эта затея и кажется на первый взгляд безнадёжной.

Об Абрамове и Додине так, как Вы, никогда не думал. Всегда ценил обоих (по-разному), а Ваш подход – совершенно для меня фантастический. Но Вы, скорее всего, правы, и с этим придётся свыкнуться. Да писали ли Вы об этом специально (именно о них двоих), излагаете ли вообще публично подобные переворотные идеи? Ведь такое должно бы иметь бешеный успех?

⁷ Валентин Курбатов. Дом у дороги // Родина, 2005, № 1.

⁸ Валентин Курбатов. Подорожник: Встречи в пути, или Нечаянная история литературы в автографах попутчиков / Предисл. В.Г. Распутина. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2004. – 352 с.

ВАЛЕНТИН
КУРБАТОВ

ПОДОРОЖНИК

Сергею Яковлеву
с благодарностью и
спасибом за
фильм
Ва Курбат

ИЗДАТЕЛЬ
САПРОНОВ

Иркутск 2004

Что до моих вкусов, для меня современный театр оборвался на еврее Товстоногове. После него всё скучно как повинность. Ещё один «просто» художник (и какой!).

Спасибо Вам за читательский труд. Сам я читаю медленно и мало и знаю, насколько это тяжело...

Дата: ноябрь 2004

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Походил три дня по Михайловскому. Санитарный месяц. Ни души! Только ветер гудит в вершинах, будто где-то далеко идёт поезд. Поползни деловито переворачивают листву, выискивая зазевавшуюся мелочь. Последние золотые листья на яблонях как птенцы перед отлётом. В семь уже темнота непроглядная. Решись зайти поглубже в парк – дорожки не видать, рискуешь наткнуться на ветки и тотчас вспомнишь, что осенью здесь часты волки – даже в парке. И сразу что-то зашуршит во тьме, запос-

крипывает... Нет, лучше обратно – к свету. А он-то как – барин-то. Тоже ведь, наверно, выйдет на минуту на крыльцо и скорее обратно. Тяжело, тоскливо, нестерпимо. Поневоле взвоешь, как подумаешь, что тебе надо тут сидеть и год, и два.

Про очеркистов для «Родины» ничего сказать не могу. Они вообще куда-то подевались. Немоден сейчас этот жанр – все сразу в прозу бегут. Поговорите с Дмитрием Геннадьевичем Шеваровым. Вы его, верно, не раз читали. Особенно в «Первом сентября». Так нежен и чист, так тонок и бережен, что даже уж и страшновато – как могла сохраниться такая душа в нынешнее время. Он пишет именно очерки. Позвоните, сошлитесь на меня и встретьтесь – увидите, что за чудо!..

Дата: ноябрь 2004

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Шеварова я, конечно же, давно заметил. Года четыре назад с большим трудом его разыскал, наговорил комплиментов, пригласил писать. Принёс – что-то старое, что никуда у него не шло. Мне удалось одну его заметочку (при большом сопротивлении редакции) всё-таки напечатать, и опять просил написать специально для нас. Не лирическую прозу, а нечто событийное и сюжетное. Близкое к тому, что шло у него – хоть в «Первом сентября», хоть в «Деловом вторнике»... Ничего! Работа на газету, похоже, ему роднее, а тут как бы не хочет «подстраиваться». (В кавычках, потому что я-то, уж Вы меня знаете, никогда и не жду от авторов, что они будут подстраиваться.) С одной стороны, его дар действительно более лирический, нежели очерковый; бьёт на слезу, избе-

гает прямого слова; по мне так хорошо, просто замечательно, и будь у меня свой журнал, я бы всё его печатал; но здесь привыкли к более сухим и скупым словесам. С другой – есть, видимо, приводящие причины его отстранения. Его пригрезл нынешний «Новый мир»; все для него там теперь как родные; легко понять, что он за журнал держится. А у них позиция для своих жёсткая: всё, что связано с Яковлевым, – под запретом; либо они, либо я. Это я наблюдал на других малодушных (Кублановский теперь чуть не роняет от страха трубку, когда я ему звоню), думаю, что и здесь это сказывается. Печально.

Теперь вот грядёт обсуждение в ЦДЛ моей книги про «Новый мир»⁹ (24 ноября), пригласил и его. Посмотрим, придёт ли. Я стараюсь быть в таких случаях деликатным, ничего не прошу и никакой позиции не навязываю, да и сам я человек принципиально беспартийный (был таким во все времена). Вот факты, читайте! Но и факты страшат. Лучшие закрыть глаза и не знать или, например, списать на личные обиды, сведение счётов и т.д., чтобы отворотиться и сохранить при этом своё лицо. А другие – подвёрстывают мои факты к своим групповым интересам так или этак. Не много людей сильных и чистых, как Володя Леонович, готовых стоять за правду даже и тогда, когда от этого им прямой ущерб.

До сих пор не могу спокойно вспоминать об этом.

А с Вашей новой книги, с того самого места, где разговор о «заигравшихся» в этой жизни¹⁰, хотелось бы начать разговор в ЦДЛ...

Но Вы ничего не сказали о своих планах в отношении «Родины». Можно ли надеяться на продолжение?..

Дата: 23.11.04

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Я не уклоняюсь от сотрудничества с «Родиной». Мне это не по чину. Слишком высок и серьёзен журнал, слишком высока честь, чтобы тут ещё о чём-то думать. А если молчу и не обещаю, то потому, что боюсь, что уже слишком окаменел сердцем. Почему я и удивляюсь и радуюсь Диме Шеварову. Как это он посреди всего, что происходит и что он видит, остаётся светом и счастьем. Его бы надо печатать, несмотря на все репутации и тенденции журналов, несмотря на их «программы», – просто как рецепт народного спасения, как доказательство нашей жизни, с которой что ни делай, а внутри неё сохраняются такие дивные свидетели нашей корневой чистоты. Печатать и радоваться. Такое слово дороже всех программ и всех мастеров высокого уровня журнализма и служения идее.

А я уже не могу. Слишком устал. Слишком утомился сердцем и слишком изверился.

Поэтому я очень хочу работать для «Родины» (сегодня меня печатает по старой памяти одна «Литературная Россия»), но пока коплю силы, ищу способов укрепить душу. Как только почувствую себя в силах увидеть ясный нынешний характер, здоровую силу, живую человеческую крепость, – так, конечно, и сам за неё ухвачусь и постараюсь написать.

А пока – молчание, невольная немота.

Спасибо, Сергей Ананьевич!

⁹ Сергей Яковлев. На задворках «России»: Хроника одного правления. – М.: Логос, 2004. – 232 с.

¹⁰ «Вообще вопрос об игровой психологии в жизни людей и стран – сейчас для мира вопрос жизни и смерти. Игру никак нельзя принимать за саму жизнь. Живя, понимать, что не играешь, а живешь. А играя, сознавать (и чтоб другие знали), что это именно игра». Из письма В.Д. Берестова // Валентин Курбатов. Подорожник: Встречи в пути, или нечаянная история литературы в автографах попутчиков. С. 70–71.

Сегодня еду в Чусовой на годовщину (уже третью) Астафьевской кончины – к тому самому Леонарду Постникову, о котором писал у Вас. И тоже надеюсь подкрепить сердце у этого чудесно живого человека...

Дата: 07.12.04

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Пишу, можно сказать, без повода – журналы выходят редко, когда ещё доложу Вам о появлении Вашего очерка (полагаю, не раньше середины января, ввиду праздников)...

20 декабря будет вечер памяти Игоря Дедкова к 10-летию его кончины. А вчера по каналу «Культура» печально включил программу Саши Архангельского, старинного моего, хотя и не слишком доброго, знакомого, и там на обсуждении вопрос: интеллигенция или интеллектуалы нам нужны? (Господи, задайте-то какие!) И «эксперты» вроде А. Коха. Один (кажется, именно он) говорит: интеллигенция – это неудачники: подайте милостыню, нас в детстве не научили воровать! Другой (А. Кабаков): русская интеллигенция научила народ бунтовать и до сих пор не покаялась, но теперь её, к счастью, нет, потому что нет поводов для бунта(!)... Из раза в раз на экране одна и та же когорта, и никто из них не придёт на дедковский вечер, как никогда не позовут к себе тех, кто туда придёт.

Снова возвращается в Россию то, что, возможно, было при Петре: обитатели одной «культуры» взирают на обитателей другой как на марсиан, и нет ни общих смыслов и ценностей, ни даже попытки говорить на одном языке.

Кстати, и у Архангельского, и у косноязычного Коха то и дело вертелось: церковь! Вроде как интеллигенция поневоле заняла место учителя нравственности, когда настал атеистический XIX век, но теперь-то у нас всё в порядке, церковь снова в силе и никакая интеллигенция больше не нужна.

Если сопоставить это с «консервативным» разворотом правящей казбэшной верхушки и некоторой даже ностальгией по сталинщине...

Я когда-то, ещё в юности, сочинил: интеллигентность – это тоска от недостаточности жизни. (Т.е. скудости, блеклости, пошлой предсказуемости явленного человеку мира, от чего и исходит воля к творчеству и преображению.) И в этом смысле чем дальше, тем больше, похоже, будет в России плодиться интеллигенция. (Если, конечно, не вытравят всю физически.)

(Любопытная деталь, услышал только что: бывший охранник Ельцина Коржаков, оказывается, – новообращённый старовер и немало жертвует своей церкви! Ну что будешь с ними делать...)

Простите, что занимаю Ваше время вздором, значимым, возможно, только для меня.

Тяжёлое впечатление от сегодняшней русской политики: кругом по периметру – сплошные провалы, и только внутри, похоже, грядёт укрепление (как обычно, на костях сограждан, ничуть не связанное с мыслью или духом). Та «державность», от которой ещё при Советах воротило Дедкова.

Как прошла Ваша поездка? Не сложилось ли чего для «Родины»?..

Дата: 07.12.04

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Спасибо за весточку, Сергей Ананьевич!

В Чусовом было прекрасно – бегал на лыжах, позабыв лета. Благо зима была ненаглядна в своей берендеевской красе. Получил медаль «За заслуги перед

Чусовым», хотя моих заслуг было только то, что мои мама и папа работали здесь с сороковых по семидесятые годы до полного износа, а я им в меру сил помогал. Мама была мотористом на водокачке, а папа землекопом, и я с мамой включал и выключал рубильники, а с папой копал землю под фундаменты домов. А потом сам работал тем же землекопом, бетонщиком, потом столяром, и мои рамы и двери ещё глядят на Божий свет в моём городе. И я так и понимал свои заслуги, а вовсе не отмечаемые властями литературные работы. И потом ходил на кладбище и показывал медаль отцу (он лежит в Чусовом), а скоро поеду и покажу маме – она легла уже здесь, в Пскове.

А в Перми сидели в Оргкомитете и решали, что «Астафьевские чтения» должны быть федеральными и проходить по очереди в Перми, Красноярске и Вологде, где В.П. жил дольше всего. Сочинили и премию для сурьёзных и глыбоких прозаиков. Называется «Зрячий посох» и составляет сто тысяч рублей. Дал бы Бог, чтобы что-то из этих решений вышло.

Вы говорите, что вечер Дедкова будет в ЦДЛ двадцатого декабря. А меня звали на это же число на вечер Т.М. Глушковой, с которой мы трудно дружили без малого сорок лет. Я много писал о ней. Только что в Питере вышли две её книжки (стихи и проза) такой красоты, что только вздохнёшь, – лучше бы так красиво при жизни. К поэзии я писал предисловие (уже не первое – писал и к её лирике в Молодой гвардии). Вот сейчас и пошлю Вам это предисловие – вдруг Вы не читали Татьяну Михайловну и не очень представляете. Лучше бы две эти фигуры в вечерах объединить, чем рвать одну аудиторию. Впрочем, ИМ там виднее.

У меня для «Родины» пока ничего нет. Замучился с предисловием к Платонову. Долго отнекивался в ЭКСМО, говоря, что это мне не по силам. Но они настояли, и вот я бьюсь и не могу сдвинуться с места. Поеду дня на два в Михайловское – авось там пойдет полегче.

Неожиданно хорошо говорят о моём «Подорожнике», а я только повторяю за моим Сёмочкиным¹¹: если уж такие ребята, как мы, стали что-то из себя представлять, значит, дела у Отечества плохи...

Дата: декабрь 2004

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

... Читаю и перечитываю Ваше предисловие к Глушковой. Я действительно почти ничего о ней не знал (кроме «репутации» перестроечной поры, которая была известно какой), т.е. не читал её специально, только фрагменты, отдельные публикации в периодике. И вот что выходит теперь, после Вашей статьи: Вы в ней мне неизменно, как во всём, близки, а Глушкова – лишь отчасти, отдельными сторонами (отношением к 1993 году, например), а где-то ещё резче пролегла граница раздела и, может быть, неприятия, чем раньше, до «незнания». Да ведь так и было Вами задумано? (Не по поводу меня, конечно, а в предельной прорисовке поэта.) В целом – картина трагическая и совершенно безнадежная (и опять-таки не от Вас исходит эта безнадежность...). Думаю, это очень хорошее и точное предисловие. Самой книги, к сожалению, пока не видел в продаже.

¹¹ Александр Александрович Сёмочкин – тогда директор музея-усадьбы В.В. Набокова «Рождествено», герой очерка В. Курбатова «Дом у дороги». Автор журнала «Письма из России» (2009, № 1).

Насчет объединения вечеров памяти... Можно ли объединять то, что само не соединилось в жизни? Когда-нибудь, под корочками одного словаря или учебника «русской классики XX века», но не теперь. Не ведаю, каково «там» будет Дедкову, но мне, например, было бы тяжело увидеть и услышать на его вечере Проханова, хорошо зная пролежавшую между ними пропасть. А ведь есть, живы ещё и более близкие, чем я, люди. (Не только у Дедкова, но и у Глушковой, конечно.) Мир и война – это всё-таки очень разные – не позиции даже, а человеческие субстанции. Дедков – человек мира. «Слезинка ребёнка» для него, как и для Достоевского, – не аллегория и не слонтяйство. Что уж тут о реках крови и океанах боли, которые кладутся в основу пускай и пушкинской строки. (А если – ельцинского «фынка»? А – «мировой демократии»? У каждого своя гармония...) Таков Божий мир? Значит, стрелочник изначально направил состав не туда. Вот главное, по-моему, что человечество постигает из русской классики. Атеизмом тут и не пахнет. Бог не в том, что есть, а в том, чему следует (по совести) быть. А по совести не только люди, но и тигры должны были родиться травоядными. Может быть, это наивно, но я действительно так думаю, и любая другая логика для меня – иезуитство. Октябрь 1993-го – важный, но не самый полноценный критерий для объединения. Хочется чего-то иного, кровного, о чём пытался сказать Мандельштам: «Мне на плечи кидается век-волкодав...» Вызывает зависть, насколько всё-таки однородной в своей гуманности и в демократизме была наша старая классика. (Леонтьев, конечно, выпадает, может быть – Горький, кто-то ещё, – немногие и не крупнейшие.)

Спасибо Вам за Ваши письма. Они и поддерживают, и побуждают к размышлениям.

«Подорожник» – чудная книга. Для меня загадка, как Вы запоминаете и, спустя часы, а то и дни, переносите на бумагу длинные рассказы в авторской интонации со всеми подробностями. Ситуации, реплики – да, и во мне остаётся, но целые истории? Но тем живей и дороже попавшие в книгу портреты и мысли...

Дата: 19.12.04

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Напишите мне немного после вечера, Сергей Ананьевич!

Как там всё было у Дедкова? Что доносилось от Глушковой? Мне жалко, что Вы не знаете её публицистику (на вечере должны были продаваться не только стихи, но и том публицистики – они вышли одновременно). Репутация Татьяны Михайловны составлена дурными людьми и теми, кто был прежде дружен с нею, но кому она не простила потом их «патриотятины», как она звала патристическую публицистику «Завтра» и «Нашего современника». Она была лучшим продолжателем К.Н. Леонтьева, которого Вы, кажется, тоже недолюбливаете. Но когда сейчас я читаю его, я всё с большей привязанностью думаю о нём, о его сопротивлении всеобщей уравнительности мира, и о том, что все национальные движения в конце концов кончаются омерзительной либерализацией, в которой человечество становится неразличимо и высокая народная традиция уходит постепенно на сцену, на продажу, к Бабкиным и Кадышевым. Как ушло оно <национальное движение> таким образом у греков, у сербов, у болгар, которые, кажется, не продавали нас только из лени.

Патриотизм Татьяны был строг и мужественен. И требователен – что особенно было неприятно её товарищам, привыкшим ходить в «патриотах» даром, без труда служения, без стояния, без нелюбимого разговора со своим народом. Это был ум могущественный. Переписка с нею была всегда трудна мне. По неде-

ле не решался открыть конверт, потому что знал, как трудно будет отвечать. Её мысль всегда была проведена неуклонно – как в статьях, так и в письмах, – подчёркивания, курсивы, разрядки. Не увильнёшь, не отговоришься непониманием. Видно было, как она одинока, – разве я мог быть ей собеседником? Но она писала, вслушивалась, искала людей, кому была бы дорога Россия, как она была дорога ей – до настоящего страдания. Очень жалею, что два эти вечера нельзя было соединить и услышать друг друга, потому что нельзя делить Родину. А так опять разойдёмся на «чистых» и «нечистых», а пройграем сами себя и своё дело...

Дата: 21.12.04

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Дорогой Валентин Яковлевич!

Вы как всегда были правы. Примите милосердно моё покаяние. Я ведь не ведал, что речь о параллельных вечерах в один час в одном доме! Думал, насчёт объединения – Ваши умозрительный вывод, и стало немножко обидно за Дедкова (почему не дать ему своё время и свою аудиторию?)... Вам издали видно больше. То и получилось, что Вы предвидели: Аннинскому, например, пришлось бежать с вечера на вечер, чтобы успеть сказать тут и там...

Но это всё «механика». Понимаю, что Вы правы и в более существенном. Иногда просматриваю Ваши письма и запоздало вижу, что не услышал Вас, отвечал «со своей колокольни», по-накатанному, а надо было вдуматься. Простите. В этом смысле (и в этом тоже) Вы мне необычайно много дали, хотя и не знаю, идут ли такие уроки впрок, да и Вам от этого, конечно же, не легче.

Насчет Леонтьева: я очень люблю его читать (любил давно, ещё до «перестройки»), но принимать всерьёз это «элитарное» жестокосердие всё-таки не готов. В таких случаях мне кажется, что человека просто «среда заела» (та самая, революционно-демократическая), и он хорохорится – русский же человек! Но возможно, и тут ошибаюсь. Давно не перечитывал.

А насчёт того, что здесь и сейчас антидемократические теории особенно опасны, у меня, в свою очередь, есть (недавно сложилась) своя теория. Народ наш перед лицом природной (силовой) селекции беззащитен, ибо общественные инстинкты и навыки в нём убиты родным «социалистическим» государством. Я в последние годы всё гадал: откуда у нас такое неприятие всякой общественности? Как за считанные дни нуворишам удалось столь радикально перевернуть сознание массы советских коллективистов? Почему вдруг в России ненавидят социализм больше, чем в Англии? А это не ненависть, не неприятие, а незнание и неумение. Людей отучили объединяться для самозащиты. Старое государство брало все общественные функции (профсоюзные, коммунальные и т.п.) на себя, предельно их бюрократизировало и отсекало всякую инициативу. В этом смысле все, увы, действительно «совки», только совсем иначе, нежели это принято думать. То есть не захребетники, а, наоборот, не умеющие сопротивляться захребетникам. Наши люди не избалованы равенством, напротив. Их следовало бы к мысли о равенстве приучать, чтобы повысить немного самооценку и выживаемость народа, – пока нынешняя «элита», сама себя назначившая, не втоптала его в грязь окончательно.

Говорил об этом немного на дедковском вечере. Дедков – неколебимый социал-демократ, и слава Богу. Этого нынче сильно не хватает.

(Сам я по характеру отъявленный индивидуалист и даже с близкими общаюсь трудно. В советские годы, как многие, спасался мыслями об «аристократии духа». Но когда вижу,

как сегодняшние магнетизёры манипулируют толпами разобщённых людей, – становится страшно. Это почище любого «тоталитаризма».)

Ваш «Подорожник» на дедковском вечере поминал и цитировал – в подобающем и достойном контексте...

Дата: 06.01.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...А я решил поболеть. И уж раз решил, то и поболел. Грех не держать слова. И пока ни о каких философических предметах думать не могу – сердце и голова ещё в самом младенческом состоянии. А думаю только о счастливом Рождественском вечере, о восходящей Вифлеемской звезде, которая горит уже над половиной России. И батюшки уже разогнули служебные книги и нетерпеливо заглядывают в стихи Праздника, чтобы уже сейчас загореться и торопить день. Как дивны эти стихи, которые будут звучать сегодня: «Христос с небес – срящите! Христос на земли – возноситеся!» Как счастлив этот взаимный встречный полёт: Он – к нам, мы – к Нему! И встреча где-то там, в небесах у Вифлеемской звезды. Пошли Вам Господь покоя и радости!..

Дата: 11.01.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Извещаю о выходе журнала с очерком про Сёмочкина – пусть эта новость хоть немного поддержит Вас в болезни. Благодарен Вам за весточку и рад Вашему душевному состоянию, тому, что на излёте физического недуга не пристала к Вам хандра, как бывает нередко. А при таком светлом настроении Вы справитесь с любой немощью...

Дата: 05.05.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Май будет труден. Астафьев, потом сразу Пушкинский праздник. И там, и там надо будет что-то говорить, даже и вести какую-то часть. А слова уже повыцветли, поистратились, износились. Вроде говорим вещи важные, а никто не слышит, потому что слово уже не означает того, что означало при рождении. Так и живём – в словесном пространстве, которое почти и не граничит с реальностью, скорее даже подменяет эту реальность, обманывает нас внешним подобием. Писать сейчас вообще очень трудно и даже отчасти стыдно. Слово перестало быть плотью. И говорить тоже. Неудобно выходить перед людьми и снова и снова повторять то, что они и так знают, бессильно пытаясь вернуть слову подлинность...

Дата: 06.05.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Вы часто говорите перед публикой, Вам виднее, но могу высказать своё искреннее впечатление: Ваши выступления (чтения) всегда потрясают. Мысли значат всё-таки больше

слов (а то, что за мыслями, не поддающееся определению, – ещё больше). Ну что такого нового в словах Дедкова, кроме прекрасно впитанной русской интеллигентской культуры? А сражает наповал. И другая утешительная мысль совсем недавно пришла в голову, уже собственно о языке: вот Леонович, например, расширяет нынешний язык со стороны народной (давно и вполне сознательно этим занимается, собирает свой поэтический словарь по глухим деревням), Битов – со стороны культуры, и так далее; каждый честно работающий, в каком бы ключе ни работал, что-то привносит; и за всё это можно быть им только благодарным. На каждом из этих направлений толпятся также бездари и паразиты, убивающие не только язык, но и сами основы жизни, но это уже совсем другой разговор.

Так что могу только повторить: Вы – нужны. А внимающих с толком и никогда-то не было слишком много.

Леонович хотел обратиться к Вам (и обратится, наверное) с просьбой, к которой и я горячо присоединяюсь: не поможете ли, Валентин Яковлевич, привлечь внимание замечательного Вашего иркутского издателя¹² к бесценному наследству Игоря Дедкова? Качественно изданный сборник лучших его вещей мог бы стать бестселлером. Но дело не в этом, а в том, что без него худо в России с совестью. (Далее мы с Вами, конечно, разойдёмся, но я твёрдо убежден, что вернуть её нынешним русским можно только через дедковский строй мысли, а не через церковь: потому что церковь в глазах людей – «прислужница» несправедливой власти, капитала и т.д., как сто лет назад и даже более, если иметь в виду её реальное перерождение, а также невытравленную советскость умов.) За десять лет после кончины Дедкова вышла только что первая и единственная книжка – в Костроме, на местном материале¹³...

Леонович уже собирает на новое издание деньги – пустил шапку по кругу. Что-то и набралось. Но одному ему, конечно, не справиться.

У меня, как я уже говорил, лежит Ваш гонорар за статью о Сёмочкине, так что не проскочите мимо, когда будете в Москве, а если надо раньше – подскажите оказию. (Могу выслать почтой, но там большие потери.)...

Дата: 07.05.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Спасибо за добрые слова! Комплексов моих они не пошатнут, а всё-таки на минуту на душе и посветлеет.

Что до гонорара, давайте распорядимся им так – передадим его на издание книги Игоря Дедкова. Больше-то я ничем помочь не могу. А это хоть какая-то благодарность Игорю за его дорогое для меня дело. К издателю иркутскому я уже с этим обращался... Если книга будет составлена, отредактирована и речь пойдёт только об оформлении и издании, я думаю, мы его уговорим. Хотя пока ничего обещать не могу...

Дата: 24.05.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Как было в Перми? Много ли знакомых? Слышал от Кураева, что он тоже туда собирался.

¹² Имеется в виду Геннадий Константинович Сапронов.

¹³ Дедков И.А. Эта земля и это небо: Очерки. Заметки. Интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994 годов / Сост. Т.Ф. Дедкова. – Кострома: ООО «Костромаиздат», 2005. – 432 с.

По поводу Дедкова. Ваши деньги (гонорар в «Родине») переданы Володе Леоновичу в фонд будущей книги. Письма Ваши с адресом Сапронова я скопировал и передал ему и Тамаре Федоровне Дедковой. Мы плодотворно сотрудничали с ней ещё в «Новом мире». Сейчас она с радостью взялась за том «Избранного» для Сапронова и, вероятно, скоро свяжется с издателем. Спасибо Вам ещё раз от всех за поддержку.

Дата: 26.05.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...В Перми было по-всякому. Было отчаяние – что всё сорвалось. Было и утешение. В конце устроителям даже показалось, что вообще всё прошло хорошо и они в большом выигрыше. Вице-губернатор (он у них бывший ди-джей – простите, я не знаю, что это такое, и, очевидно, пишу это слово неверно), оболещённый нашими хитростями, «завёлся» и попросил «раскрутить бренд» (а это что такое?) Астафьева пошире и представить «проект», не считаясь с затратами. Правда, назавтра всё позабудет, но мы нарочно окружились свидетелями, а потом я сказал об этом святом порыве ещё и в прессе, так что, может, и не забудет.

А печали – равнодушие публики. Равно пермской и чусовской. В Чусовом открывали первую (вообще в городе) мемориальную доску на вокзале, куда Астафьев приехал в 1945 году. Не было ни одного начальника (хотя бы самого копеечного), ни одного журналиста (даже из «Чусовского рабочего», в котором В.П. работал в конце 50-х годов). Несколько выпускников соседней школы да дватри прохожих бомжа – вот и все свидетели события, которое, как мне казалось, должно было собрать весь город, потому что В.П. прописал Чусовой в бессмертии и своим рождением на этой станции окликает другую станцию, которая была смертным ложем для другого великого писателя. Но там при смерти Льва Николаевича стояла вся Россия, а тут при рождении – никого...

А теперь вот повисает наш Пушкинский праздник, и опять болит сердце. Нас съест равнодушие прежде, чем прикончит правительство.

Сапронову я ещё раз напомнил о Дедкове. Он знает и ждёт рукописи. Обязательств никаких он на себя пока не берет, да я и не связываю его ими – пусть говорит рукопись. Я думаю, она постоит за себя сама.

А уж как-то приходиться в себя буду после Михайловского – через неделю...

Дата: 30.05.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Дорогой Валентин Яковлевич,

письмо получил, спасибо. Вернулся из Перми Аннинский, тоже порассказал кое-что. Не был я там никогда в жизни, да и на Урале не был, и не тянет что-то. (Зато обходил Россию с севера – по Ледовитому океану.) Надеюсь, в Михайловском всё будет легче и счастливее. Буду ждать Вашего возвращения и новой возможности переписки. Лето – время для ума нелёгкое; за многое сразу хочется приняться, а мочи нет. И главное, изводит мысль о последних силах, растрачиваемых ради скудного заработка на чужое дело. Как ни креплюсь, а этот журнал для меня всё-таки совсем чужой, и переломить что-то в свою сторону удаётся крайне редко, ценой невероятных (и, увы, нетворческих) нервных затрат. Наверное, я просто избалован «своими» изданиями, последним из которых был

залыгинский «Новый мир». Перечитываю «Фёдора Иоанновича» А.К. Толстого – Боже, как совпадает с ролью впавшего в младенчество Залыгина, каким я его увидел и описал! Как несчастны и невыносимы для окружающих слабые блаженные государи, и как на них молишься, когда они уходят.

Удачной Вам поездки и новых вдохновенных слов на празднике...

Дата: 06.06.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Слава Богу, Пушкинский праздник позади. Всё было болезненно, срывно. Состав был самый бедный из всех тридцати восьми предшествующих лет. Мне надо было вести торжественный вечер в театре. Приходилось изо всех сил возвышать каждого из участников, чтобы ни в чём не виноватый зал всё-таки не был обойдён праздником. Слава Богу, и все участники почувствовали, что надо выпрыгнуть из самих себя, встать на цыпочки, собраться. Получилось вполне целостно, и народ потом паки и паки хвалил. И в Михайловском обошлось. Хотя рванул с утра проливной дождь и не стих во весь праздник. Директор собрал всех (благо этих всех из-за дождя было меньше, чем обыкновенно) на сцену под крышу, и стало можно не надрываться на всю Поляну, а тоже говорить глаза в глаза. Так что нет худа без добра.

Но уже следующий сороковой Праздник решили готовить сразу сейчас, чтобы больше не попадать в такие тяжкие ситуации, как в этот раз.

Настоящим украшением стала матушка Людмила Кононова – попадья из Вятки: прекрасный поэт, чудная певица, умная проповедница. Я услышал её в марте в Ясной, был поражён и уговорил директора пригласить её в Михайловское. Всем была радость.

Теперь скорее на дачку – в тишину, молчание, собрание души. Больше никуда ни ногой. Запрюсь, и найди-ка меня там...

Дата: 20.06.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Дорогой Валентин Яковлевич, был в командировке в Питере и попал наконец-то в Рождество к Александру Александровичу <Сёмочкину>. Выслушал с приезжей группой интереснейшую его лекцию, а затем удалось побеседовать и наедине – к сожалению, недолго, потому что был наплыв посетителей (лето, тепло, выходной день...). Впечатление самое лучшее, в точном соответствии с Вашим рассказом. Я там всего второй раз (в первый был ещё до пожара) и снова полон зависти к удивительным набоковским местам. После такого – какой может быть дом в изгнании? – только гостиницы...

Но всё это частные истории частных людей (пускай и сумасшедшие талантливых), они-то и составляют печаль и трагедию жизни, а никакой другой («общей») истории просто не существует. Почему-то именно судьба нашей послереволюционной эмиграции наталкивает меня на эту мысль. Сегодня несчастных не меньше, чем было вчера и позавчера, завтра будет не меньше, чем сегодня, и «общая» история – это прямо какой-то непрерывный душевраздирающий вопль. Не Божий мир, а преисподняя.

Может быть, другим народам общая жизнь даётся легче, но пока и там ничто не предвещает вечного блаженства...

Дата: 25.06.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Завидую я Вам, Сергей Ананьевич! Как бы мне хотелось оказаться у Сёмочкина, послушать его яростные импровизации. Бывало, я за лето не раз к нему навещался. А теперь вот совсем завертелся в ложно-общественных поручениях, от которых не умею отговариваться, стыдясь прослыть гордецом. И на своих шести сотках только раз три дня и погостил. Поди, всё заросло травой, хоть корову заводи. Был вот в Михайловском. Вот уж где травы так травы! И всё цветёт, ликует, торжествует, сверкает. Красота была почти болезненная. Мучительно было уезжать. Три дня готовили выставку акварелей В.В. Конецкого. Открыли счастливо и нежно. И последнюю ночь я и не уходил с усадьбы. Глядел, глядел... И уезжал наутро всё так с повернутой назад головой, чтобы ещё надыхаться, нарадоваться.

Сёмочкин зовет на Набоковскую годовщину и уже почти укоряет за долгую разлуку, а, похоже, опять не выбраться – псковские дела завалят.

Дата: 27.06.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

... Уезжать «с повернутой назад головой» – это настолько «моё», что строчки Ваши просто рвут душу. Так у меня с Солигаличем, где родился и провёл первые пять лет жизни (а теперь вот только уезжаю и мучаюсь). Так с Ленинградом-Петербургом и окрестностями, где провел 10 лучших (по возрасту) лет, годы учёбы. Спасибо Вам за чувства и за то, что умеете их назвать, как не сумеет никто другой.

А я, хоть и рад всегда припасть «к милосердным Коленам», много тоскую и в тоске разражаюсь не слишком далёкими умозрениями вроде отсутствия «общей судьбы» (на примере Набокова), вытекающих из этого если не враждебности, то безразличия и непонимания между особями даже в пределах одного народа и проч. Простите мне. Где собираются двое, чтобы оглянуться и возблагодарить Творца, – там и есть Церковь; другой я не признаю, да и не надо мне.

Отдельное спасибо за память о Конецком; мы не были знакомы, но он близок мне дважды – как моряк и писатель; он из ярчайших в своем поколении, но, как ни странно, из тех, о ком нынче оказалось очень просто забыть. Вы беззаветно любите тех, с кем дружите или дружили; на их лицах свет Вашего дара любви; тут всегда симбиоз. Я понял это как следует только после Вашего «Подорожника». Да и всякий талант, всякое любимое лицо – соединение сил любимого и любящего, существующее затем уже как бы вне и помимо...

Дата: 03.07.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Вот и я съездил к Сёмочкину. Всего на два дня. А всё-таки хорошо! Находились по окрестностям, наумничались. Поглядел я на то, что он успел сделать с домом. Каждый раз поражает, как много прибавилось с твоего последнего приезда, как неостановимо идёт работа! И всё как будто само собой. Всё у него без жалоб, без этого нашего общего поношения властей предрержащих, которые на то и власти, чтобы нам жизнь пряником не казалась. Тем заметнее наступающее

со всех сторон беспамятство. Медленно подкрадывающаяся смерть старого, привычного – деревни, уклада, традиции. Даже и мои старые, дорогие сердцу места сходят на нет. Там и тут вырастают особняки за заборами, перегораживают омерзительной сеткой рабицей привычные тропинки, по которым от века ходили здесь люди. И народ терпеливо протаптывает новые, которые диктуют ему эти новодельные заборы захватчиков. И Саня мой ворчит, но тоже понимает, что новое, при всей его пакостности, неостановимо, и обходит, обходит эти заборы. Так и нас самих жизнь потихоньку выталкивает из своих пределов, всё дальше, окраиннее. Он хватается за свой музей, строит там отдельный мир, держит силой то, что кажется ему дорогим, но уже оба мы видим, что наше старое больше умозрительно, чем живо, что храним мы декорацию, которая не привьётся, не оживёт, а будет только тешить эстетическое воображение. И даже не наше воображение, а тех же новых хозяев жизни. Ну, что ж – «тебе я место уступаю, мне время тлеть – тебе цвести...». Дай Бог дожить хоть в декоративном своём, а не в окончательно победившем бесчеловечном новом...

Дата: 04.07.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...А я всё порывался нарушить молчание да робел: нехорошо слать письмо за письмом, будто настаивая на ответе, когда человек отдыхает! Отвечать – тяжёлый труд и обязанность, которую на моей памяти блюли (не формально, а с полной душевной отдачей) считанные представители «старорежимной» культуры. Последним был Дедков. Теперь Вы. Этой исключительной Вашей чертой отвечать всегда и сразу восторгался как-то в разговоре со мной Володя Леонович...

Вы на примере Сёмочкина даёте мне хороший урок: не жалуется, не просит и ничего хорошего не ждёт. Не согласен я только мириться с теорией вытеснения из жизни. Люди от поколения к поколению не становятся хуже, их интересы в целом не меняются, сочувствие душ не зависит от возраста и т.д. За гробом Достоевского шла студенческая Россия (а уж сколько всего в те годы «переворошилось»!). Вокруг «диссидентствующего» Дедкова толпилась молодёжь, и чем дальше, тем её внимание к нему, кажется, только усиливается. Не верю, что Вы не чувствуете того же на себе. Другое дело, что не всякий обладает столь ярким и сильным общественным талантом.

Я, например, второй раз на протяжении недолгого времени убеждаюсь в скудости своих возможностей по этой части. Не удаётся мне в «Родине» делать то, что надо и хочется. Тяжело пристраиваться к желтизне и сервильности. Но здесь, в отличие от «Нового мира», нет виноватых: таков уж этот журнал по своей родословной, в этом измерении он начинался и никакого другого не знает. Закончу хлопоты с Сёмочкиным¹⁴ да с Кураевым (с которым в эту поездку долго беседовал под запись – горький разговор получился!)¹⁵, напомню начальству о старых долгах (там и Ваш материал о Селивёрстове¹⁶) и уйду с 1 августа в отпуск, чтобы уже не возвращаться. Куда идти – не знаю пока...

¹⁴ Интереснейшая статья А. Сёмочкина об истории русской почты, подготовленная для «Родины», так и не была напечатана.

¹⁵ «Реформы во спасение власти обречены». Беседа Сергея Яковлева с Михаилом Кураевым // Родина, 2005, № 9. См. также: Совесть – чувство революционное // Литературная газета, 2005, № 37, с. 8; «Нет более изобретательного сочинителя, чем сама жизнь» // Историк и художник, 2005, № 4 (6); Сергей Яковлев. Та самая Россия: Пейзажи и портреты. – М.: Логос, 2007.

¹⁶ Валентин Курбатов. Сплотившаяся мысль: О художнике Юрии Селивёрстове // Родина, 2006, № 2.

Дата: 10.07.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...А я тут старый дневник нашёл. Про Виктора Петровича. Посмотрите. Надо бы развить и поумничать нынешними мыслями на тех полях. А только это было бы уж что-то другое. Не хочется. Моему сердцу милее этот моментальный снимок. Пошлю и в газету «Зелёная лампа» в Иркутск, может, они напечатают. В Красноярске никого не знаю. А Вам шлю так – для объяснения молчания...

Дата: июль 2005

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Спасибо за интересное воспоминание. Пока ещё работаю (последний месяц), отдам в журнал, пусть читают и думают. Хоть и не заслуживают они (журнал) такого.

Виктор Петрович (в последнее время его ещё по радио стали много читать, сижу и слушаю) – писатель, сказавший последнюю правду о народе. Всё про людей сказал, больше прятать нечего. Русская классика сорвала голос на Боге, тоже до конца дошла, а этот – про народ. И уж не знаю, можно ли нам, людям, такое про себя говорить, своё авторское нутро теша, потому что никаких сил жить после этого не остаётся. Для жизни нужны стимулы и фантазии: справедливость, красота... Истина.

У меня в мечтах всё то же: журнал русского очерка. Не какая-нибудь там «Русская старина» (такого и без нас хватает), а живое. Соединить, образно говоря, «астафьевскую» материю с «дедковским» духом (на покойников равняться проще, тем более что современнее и живее тех двоих никого вокруг пока не вижу). Но никто под такое денег не даст (начнёшь всех перечислять – пальцев на руке не хватит), потому что очерк неизбежно заставляет оглядываться на революционно-демократический XIX век, а он сейчас всем как кость поперёк горла. («Совесть – чувство революционное», – напомнил мне на днях Кураев цитату из Маркса.)

Но, с другой стороны (как заметил однажды мудрый Залыгин), почему я решил, что кто-то должен давать деньги на мои «проекты»?

На этой трезвой (хотя и досадной) ноте пока кончаю...

Дата: 05.10.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Посмотрел Вашу «Натуральную школу»¹⁷. Поздно посмотрел, потому что ездил в Чусовой на Урал и вот только сегодня вернулся. По-моему, идея очень хороша. И необходима. Очерк и правда загнан в никуда, между тем как это действительно самый «человеческий» жанр. А на сегодня и самый необходимый, потому что утрачен живой интерес к судьбе, к человеку, к «прохожему»... Он занимателен только как «скандал», то есть человек стал (остался) интересен только как VIP персона, как человек известный, как предмет массового любопытства.

¹⁷ Проект журнала под таким названием.

А только что-то я боюсь, что к «малому» человеку интереса уже не возвратишь. Ведь «натуральная»-то школа была реакцией на интерес общества к тому, кто так незаметно проходит по улице. А кого же сегодня интересует «прохожий»? Сегодня «прохожий» – это сын Лужкова, дочь Ельцина, любовница Киркорова.

Журнал может возникнуть только как акт сопротивления. Но сегодня никто сопротивление не оплачивает. Никто в нём не заинтересован. Сегодня «все согласны».

Екатерина Семёновна Селивёрстова сказала мне, что вышел номер «Родины» с заметкой о Юрии Ивановиче Селивёрстове. Я проездом из Чусового бросился звонить Вам, но телефон молчал. Пошел в Исторический музей, где раньше торговали «Родиной», но там оказался выходной.

Так и не узнал – так ли это. И где можно достать номер. Особенно для Екатерины Семёновны, которой дорога каждая строка...

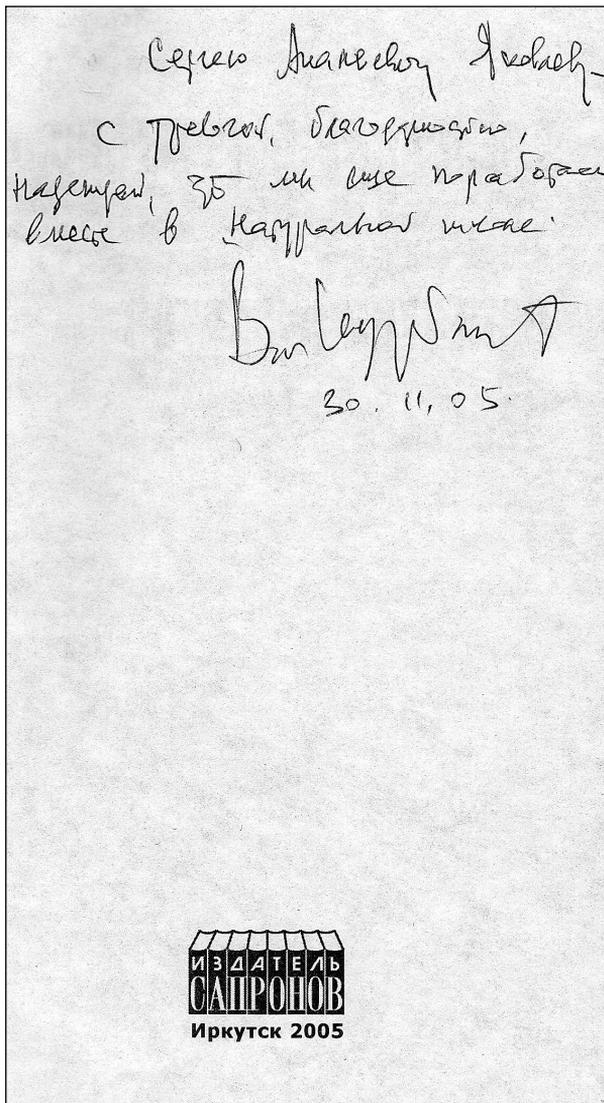
Дата: 11.10.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Дорогой Валентин Яковлевич, спасибо Вам за моральную поддержку идеи. Конечно, сопротивление, да, – а какой порядочный журнал в России не был актом сопротивления? И оплачено оно гораздо большим, чем деньги. Во всяком случае, буду помнить о Вашем сочувствии и продолжу поиски источников с удвоенной силой.

Боюсь, Екатерина Семёновна Селивёрстова ошиблась или Вы неточно её поняли. К сожалению, Ваш материал о Ю.С. в «Родине» ещё не вышел. Обещали в декабре, теперь перенесли на январь, а как у них сложится на самом деле, не знаю. Вышло другое – моя статья о Чаадаеве и Достоевском («странное сближение!») в новом журнале «Историк и художник»¹⁸

¹⁸ С. Яковлев. Чаадаев и Достоевский: русский путь к свободе // Историк и художник, 2005, № 3 (5).

(кстати, очень рекомендую, издание редчайших достоинства и культуры, выпускаемое, можно сказать, на одном энтузиазме), для которой я просил в своё время у Е.С. портреты героев. Это действительно вышло, и об этом я извещал Машу Селивёрстову, дочку.

Переписываться по электронной почте стало труднее, дома я пока так и не обзавёлся Интернетом. «Будем живы!», как любит говорить Володя Леонович. Не забывайте!..

Дата: 09.11.05

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Очевидно, я буду в Москве в начале декабря. Издатель Сапронов из Иркутска издает ещё одну мою книжку и хочет представить её в Ассоциации книгоиздателей. Буду дня два. Но точное время ещё не известно...

Дата: 08.12.05

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

...Спасибо за приглашение в Ассоциацию книгоиздателей на Вашу книгу – был очень рад и повидаться с Валентином Григорьевичем <Распутинным>, и познакомиться, наконец, с Геннадием Константиновичем <Сапроновым>.

Распутин отозвался о проекте журнала очень доброжелательно, хотя всегдашняя (не только у него) растерянность: чем тут помочь?.. Но я и не рассчитываю на помощь материальную, дорога моральная поддержка и позиция. Чем больше слышу отзывов, тем прочнее убеждаюсь, что направление выбрано правильное...

Сапронов произвел на меня огромное впечатление – широтой, образованностью и добротой. Казалось бы, человек виден по делам, но при личном знакомстве почему-то заново изумляешься и радуешься.

Узнал в «Родине», что Ваша статья о Селивёрстове со множеством иллюстраций пойдёт в начале года. Что касается моей в «Историке и художнике», «Юродивых», – это очень давняя вещь, написана лет 15 назад для одного шведского журнала (и вышла там по-шведски). Недавно перечитал и подумал: а почему бы не напечатать по-русски? Хотя возмись писать об этом сейчас, многое, наверно, оценил бы по-другому.

Нашёл порядочного и недорогого издателя для журнала. Начинаю обходить фонды, чтобы собрать какой-то минимум для пилотного номера. Скоро буду терзать любимых авторов. Жаль только, что всё это «между делом», приходится зарабатывать на жизнь.

Дата: 07.02.06

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Дорогой Сергей Ананьевич!

Мы были с Сапроновым день в Москве, и я звонил Вам, потому что хотел видеть в Библиоглобусе. Оба раза не застал. А уж потом только бегал.

Дозвонился до «Родины». Получил номер журнала, но ещё не читал его.

Нет свободной минуты. После Питера сразу на Псковский театральный Пушкинский фестиваль, в котором я околачиваюсь уже тринадцать лет. И уйти бы надо, а уж неловко перед товарищами, хотя фестиваль год от года беднее, потому что истощена сама наша душа. Миг играет, как перед потоком. Играет и Пушкиным, дивясь, отчего у него никак не выходят хорошие пушкинские спектакли. И никак не объяснишь, что Пушкин – здоровье и солнце, и играть его надо, будучи таким же здоровым и целостным. А мы все дети улицы, участники ежедневного карнавала. Мы все только черновики людей, живописные наброски, этюды, а целого-то поди поищи! Вот Пушкин-то и ускользает, как «ускользнул от эскулапа».

Вот уж закончится фестиваль, тогда вздохну посвободнее и соберу разбежавшуюся в Москве и Питере душу.

Что у Вас с журналом?..

Дата: 09.02.06

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

А мои недели и месяцы проходят бесплодно. Я уже писал Вам о беде со старшим братом, родной душой, святым человеком, который жизнь посвятил родителям и для того не женился, жил один с ними, годами выхаживал их, немощных, на своих руках, обеспечил последние их годы (это 90-е!) радостью и покоем, а рядом с этим успевал заниматься наукой (он физик, вышел из аспирантуры МГУ), преподавал, писал книгу, многие годы серьёзно помогал мне и другим младшим... А вот теперь сам свалился (живя одиноко в Вологде), болезнь роковая и, увы, запущенная. В Москве я таскал его по «светилам», теперь он вернулся домой, и его будто бы лечат там. На стариках нынче (ему 69) экономят. Чтобы выйти на другой уровень лечения, нужны очень большие деньги, а я сижу без зарплаты. Да и деньги уж не знаю помогут ли. Угасает с каждым днём, и что с этим делать, неизвестно.

Собачий год. Говорят, надо набраться терпения, но вся наша жизнь, кажется, только из этого и состояла...

Мой давний знакомый, старый морской капитан Загорский (лет двадцать назад я о нём писал; он и теперь, когда ему за 70, водит большие суда вокруг земного шара), недавно признался: он всегда уважал власть, всегда ей подчинялся, какой бы она ни была – советской или антисоветской; так в его семье было принято.

Этот простой ответ непростого человека мне понятен. Думаю, он выражает сознание большинства населения России.

Понятны мне и те, кто яростно ненавидел ту самую советскую власть, боролся с ней, и теперь, несмотря ни на что, держится нового (таким был В.П. Астафьев).

Понятны и другие – кто с той властью не боролся и хотел бы, намытарившись, теперь её вернуть.

Сам я принадлежу к четвёртым, явному меньшинству: брюзжа тогда, продолжаю брюзжать сегодня. Самая невыигрешная позиция, в которой есть, однако, своя логика.

Но есть ещё одна категория, которая мне непонятна и, осмелюсь сказать, ненавистна. Это всегда, в любые времена преуспевающие люди. Бывшие комсомольские секретари, которые при Горбачёве успели безопасно сорвать лавры «диссидентов», а нынче так же безопасно и при деньгах воплощают «патриотический» союз с РПЦ. Не находят для людей, выросших при социализме, иной культуры, кроме «православной». Или не знают

другого средства укрепления дисциплины в армии, кроме как ввести институт полковых священников...

Я вижу в этих людях профессиональных игроков и растлителей, похуже всяких педофилов. У меня от них кружится голова и подступает тошнота.

К сожалению, Россия и русское общество целиком оказались объектами игры этих людей. Они решили всё разрушать и всё конструировать по своему плану.

Вероятно, все эти мои рассуждения действительно крайне поверхностны. Но могу только повторить однажды где-то мной написанное: не этим людям стать посредниками между русским человеком и Богом; они где-то далеко в стороне – и от России, и от Бога (от него ещё дальше); пусть лучше русская душа блуждает в чистом поле, чем обретёт таких пастырей.

Ну, вот. Выговорился. Простите, что обременяю этим Вас. Выгляжу в собственных глазах каким-то задирой...

Дата: 17.03.06

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

...Получил я письмо. Да себя всё никак не получу. Душа как-то разбежалась и не хочет собираться. Хотя, слава Богу, и весна пришла ненаглядная – весна воды за весной света. А будто духовный авитаминоз навалился. Ни читать не хочется, ни, тем более, писать что-то. Из-под палки что-то стараешься делать, да что проку-то от такой насильственной работы. Скоро Учёный совет в Михайловском. Поеду, но опять без радости, потому что господа учёные опять будут делить Пушкина между «нашими» и «ихними», обсуждать новые концепции (как бы ещё побаловать туриста – какие ему улады приготовить, чтобы он уж совсем ногами не шевелил, да и мозгами тоже, – любит он теперь, чтобы его и прямо к усадьбе подвезли, и чтобы гостиница тут же на усадьбе стояла). Михайловское-то за этим скрытым и явным злом и не разглядишь. Не нарадуешься ему, хотя в былые лета я любил приезжать туда, когда что-то застревало в душе. И всё расходилось. Светало...

Ну, да уж скоро у нас ведь у каждого свои солигаличи – они одни ещё не предают и спасают нас...

Дата: 06.07.06

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Вплотную сижу над новым журналом¹⁹. Присоединяю документы, которые рассылаются «по провинциям».

Молодёжь в провинции – живая. Достал несколько адресов, и отовсюду текут предложения качественные и, главное, с какой-то новой, неожиданной для меня энергией (лет десять назад литература, казалось, была мертва). И ещё: растёт вкус, приходит новая «старая» литература, нередко в полемике с пресловутой «новой». «Старая» – то есть социально ответственная. Это бы замечательно, только бы не сглазить.

Помогите, чем можете! Идеями, авторами...

¹⁹ Журнал «Коростель», выпускавшийся в сотрудничестве с В. Леоновичем и Г. Гордоном.

Дата: 09.07.06

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Дорогой Сергей Ананьевич!

Только я воротился от Валентина Григорьевича Распутина, как телевидение принесло весть, что погибла в самолете его дочь. Я не знаю, как он перенесет это, потому что это был единственный близкий ему человек в его сложной семье. И сам не могу найти места.

Через три дня опять уезжаю. На этот раз в Петербург на кинофестиваль «Послание к человеку», где мне предстоит сидеть в жюри. Проклятая моя мягкотелость не позволяет мне отказаться от настойчивых просьб, и вот плачу потерянным временем и расхищенной душой. А потом уже пора в Ясную, а оттуда в Красноярск. Лучше про всё это не думать. Дай Бог дожидаться зимы, когда можно будет засесть за двойные рамы и никуда не показываться.

Написал заметку о нашей с Распутиным поездке в его деревню Аталанка. Но теперь ей не время. Разве попозже напечатаю где-нибудь в «Завтра» – больше никто не возьмёт. Заметка о тридцатилетии повести «Прощание с Матёрой».

Пока сердцем в Иркутске...

Дата: 12.07.06

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

На всякий случай, Сергей Ананьевич, покажу, что написал о «Прощании с Матёрой» (в сентябре повести 30 лет). Послал в Литгазету. Думаю, что она не возьмёт. Тогда передам в «День литературы». Мог бы, поди, и «Наш современник» взять, да уж у него, верно, давно сентябрьский номер готов и в типографии лежит...

Дата: 12.07.06

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

Дорогой Валентин Яковлевич!

Прочёл. Написано, как всегда, превосходно, только невыносимо безнадежно. Валентин Григорьевич весь ярко виден, и видно, что это именно его настроение. А тяжесть дополнительная в том, что это и моё, например, настроение тоже, и, может, каждого второго. Закрывать глаза, заткнуть уши, нагнуть голову, не знать, не видеть, не слышать, потому что не хватает уже просто физических сил. На эту развязную алчность, на эту наглую клевету на жизнь...

Страшно подумать, как на нём, при таком-то настроении, отразилась новая беда...

В «Дне литературы» Ваш очерк будет уже не для всех, и читаться станет под определённым углом. Надо бы дать ему простор и полную огласку. Опять же в «Родине» – была там заведённая мной рубрика «Лицо современника», как раз бы для неё... Что теперь говорить.

Журнал собираем, хотя в нём пока ещё нет единого плана и образа (у каждого из создателей, думаю, он свой). Должны выпустить первый номер в октябре, тогда и разберёмся, куда пришли...

Дата: 13.07.06

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Спасибо, дорогой Сергей Ананьевич! За горькое единомыслие. Я и сам вижу, что написано уж очень безнадежно, но временами не хочется себя обманывать и выводить на это наше непереносимое спасительное утешение. Так мы себя ложными надеждами и переобманывали, потому что никого кроме себя не утешили. «Литературка» и правда потребовала сокращений, и на некоторые из них я пошёл, потому что действительно хочется быть услышанным не только «ЗАВТРАшними» читателями, которые всё истолкуют к своему обычному: а что мы говорили! И извлекают из твоей горечи только повод к самодовольству.

Завтра Марусю Распутину хоронят. Отпоет владыка Вадим в Знаменском монастыре, и Маруся ещё услышит любимую монастырскую Литургию. А потом упокоится недалеко от сына Гены Сапронова. И если это утешение, то ляжет высоко над Иркутом, откуда видно пол-Сибири с дальней сельской церковью и долетающим до кладбища звоном...

Дата: 02.10.06

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Валентин Курбатов

А у меня в самую горячую журнальную пору, когда всё сдавалось, умирал на руках брат. Раньше я Вам писал о нём. Скончался 22 сентября, едва пережив свои 70 лет. Задохнулся. Все лучшие (вспоминаю ещё Дедкова) умирают от нехватки воздуха. Отвезли на родовое кладбище под Кинешмой, похоронили возле отца с матерью, за которыми он ухаживал до их последнего вздоха. А сколько ему, бедному, мытарств пришлось перенести уже после смерти, скончавшись «не по месту прописки», да ещё в Москве! Сколько последнего надругательства и презрения со стороны тех, кто бы должен по службе являть милосердие, но приучен из людского горя только извлекать деньги... Мне вдруг стало жаль чеченцев и подумалось, что на их стороне много если не правды, то внутренней правоты, которая в иных случаях больше правды. Даже у нас, русских, в центре России, отнимают ни в чём не повинных покойников, угрожая надругательствами над родными телами, чтобы мы их подороже выкупали у насильников! Не хватает сил описать. Нужны другие перья, которых нынче нет. Вся Россия оскудела и как будто доживает последние дни...

Дата: 05.10.06

От кого: Валентин Курбатов

Кому: Сергей Яковлев

Дорогой Сергей Ананьевич!

Понимаю Ваше горе. У меня старший брат умер уже много лет назад. Мы с ним не были близки, потому что рано были разведены судьбой. Но смерть его была тяжела и одинока (семья была внутренне чужда). Я и из морга забирал его и одевал там его, прижимая к себе тяжёлое, как будто резиновое, ледяное тело, и только с этим объятием почувствовал страшную близость и запоздалое раскаяние за отдалённость.

Это сиротство уже неизживаемо. Потом привыкаешь, как-то загораживаешься делами, но уже никогда не узнаешь защищённости родного. Без родных жизнь гола и неприятна. Своя семья тут помощник хороший, но заменить того родства не может.

Но надо жить, бежать, загораживаться...

Псков.

В Солнечногорске - из Пскова,
из России, когда потерявший себя (Пскова),
в Россию, еще себя не намеривая (Солнечногорск)
на территории между рр и ррв России - в
низинной Москве. Вспомни, помни потерявший
каждый себя, а не намеривший - признается, что
никак не равно приросте, и неже занавес
за Россией можно звать. И уж скорее
ли престави свой умнее и вдумливее себя,
а осознаем (за прося увидеть по карте
атласу) две ~~шагреневые~~ ступени и
сам и ~~тихо~~ по границам, все ~~идет~~
по ~~фронталу~~ - умно, ~~жестко~~, ~~роскошно~~ и
взвешено - не сражили и ~~арте~~ свих
Спасибо В. и Сергею Францели, за работу по фоту
особенно.
Вал. Курбатов 31.01.03

Булат Безгодов

Глава из романа Булата Безгодова, напечатанная в прошлом выпуске «Писем из России» (№ 1(3), 2009), вызвала такой интерес, что мы решили, вопреки сложившейся практике, продолжить публикацию. Предлагаемый ниже отрывок может произвести тяжёлое впечатление. Однако ни сам автор, ни, конечно, журнал не ставят целью шокировать читателя. Творческая задача Булата Безгодова, видимо, иного рода и масштаба.

«В книге большей частью написано о личном опыте, – замечает автор в сопроводительном письме. – Знаю, что вы любите справедливость, поэтому говорю откровенно: мне важно, чтобы вывод, заключённый в романе, стал доступен всем – чем скорее, тем лучше. Осталось мало времени».

Судьи и Правосудие

Из романа «Влюблённые в Бога»

Я вышел из госпиталя в дождливое утро субботы, без денег, без зонта и без былого уныния. Встал на остановке, поджидая маршрутку. Невзирая на ливень и субботу, люди куда-то торопились, перепрыгивали лужи, толпились на остановке под козырьком и мокли в вездесущих брызгах проезжавшего транспорта. Беспризорные грязные малыши носились под дождём, не тая целлофановых пакетов и тубика с клеем. Они не огрызались и не колотили друг друга, а только беззаботно смеялись.

Дома меня радостно встретил братик. Пока родители были на работе, он рассказал мне, что дома скандалы, денег нет, телефон отключён за неуплату. Поэтому-то я и не мог дозвониться домой из госпиталя, чтобы меня встретили. Перекусили супом с хлебом. Какой хлеб безвкусный! Как будто сделан из пластика или бумаги. Я спросил братика:

- Откуда синяк на щеке?
- Упал.

К вечеру вернулись родители. Обрадовались мне. Посидели, поговорили, поскандалили. Было решено ехать в деревню к концу следующей недели. Мне почему-то было всё равно, и перспектива отдохнуть вблизи природы не особо обрадовала.

В понедельник родители ушли на работу, братик вышел погулять. Но через два часа вернулся в слезах и с синяком под глазом. Маленький, беззащитный, оскорблённый.

- Что произошло?
- Ничего. Упал.
- Не бойся, брат. – Я ласково взял его за плечи. – Говори.

– Упал с крыши гаража. – Говорит и рыдает сильнее – по-видимому, оттого, что не может сказать правды.

Я сделал свирепое садистское выражение:

– Говори, говнюк, иначе я тебе сам всыплю! – Для убедительности замахнулся, делая вид, что сейчас же дам увесистого леща.

Братик испугался.

– Там пацаны... возле гаражей. Только ты не ходи, они большие, как ты. Их двое. Братья. Они недавно в наш дом переехали. У них старший брат – «кировский» авторитет.

Маленький, а уже в таких вещах понимает! Я взял его за руку, вытащил в подъезд. Но он сопротивлялся, рыдал и очень боялся: «Не надо, не пойдём, ну, пожалуйста!» Становилось ясным, до какой степени его запугали.

– Не реви, не позорься, а то и впрямь дам по шее. Иди за мной.

Мы пошли. Братик поплёлся позади. Издали показал обидчиков. Возле детского сада были гаражи, там стояли трое рослых ребят, повыше и покрепче меня, но, судя по всему, помладше. Завидев нас, они начали смеяться, показывать пальцем. Я удивился про себя: «И не боятся?!» Братик шепнул с последней надеждой: «Может, пойдём, а?» Неудивительно, ведь ему было всего девять лет, а обидчикам на пять-шесть лет больше.

– Здорово, парни, – поздоровался я, приблизившись, – пойдём за дом зайдём, пообщаемся.

– Пойдём, пообщаемся, – нахально протянул самый рослый.

– А ты останься, – сказал я третьему, – не лезь не в своё дело.

Третий, на моё счастье, остался. Зашли за дом, туда, где нас не видели прохожие. Один из мальчишек сказал:

– Ну, чё? Чё хотел?

Я как будто и не слышал его. Спросил братика:

– Который ударил? Ну говори, кто?

Братик показал на рослого.

– Чё какой наглый... – протянул рослый возмущённо мне.

Но я оборвал его ударом в нос. Я был в бешенстве, и прыгал на нём, и бил гада и руками и ногами, а когда его ошеломлённый брат попытался оттащить и унять меня, я всыпал и ему тоже. Им просто не хватило хладнокровия и смелости, чтобы одолеть меня. Ведь легко могли вдвоём забить одного, взять кирпичи, наконец, которые лежали неподалёку. Но они растерялись и решили, что их бьёт местный авторитетный хулиган, настолько авторитетный, что даже говорить предварительно не стал, не поинтересовался покровителями и не спросил, к какой они банде принадлежат. настолько сильный и жестокий, что даже не побоялся в одиночку затеять драку против двоих. Им было привычнее надеяться на брата, который решит и уладит все проблемы. И оба послушно рыли носом чернозём, заплёванный с балконов и из окон дома, безропотно глотали кровь и сопли и только изредка умоляли прекратить бойню. Скоро я насытился видом крови (драматическое зрелище), приказал встать и просить прощения у братишки. Оба попросили. После этого я приказал братику:

– Теперь ты бей и напоследок плюнь каждому в харю.

– Послушай, пожалуйста, – умоляюще проговорил рослый, испугавшись такого серьёзного унижения, – давай поговорим как пацаны, ты откуда...

Я его снова привёл в чувство несколькими ударами, чтобы не забывался. Братик, конечно, не смог удовлетворить мою жажду мести. Он лишь отмахал

несколько слабых пощёчин каждому. Плевать не стал. Напоследок я проинструктировал братьев о правилах хорошего тона.

К сожалению, мы вышли из-за дома именно в тот момент, когда по тротуару шли родители мерзавцев. Их папа, круглый, крепко сбитый мужик, поговорил немного с сыновьями и, узнав суть дела, бросился за нами в погоню, оставив супругу причитать над детьми. Но я и не думал бежать. Во-первых, с маленьким братиком недалеко убежишь. Во-вторых, стыдно бежать на глазах всех жильцов родного дома. В-третьих, от неприятностей не убежишь. Яростно цыкнув братику, чтобы тот бежал домой, ибо одному было легче разобраться с ситуацией, я остановился и развернулся. Мужик с ходу наскочил на меня, схватил за горло, но я его хорошенько удивил ударом в пах. Хотя больше всего его удивило именно то, что подросток ударил взрослого мужика, что такое возможно в принципе. Мужик всё ещё держал меня за горло, как бы на расстоянии. Но уже, кажется, сожалел о том, что ввязался в конфликт, не зная меня и мои возможности. Ведь он прекрасно понимал, в какой район переехал и в каком городе жил. В то же время любопытные жильцы протирали окна, высовывались в форточки, охали, ахали. Мужик был гораздо сильнее. Поэтому я не пытался освободить горло, чтобы не раздражить мужицкую силу, и не пытался бить по лицу, поскольку не дотянулся бы, а только усердно пинал в пах. Но то ли у него там замок верности был, то ли «хозяйство» было незначительным и хорошо защищалось отвисшим животом, – я никак не мог попасть. К полной моей неожиданности, это всё же принесло результат. Мужик посчитал, что не будет слишком унижительным изобразить дикую боль. Ведь удары-то, в сущности, были подлыми. Он отпустил горло, согнулся пополам и жалобно застонал. Какое бездарное исполнение! Видя, что на подмогу ему бежит супруга, я развернулся и пошёл по направлению к своему подъезду, где находился мой непослушный братик. С каким трудом мне давалось спокойствие! Супруги вновь настигли меня. Если бы не эта подлая женщина, мужик оставался бы на месте и не пошёл бы за мной, но коль уж неумная баба рвётся в бой, оставить её никак нельзя. Было видно, что у мужика прибавилось духу. У самого подъезда мы вновь схватились. И снова дух мужика пошёл на убыль. Он отскочил, стал размахивать руками, кричать, угрожать. Я сказал ему:

– Прежде чем орать, разберись, в чём дело. – И показал на братика: – Видишь синяк? Так вот, это твои сделали. А они старше на шесть лет. А я старше твоих всего лишь на год. Понял?

Мужик притих. Зато в бой вступила баба:

– Да вы, подонки, что с ними сделали?! Зубы выбили!

– Ничего, новые вырастут.

– Я «кировским»¹ скажу! Они вас поставят на место! – Баба зачем-то схватила братишку за руку.

Я сильно ударил ей по запястью и предупредил:

– Не тяни руки – ноги протянешь.

Развернулся, взял братика за руку, и мы молча зашли в подъезд. Супруги за нами не последовали. Немного поголосили вслед.

Братик был в полном восторге, ибо мучители понесли заслуженное возмездие. Догадываясь немного о моей жизни в школе и на улице, он знал, что справедливости нет, что помощи ждать неоткуда, что старший брат беззащитен, поэтому

¹ Организованная преступная группировка «Кирова», считает своей территорией одноимённую улицу в центре Казани. – *Здесь и далее примеч. автора.*

Рисунки Галины Терзовой (Тверь)

даже не надеялся уладить свою проблему. А вон как всё вышло-то, и мало того, удалось лично наказать мучителей. Под этим впечатлением он ходил довольно долго. И вообще, приподнял подбородок, расправил плечики и стал увереннее смотреть. И тогда я задумался над тем, что никак не могу допустить, чтобы братик прожил такое же ничтожное детство, как я, в вечном унижении и страхе.

Между тем неприятности вернулись, и эйфория закончилась. Нет, это не супруги вернулись, и не милиция пришла, это шестеро крепких парней с железными прутьями и молотками встали возле двери. Цепляли² тупо и бездарно. Стучали в дверь, просили родителей пригласить меня, дескать, старые приятели наведались. Соседи несколько раз вызывали милицию, но те успевали скинуть железки и молотки в мусоропровод или спрятать в подъезде. Изю дня в день с утра до вечера пацаны стояли, чтобы выцепить меня. Изредка стояли на улице возле подъезда. Даже с родителями выйти из квартиры не представлялось возможным, поскольку родительское присутствие в таких случаях никогда не считалось преградой. Всю жизнь сидеть в квартире я не мог. Покровителей у меня не было. Оставалось одно – присоединиться к местной гопоте.

На рассвете выбрался из квартиры. Весь день болтался по микрорайону и вечером пришёл на стадион, на сборы. Подошёл к ребятам, поздоровался, ответил на вопросы. Вот и всё. В тот же вечер взрослые ребята созвонились с «кировскими» и просто сказали: «Этот человек с нами». Вот и весь вопрос.

Я попал в младший возраст. Мы стояли в кругу и слушали ребят из старшего возраста. Со стороны выглядело всё довольно прозаично. Младшие делали вид, что вникали, и были похожи на послушных солдат, даже стояли, сомкнув ступни. Если затекала одна нога, то переносили вес на другую. Старшие крутили ножи или чётки в руках, небрежно сплёвывали. Ноги на ширине плеч, руки для важности на груди или на поясе, плечи расправлены, подбородки кверху. Большая

² В данном контексте: ловили, пытались поймать.

часть старших замечания вставляли изредка. Говорил один, по прозвищу Турбо, говорил возмущённо, жёстко и патриотично:

– Пройдитесь по дворам, что за пьянь по коробкам шатается? Иду вчера по шестой коробке, там какие-то сивые бухари с Халева меня окликают, сигарету просят. Чё халевские у нас гуляют, как у себя дома? Я что-то никак не вкурю! – Турбо посмотрел на всех с недоумением. – Вы чё, ребята, за районом не следите? Совсем расслабились, люди. Лето? Куражи? Чтоб сегодня же всех разогнали. И вообще, по всем дворам пройдитесь. Руслан, ты будешь ответственным, за это с тебя спросим. Арматуру нарезали?

– Сотню штук, – откликнулся Руслан.

– Раскидайте по тайникам, в случае войны чтобы в каждом дворе были арматуры. Чтобы всегда были под руками. Коктейля двадцать бутылок нужно, этим займётся Макар. Чё приуныл, Макар? И ещё это... – Турбо почесал затылок, придумывая, что бы ещё такое воспитательное сказать. – Если кого-нибудь из вас встретим без ножей и молотков, имейте в виду, все получите ..зды. Все, без исключения. Всё ясно?

В ответ прозвучал нестройный жидкий хор:

– Ясно...

Турбо обвёл внимательным взором тех, кто ответил, а потом тех, кто промолчал. На этом воспитательная часть окончилась. Кто-то из старших занимался болтовней, при этом откровенно рисуясь. Кто-то отводил младших в сторонку и давал личные поручения. Наконец, старшие ушли в ночной клуб. Сразу же поднялся весёлый гвалт, и только один за всё ответственный Руслан пытался утихомирить ребят и навести деловую атмосферу. Поскольку у всех были за пазухой молотки и ножи, мне за неимением оных инструментов всучили железный прут. Всей толпой двинулись по дворам. Первый двор, второй двор, третья коробка, четвёртая... Отдыхающая на лавочках молодёжь моментально разбегалась, как от чумы. Но вот в моём, пятом дворе, возле моего дома, у лавочки, предстала нашим очам шумная пьяная компания. Все эти компании сменяли одна другую, из поколения в поколение, сквозь всю мою жизнь. Я всегда видел, как появляются новые компании, из каких людей они формируются. Но никогда не знал, как потом пропадали люди, не замечал, как эти общества постепенно прекращали своё существование. Вот примерно на таких мы и наткнулись: Гайдар, Баш, Маслина, Кот и другие. Те и не подумали бежать от нас. А зря. Но молодцы.

Далее мы разделились на две кучки по пятнадцать человек и вошли в шестую коробку одновременно с двух сторон. Шесть халевских сиварей мирно сидели на лавочке. Увидели нас и всё сразу поняли. Конечно, не ожидали, но поняли. Мало ли что случилось. Может быть, война час назад началась. Может быть, где-то в городе старшие схлестнулись. Всё это неважно. Халевские встали, вынули ножи, некоторые для уверенности подняли кирпичи с земли, прижались друг к другу и потихоньку стали отодвигаться за пределы двора в сторону оврага и ближайшей границы нашего района. Мы галопом сорвались к ним. Халевские тоже побежали. Всё произошедшее дальше казалось невозможным, ибо я полагал, что такие события остались в прошлом, в девяностых. Одного отставшего догнали, стали бить по голове молотками. Раз, два, три, и столько кровящи сразу! Он умудрялся вытирать с лица кровь, держаться на ногах, отбегать назад и отмахиваться ножом, а в голове зияли два пролома. Большинство били «аккуратно», чтобы не убить. Но были и такие, кто не особо заботился об этом. Один из них в пылу бойни крикнул всем нам:

– Держите его, не отпускайте, в плен возьмём!

Более быстрые в спринте приятели нашей жертвы вернулись, чтобы разде-

лить участь товарища. Было отчего восхититься! Никогда такого не видел! Им тоже разбили головы, одному вспороли живот, другому вспороли щёку, но ребята держались молодцами и не падали. Наконец, мы сами побежали с поля боя, чтобы не попасться в лапы органов правосудия. Добежали до стадиона и там разделились: одни разбежались по домам, другие отправились ночевать в спортзал, чтобы по команде старших в любую секунду быть готовыми к «сцепу». Я побежал с последними. Всю ночь и весь следующий день мы боялись появления в спортзале наших новых врагов. Хотя все хорохорились. Только вечером стало спокойнее, когда в спортзале сошлись сразу несколько возрастов из нашей группировки. Последние новости за сутки оказались неутешительными. Ночью в ночном клубе зарезали двух старших. Машину другого старшего сожгли, а сам он едва спасся от пуль. Враждебная сторона выказала широкие возможности. Теперь уже хорохорились все. «Молодые» говорили о том, что «старшие» отомстят и тоже постреляют. Наши «старшие» между собой говорили о том, что ещё более старшие ребята достойно ответят врагам. Соответственно, те уповали на «взрослых» и говорили: «Взрослые уже занимаются этим вопросом, завтра перестреляют халевских ублюдков». Но я сильно подозревал, что «взрослые» в это время пьют «Hennessy» в обществе красивых женщин, в чарующей обстановке ресторана «Safar».

Нас собралось около ста с лишком человек в спортзале (общая численность банды зашкаливала за двести пятьдесят) – вплоть до людей, переживших пятидесятилетний рубеж, занимающихся бизнесом. Серьёзная сила. Мощь. Включили освещение. Лица хмурые, жестокие, испытые. Позы солидные. Сразу видно: люди с большим жизненным опытом, побывавшие в передрагах, стойкие и выносливые. Около тридцати человек из старших возрастов разом ушли. Оставшиеся ребята затеяли тренировку. Для разминки побежали по периметру зала. Лица сосредоточенные, агрессивные, дескать, «покажи халевского, и я порву его». Исполняющий тренерские обязанности кричал:

– Левым боком вперёд. Правым боком. Левый апперкот! Не останавливаемся, бежим, резче удар! Правый джэб!

Ребята на бегу с ненавистью наносили удары по мнимому врагу. Постепенно растворялся страх. На смену приходило желание борьбы, крови, драки. В спортзале раздался оглушительный хлопок, как будто от сейсмического толчка задрожал свет, на мгновение вновь вспыхнул, потом погас и через полминуты окончательно загорелся. Все семьдесят спортсменов лежали на полу, прикрыв затылки руками. Лишь авторитетный взрослый пацан Креп застыл в позе «конца света», отгородивши лицо, словно от светопреставления, и пугово выглядывал из-под ладоней. Лица у лежащих на полу были бледны, озадачены, пристыжены. Это не халевские тротиловую шашку в спортзал через окно кинули. Это не ОМОН световую гранату подбросил. Первым с пола поднялся тренер:

– Всё нормально, пацаны, это просто пробки. Давно пора поменять. Так всех прожекторов лишимся. Руслан, ты займешься этим.

Естественно, что после такого сильного стресса спортсмены тренироваться не очень хотели. Тренеру приходилось кричать, раздавать пинки и угрожать строгими сборами. Что, впрочем, произошло сразу после тренировки.

Мы, молодые, остались в большом зале. Старшие перешли в малый зал и оттуда выкрикивали поочерёдно наши клички. Самое неприятное в ожидании было то, что те, кто прошёл через «круг», не выходили обратно к нам в большой зал, а уходили в небольшую дальнюю комнату отдыха за малым залом. Поэтому результаты нам не были видны. Только доносились звуки побоев.

Пришла очередь, позвали меня. Вошёл в малый зал. Старшие, численностью пятнадцать человек, стояли в кругу, поглядывая плотоядно и безжалостно. Среди них были двое, с кем я частенько дрался в школе, до тех пор пока они не присоединились к банде. Я встал в центр круга, спрятал руки за спиной, чтобы не мешались, и поднял лицо. Первым подошёл Турбо. Не спеша примерился для джэба и ударил в челюсть. Потом – прямой удар в зубы. Потом зачем-то вложил в свой кулак металлический подшипник и снова ударил в челюсть. Потом провёл прекрасную двоечку в челюсть и в зубы. Потом повторил то же самое и закончил апшеркотом в подбородок. Я падал, поднимался, снова падал, снова поднимался и слышал сквозь туман: «Держись на ногах или по второму кругу пойдёшь!» Турбо перестал бить в голову, начал пробивать пресс под дых и весьма плодотворно сбивал дыхание. Уставши от ударов по корпусу, которые требовали больших усилий и точности, напоследок он провёл троечку в голову и отошёл в сторонку, будучи совсем не удовлетворённым. Каждый следующий производил те же нехитрые операции. Все очень старательно готовились перед ударом, долго метились, долго примерялись. Я успел тогда отрешённо подумать, что во всём этом был резон, имея в виду шлифовку боксёрского мастерства. Больше думать не получалось. Просто хотелось, чтобы всё поскорее закончилось. Но двумя последними воспитателями стали те двое. Первый из них начал как все, но вошёл в раж и закончил, сидя на мне. Второго я не помню.

В комнату отдыха меня занесли ребята из моего возраста.

К обеду следующего дня я уже совсем пришёл в себя. Вечером всем требовалось собраться на стадионе в полной боевой готовности. А пока нужно было решить вопрос с питанием, ибо двое суток в спортзале мы перебивались кефиром и батоном. Один лишь раз какие-то лохи принесли нам домашнюю пищу, и только потому, что мои сотоварищи били их и угрожали ещё более жестокой расправой. Нас в спортзале оставалось пятеро. Других пятерых старшие напрягли и отправили рыскать по городу, сказав: «Чтобы к вечеру было четыре пейджера, радиотелефон, мешок картошки и шесть килограмм мяса, это грев на тюрьму пацанам». Узнав об этом, я удивился и спросил Жука:

– Но ведь война, как же они по городу-то?

– Старшие сказали...

Эта фраза объясняла всё, и дальнейшие вопросы просто глупо было задавать. Но я сильно подозревал, что пейджеры и радиотелефон заказали для личных нужд, что подтвердилось позднее.

В парадную дверь прогремели. Посмотрели в глазок – Турбо. Открыли. Вошёл и с порога:

– Так, чё расслабились? Отдыхаем?! Чтоб через час двадцать лохов было.

– Для чего?

– Яму под фундамент выкопать надо, это возле Речного порта, там Грин магазин себе строит. Чё, куда автобус через час пригнать?

Мы озадачились, почесали затылки. Все-таки лето. Профессиональное училище закрыто на каникулы. Медицинское училище закрыто. Техникум тоже закрыт. Жук сообразил, что-то вспомнив:

– К техникуму.

– Всё, давай, пацаны, – выходя на улицу, сказал Турбо. – Решайте вопрос. Жук, ты ответственный. Только аккуратно, халевским не попадайтесь. Молотки и ножи с собой? Если кто из вас в плен попадёт, сразу же отошьём.

Перебежками впятером мы пробирались к техникуму. На пути повстреча-

лись два старшекласника. Один из них, Мартын, однажды с приятелями унизил меня при девочках, оскорбил, дал пинок, я ответил сдачей, после чего меня забили на глазах у всех школяров. В один миг я припомнил и заносчивость, и высокомерие, и унижения:

– Слышь, ты, чёрт, иди-ка сюда.

– Слышь, урод, резче ко мне подошёл, – крикнул он в ответ издалека, не разглядев, с кем я иду.

Только этого и надо. Мои сотоварищи удивлённо поглядели на Мартына и побежали к нему, на бегу выхватив молотки. Убегать не имело смысла, поскольку он всё равно жил с нами в одном районе. Поняв, какую беду навлёт на себя, он лишь только завизжал, прикрывая голову руками:

– Пацаны, извините, извините! Я же не знал! Погодите!

Несколько раз несильно ударили по спине, пожалели. Наконец, неторопливо подошёл я:

– Ну чё? Деньги есть? – Видя, что Мартын приходит в себя, думает, будто первая опасность миновала, и не хочет расставаться с честью и деньгами, я приказал: – Выворачивай карманы, сука!

И дабы прервать дальнейшие сомнения, ударил молотком в плечо. Тот взвизгнул, но вывернул карман за карманом. Я забрал деньги. Это такая приятная лёгкость изымания чужих средств! Лёгкость, пробуждающая жадность. Мне понравились новенькие спортивные кроссы на нём. У меня же были старые тяжёлые демисезонные ботинки, в которых летом было жарко и жутко воняли ноги. Я завёл Мартына в подъезд, чтобы лишить его шансов на спасение, и там сказал:

– Братан, у моей девушки сегодня день рождения, я у тебя возьму кроссы, а послезавтра верну.

– Но, братан, у меня мать...

– Не веди себя как чёрт, – перебил я наставительно и доброжелательно, как бы невзначай от безделья взмахнув молотком, – чё для тебя два дня решают? Помоги пацану.

– Братан, но не могу же, пойми, я их вчера только купил...

Я мог бы ударить в лицо, но ударил в пресс, поскольку гораздо эффективнее дать понять, что в запасе есть ещё более жестокие средства. Если бы он отказал, то тогда бы ударил по лицу. Если бы и на этот раз Мартын отказал, то тогда бы ударил молотком. Но Мартын всё правильно понял, снял кроссы и отдал мне, конечно же, насовсем. Сам ушёл в моих вонючих осенних ботинках. Я подумал о перипетиях жизни. Мартын в школе изгалялся надо мной, будучи старше, сильнее, и он всегда был с приятелями. Но вот я перепрыгнул через голову и теперь уже сам над ним изгалялся, будучи злее, сильнее и голоднее. И теперь уже между нами ничего не изменится, ибо Мартын ни в коем случае не присоединится к банде, боясь побоев, дисциплины и перспективы оказаться за решёткой. В то же время он не может обратиться в милицию, поскольку в этом случае весь район будет показывать пальцем на Мартына. Значит ли это, что надо уметь перепрыгивать?

Мы двинулись дальше. Техникум находился на окраине нашей территории. Шли вступительные экзамены, и перед входом было много парней. Жук, Жираф и я пошли к толпе. Начали отводить в сторонку по два-три абитуриента, объясняли им, в чём дело, и переправляли к двум другим нашим товарищам, стоящим поодаль, чтобы они не дали сбежать лохам. Лохами для нас были все, хотя мы никого из них не знали. У нас была задача, которую мы выполняли. На двенадцатом по счёту лохе мы слегка споткнулись:

– Слышь, парни, помочь надо...

Он стоял с приятелем. Ответил с достоинством:

– Понимаю, пацаны, но мы заняты.

– Да там только ямку копнуть, всего-то пять минут дела...

Он знал, что поддаваться нельзя, и мы поняли, что он это знает.

– Нет, пацаны, у меня экзамен.

– Слышь, ты чё какой наглый? – возмутились мы. – Ты у нас тут учиться планируешь, а пацанам помочь не хочешь? Чё, пять минут что-то решат для тебя? Не будь уж чушпаном, братан, – исподволь оскорбили и определили статус, – помоги пацанам.

Он сдался, пошёл к нашим товарищам, охранявшим кучку таких же завербованных. Мои сотоварищи были не глупее этих студентов, обладали значительной силой убеждения и умели запугивать. Вследствие чего я перестал понимать и уважать розовых интеллектуальных мальчиков, из которых вырастают плюшевые взрослые интеллигенты, которые не замечают впоследствии, что дети копируют их собственное униженное детство. Ведь если бы замечали, то что-нибудь наверняка предприняли.

Остальные абитуриенты сопротивлялись вяло. Я избегал одуванчиков и выбирал самые наглые самоуверенные лица, мстя за прошлое. Сотоварищи, напротив, хотели вербовать одуванчиков и избегали наглых по виду: «С ними же хлопотно, если рыпаться начнут, надо убеждать, угрожать, бить», но я отвечал, следуя сильной логике: «Зато работники из них крепче и выносливее», хотя, в сущности, мне было плевать на качество рабочей силы. Нам сказали: двадцать лохов, и желательно было поскорее решить чужой обременительный вопрос, за что никакой благодарности не полагалось.

Сотоварищи тайком подумали, будто я хочу подлизаться к старшим.

Наконец подъехал обещанный автобус. Аж двадцать пять лохов послушно погрузилось в салон. Многие были гораздо взрослее нас. Никто не спросил, почему набралось столько народу, почему и куда везут на автобусе, ведь просили о незначительной пятиминутной помощи. Один, всё тот же, попытался возмутиться, но получил по зубам и моментально затих. До Речного порта ехать было прилично, около двадцати минут. Сотоварищи, не таясь, хохотали и перекрикивали рёв мотора:

– Вот овцы!

По прибытии всем лохам выдали лопаты, и работа закипела. Двадцать пять лохов усердно копали. Пять пацанов ходили между рабочими и приглядывали. Иногда кто-нибудь жалобно спрашивал:

– Скоро уже закончим?

Тогда ему отвечали:

– Копай, знай. Быстрее выкопаешь, быстрее уйдешь.

Если этого не хватало, для убедительности били по зубам. И тогда лохи с большим усердием копали могилу своей чести. В чистых костюмчиках, в белых рубашках, в блестящих ботинках и уже почти по пояс в земле. На деньги, отнятые ранее у старшеклассников, мы купили несколько пакетов кефира, пирожки и кексы. Пожевали немного. Я видел, как один парень смотрел на нас голодным взглядом. Перепачканный, вспотевший, ну не жалко ли? Вопреки возражениям сотоварищей, великодушно угостил кексом и дал ему немного попить. Лох быстро жевал и смотрел благодарно. Зато остальные двадцать четыре лоха смотрели на него с ненавистью. Всем им стало не до нас, все забыли, что это мы – причина их унижения, и до самого вечера двадцать

четыре лоха злобно оскорбляли своего товарища по несчастью, имевшего глупость кормиться с моих рук.

Видно было, что работе конца-краю нет. Дело обещало затянуться как минимум до десяти вечера. Вскоре приехал на джипе Грин. Огромный волосатый небритый дядька лет сорока. Оглядел фронт работы, сказал удовлетворённо:

– Глядите, пацаны, никого не отпускайте, пока не закончат.

Он собрался уезжать. А мы между собой договорились, что двое останутся с лохами, а остальные поедут на сборы на школьный стадион. Попросили Грина подбросить до нашего района, но он отказал. Было не по пути...

Мы озирались, боясь нарваться на засаду или ментов. На сборы пришли вовремя, точно к шести вечера. Но никого из старших почему-то не было. Смотрящий за возрастом, Руслан, давал наставления:

– Старшие сказали, чтобы завтра два крайних лотка на рынке разорили. Опрокиньте прилавок, так чтоб все видели. Этим займётся...

Вдруг на краю стадиона показались два старших, Блуд и Синий, взволнованные и запыхавшиеся. Подошли к нам, показали на меня и Жука пальцем:

– Ты и ты, поехали. Молотки и ножи возьмите.

– Куда? – не удержавшись, задал глупый вопрос Жук.

Старшие возмутились:

– Ты чё, урод, накурился? Вопросы маме будешь задавать.

И мы поехали на такси по направлению к центру города. Причалили к парковке возле ресторана «Фламинго» и отпустили водителя.

Прежде чем попасть в ресторан, нужно было пройти парковку, затем миновать широкие подъездные ворота, далее пересечь стоянку на десять мест и довольно просторный внутренний дворик

с зонтиками и столиками для гостей. Но в ресторан мы не вошли, а сели вчетвером за летний столик во внутреннем дворике, где, помимо нас, уже сидело достаточно взрослых парней и солидных мужиков. На стоянке были припаркованы шикарные купе и кабриолеты. Мужики сгрудились за двумя длинными совмещёнными столами. Пузатые, ухоженные, с рубашками навыпуск, под которыми проглядывались очертания пистолетов. Блуд от нечего делать и по доброте душевной показывал взглядом нам на каждого мужика и просвещал. За длинными столами собрались три стороны. Наши, первачки, немного равнодушные, спокойные, но сосредоточенные. Глаза у них были стеклянные, без выражения. Группа чеченцев чем-то напоминала по внешнему виду

наших взрослых. Халевские мужики тоже ничем не отличались от остальных, но были среди них двое: первый, по кличке Гараж, – пухленький, с хищным отвратным взглядом, и второй, Микстура, – худой, жилистый, обветренный, жёсткий как кремень. Оба периодически вставали, что-то нервно вскрикивали, снова успокаивались. Всех мужиков, сидящих за тем столом, было около тридцати.

Тем временем во внутренний дворик въехал джип, из него выбрались два интеллигентных пожилых человека и атлетического сложения гигант, коротко стриженный, с крепкой шеей, одетый в лёгкие белые брюки и рубашку классического фасона. Блуд прокомментировал их появление:

– А вот и коммерсанты.

Пожилые люди совершенно спокойно уселись за соседним от места разбора столиком. Гигант остался стоять в центре двора. Потом вовсе начал прохаживаться: пять шагов туда, пять шагов обратно, тайком поглядывая на крыши и окна окружающих зданий.

За другими пятью круглыми столиками сидели наши старшие (все мы здесь находились для толпы). Ещё три столика занимали халевские парни.

Мне приспичило по нужде. Я вышел из дворика, намереваясь перейти дорогу и там, где-нибудь в трущобах, справиться свои дела. Переходя дорогу, поглядел направо: у бордюра были припаркованы два тонированных новеньких микроавтобуса, чуть покачивались, будто кто-то ёрзал в салоне. Поглядел налево: пять стареньких тонированных жигулей, сквозь лобовые стёкла было видно, что забиты до отказа. Ясно, что стареньких машин не жалко в случае чего.

Справив дела, возвратился к ресторану, сел за столик. Стало смешно: такие серьёзные дядьки, пистолеты за поясом, куча народа на подстраховке. И тут я – шестнадцатилетний салага – сижу с молотком и ржавым ножиком, голодный, в дырявых спортивных трико и старой олимпийке. Дело было не в том, что меня таким образом дрессировали, воспитывали и тренировали, и даже не в том, что лишний молоток и ржавый нож тоже могут пригодиться. Просто чем больше мяса, тем больше шансов спастись от пуль в суматохе и даже прикрыться. Теперь стало ясно, что Турбо приказал нам бить халевских по решению взрослых, а вовсе не потому, что гулял по дворам и выиграло его чувство патриота. А если что-то говорят сверху – это значит, что наверху кому-то хочется кушать...

Разъехались мирно, но война не закончилась. По-прежнему пасли друг друга по адресам, ставили засады во дворах, ездили искать по летним базам отдыха, жгли автомобили, стреляли, резали. Дошла весть, что юного сына Грина убили. Халевские узнали, что сын нашего взрослого авторитета лежит в больнице с отитом, ворвались скопом в здание, нашли палату и прямо в палате до смерти забили молотками. На общих сборах все поглядывали на Грина. Дядька ничем не выказывал печали. Всё такой же лохматый, небритый, тот же равнодушный взгляд, тот же деловой говорок, тот же начальственный тон. Он раздавал какие-то приказы, о чём-то разглагольствовал с другими взрослыми и на отца, потерявшего сына, совсем не был похож. Восхищённые одобрительные взгляды моих сотоварищей и старших словно бы говорили: «О, как горе скрывает – волчара!» Но я совершенно точно прочёл в глазах Грина другое. Система, на которую работал и которую укреплял Грин, которая давала деньги, уважение, возможности, отняла у него сына. Грин знал, что система жестока, и на всякий случай был готов расстаться со свободой, здоровьем или жизнью, но система потребовала другую жертву. Что же теперь зря убиваться, если судьба оказалась непредупредительной, не пришла и не сказала: «Здорово, Грин! Я судьба! Или

отдавай сына, или уходи из системы». Другого характера это был человек, не мы – сентиментальные опарыши.

В отместку зарезали пожилого отца одного из представителей вражеской стороны. Но на этом кое-как замирились, иначе родственников было не уберечь.

На следующий день после перемирия отдохали в ночном клубе. Старшие под несуществующим предлогом обязали прийти в ночной клуб весь наш возраст, ибо отдохнуть без толпы за спиной им было страшновато. Денег у молодых почти не было. Поэтому, с великодушного позволения, хорошенько нагрузились спиртным вне заведения, а потом только вошли на дискотеку и присоединились к старшим. Там мне повстречался знакомый – старший брат моего одноклассника, милиционер, мы поздоровались сухо. У меня возникло дурное предчувствие. Не раздумывая и не спрашивая у старших разрешения, я ушёл домой. Но не пробыл дома и двух часов, как позвонили, а потом забарабанили в дверь. Мать спросила:

– Кто?

– Откройте, милиция!

Мать открыла. Не предъявляя никаких документов, трое пьяных ворвались в квартиру, нашли меня и потащили на выход. Мать заголосила – в ответ ноль эмоций. Только махнули удостоверением перед носом: «На опознание. Скоро вернётся». Сковали наручниками запястья за спиной и впихнули в «уазик».

Скоро добрались до ОВД. Завели в грязный тусклый кабинет, там ещё трое пьяных: двое огромных дядек и с ними молодой парень лет двадцати, которому дали право вести допрос. Усадили на стул. Один дядька встал за моей спиной. Парень спросил:

– С кем был на дискотеке?

– Один.

Последовал удар ладонью в висок. Посыпались искры. Я чуть не опрокинулся набок, но дядька, стоявший позади, удержал, положив огромные ручки на мои плечи.

– Говори! Быстрее вернёшься домой.

– Что говорить?

Парень молча взял какую-то толстую книгу и с размахом ударил по макушке. Глухой удар, звонкий отзвук. И снова ударил. От неожиданности клацнули зубы, потому что я не успел сомкнуть челюсть.

– С кем пришёл на дискотеку?

– Да один, дяденьки, – взмолился я, боясь их, потому что выхода не было, а они, судя по всему, по закону могли сделать всё, что угодно.

– Слушай сюда, убудок! Твои друзья оперативника зарезали. Либо ты скажешь, либо повесим на тебя смерть нашего товарища, сделаем петухом, и уедешь на тюрьму.

– Дяденьки, не было у меня друзей, я один пришёл и ушёл сразу же. Потому что там хулиганов много было. Спросите у мамы, я уже два часа дома был, когда вы пришли.

Парень снова принялся бить меня по голове, рвал пальцами рот, рвал уши, выдавливал глаза, а огромный дядька держал, чтобы ему было сподручнее. Хотя я был в панике, но не отступал от занятой позиции, понимая, что в любом случае бить будут. Тем более если погиб их коллега. Я лихорадочно гадал, что произошло в клубе. Если мента зарезали, то как он мог сообщить обо мне? Значит, зарезали другого мента. Значит, ментов в клубе было несколько. Какая-то логическая загад-

ка была во всём этом. Но я не имел сил и внимания уцепиться за ниточку, потому что парень беспрестанно бил и твердил:

– Мы твоих подельников уже взяли. Они уже пишут признательные показания в отношении тебя. Давай рассказывай!

Конечно, я испугался, что кто-то спихивает вину на меня, невиновного. И всё же, следуя заданной логике, промышчал в ответ: «Один». Губу-то он мне уже нечаянно разбил. Да и нос потёк, поскольку были свежи побои ещё со строгих сборов. Я думал, что он после этого остановится, что пришло время для отдыха в камере, ведь уже около получаса измывались надо мной. Но этот гад вытащил напильник из ящика стола, а дядька разжал мне челюсть. И вот этим напильником, которым, видимо, не раз мучили наркоманов, алкашей и другой разный сброд, стал подтачивать верхние передние зубы. Челюсти заходили ходуном, и каждое мгновение казалось, что вот-вот все верхние зубы посыплются в рот. Я заорал от боли и заревел. Ведь мало того, он, как будто специально, задевал дёсны. Он отступился, и я закричал:

– Всё скажу! Всё!

– С кем был?

– Скажите, с кем надо, с тем и буду!

Он снова приложился напильником к зубам и протёр три раза. Я ревел, как ревут свиньи, когда их режут. Меня вновь оглушили толстой книгой по голове. Я притих.

– Говори, сука, с кем был?

– Дяденька, умоляю, вы скажите, что нужно повторить, я повторю, только не делайте так больше!

– Ну, раз такой упрямый, давай нижние шлифанём! – Парень вновь подступился.

Нет, я уже не смог бы этого вынести. Никого. Ни одной души. Ни проблеска надежды. В голове проносились роем истории некоторых обывателей, доведённых в милиции до отупения героином, замученных электрошоком и монотонными ударами по голове, посаженных на ножку табурета. И всё это без сна, без возможности присесть и прилечь, на протяжении нескольких суток. Но чтобы вот так сразу напильником по зубам! А ведь как я был уверен, полагаясь на несовершенство лет, что милиция не страшна. Но этот невидимый страшный дядька за спиной, эти лапы на моих плечах, эти руки, по-хозяйски мнущие, рвущие и бьющие мою голову, как резиновый мяч...

Вдруг позади открылась дверь – я мельком успел подумать, что не слышал шагов, – в кабинет кто-то вошёл и сказал хриплым, тихим, уверенным голосом:

– Так, ребята, там других подвезли, встретьте, побеседуйте.

Все ушли, а голос остался. Расковал мне руки. Напротив, на стуле, уселся майор, почему-то в штатском, но в кителе. Обильная седина странно перемешалась со смолью. Что-то подсказывало, что этому мужику не более сорока лет. У него были очень сострадательные глаза: большие, чёрные, глубокие зрачки, голубые мешки под глазами, окружёнными мелкими немимическими морщинами. С появлением майора в атмосфере появился приятный аромат духов. Вместе с тем от него пахло перегаром. По всему было видно, что человек матёрый, много испытавший и ещё больше повидавший в жизни. Кажется, он испытывал глубокую ненависть, которая составляла весь смысл бытия, но при этом знал что-то такое горькое, неизбежное, непреодолимое, что обнуляло и делало тщетным всё его бытие. Майор посмотрел пристально и спросил по-отечески:

– Больно?

– Больно, гражданин майор, – прошамкал я, плача.

– С кем был в клубе?

Поскольку руки у меня теперь были раскованы, я воспользовался случаем и молитвенно распростёр их ладонями кверху:

– Один, дяденька. – И зарыдал, вполне искренне.

Сквозь слёзы всё же я заметил едва уловимое удивление в глазах, когда он увидел мой жест. Майор вдруг спросил:

– Давно ты в наручниках?

– Когда из дома забрали.

Майор слегка побледнел, нахмурился, подумал немного и сказал:

– Слушай, щенок, если ты не скажешь, с кем ты был, тебя действительно посадят!

– Я, дяденька, на дискотеке пять минут был. – Я шамкал, рыдал, но очень осторожно выговаривал слова, чтобы зубы не отвалились от прикосновений друг к другу. – И ушёл сразу, потому что много хулиганов было.

– Вот что я тебе скажу, подонок, – как будто не верил мне майор, – сейчас, под свою ответственность, я тебя выпущу, но если хоть раз ты попадёшься нам на глаза с гопотой...

– Но, дяденька...

– Кому ты лепишь?! – громко возмутился майор. – Ещё раз попадёшься, посадим в петушатник.

Он лично проводил меня к выходу. Он действительно пощадил меня. И ему лишь оставалось надеяться, что я не поеду в ближайший травматический пункт, не составлю акт медицинской экспертизы и не заявлю куда следует, что само по себе для майора неприятно, но не страшно.

На следующий день на сборах рассказывали, будто в ночном клубе произошла пьяная поножовщина с участием пацанов, с одной стороны, и отдыхающих ментов, с другой. В результате менты одолели, пацаны разбежались, а среди ментов оказался легко раненный в плечо лейтенант. Никого кроме меня не поймали, ибо меня взяли уже дома, по указке того самого знакомого, который у одноклассника узнал домашний адрес. Вот и всё. Оказывается, какую восхитительную ложь я слышал накануне! Никого не убивали. Никого не взяли. Никакого уголовного дела не завели, а только лишь хотели спяну отомстить и проехаться по адресам, пока было настроение. Какое бездарное исполнение при таких широких возможностях правосудия!

А у меня четыре зуба всё-таки отвалились на завтрак и ещё четыре выбили через неделю на строгих сборах. Чем меньше оставалось зубов, тем больше было на них нагрузки, тем быстрее зубы портились, выпадали, крошились. Началось заражение, почти всё сгнило. В районной стоматологии ставили пломбы, которые не держались ни дня. А если там вырывали зубы, то непременно в дёснах оставались корни. Коммерческая стоматология была не по карману, совсем не по карману, критически не по карману. Гнило быстро, воняло жутко, болело вечно, и только шесть нижних передних зубов ещё оставались здоровыми. Мой тюфяк, видя такую беду, очень сильно напрягся и изыскал средства, чтобы вылечить мне рот, чтобы вставить железные и керамические протезы. Проще говоря, папаша вспотел, залез в долги, работал ночами, но сделал для меня то, чего я не заслуживал. Просто так. Ни за что. Из непонятной любви. Хотя я в последние месяцы не интересовался домашними делами и никак не помогал по хозяйству. Я на него посмотрел иначе и увидел какой-то доселе невидимый стержень.

* * *

Состарились родители матери. Большую маму разбил паралич. Она оправилась, но почти перестала ходить и поднималась на ноги только когда рядом никого не было, чтобы справиться в ведро нужду. Много раз большая мама падала, когда кушала, заваливалась на бок, давилась кусочками хлеба, захлёбывалась чаем. Однажды, упав, сломала ключицу, в другой раз сломала предплечье, в общем, сыпалась вся... Бабай сильно одряхлел и, по общему мнению, впал в маразм. Ухаживал за нею как за малым ребёнком. Раз в две недели на него накатывали жар и лихорадка, он падал на пол и долго полз к дивану. Большая мама беспокоилась, причитая на татарском языке:

– Эй, бабай, вставай, эй! Ты чего делаешь? – Она, конечно же, понимала происходящее, но, наверное, так принято в татарском языке. – Эй, не шути, бабай!

Однажды, когда он после очередного приступа не смог оклематься, мать забрала стариков в Казань. Под присмотром бабай ненадолго пришёл в себя. Снова начал ходить. Любил погрустить у окна, глядя на город... Через полгода снова накатил приступ, и он окончательно слёг. Теперь бабая тоже поднимали и усаживали на ведро. Однажды вечером я вернулся домой со сборов и с порога услышал плач. На полу спальни лежали старики, держась за руки. Оба беспомощно перебирали конечностями, пытаюсь подняться с пола. Большая мама плакала, а бабай неуклюже утешал, повторяя одно и то же на татарском языке: «Не плачь, сейчас я тебя подниму» – что два младенца, упавших в холодный колодец.

Изо дня в день бабаю становилось всё хуже. Моя мать едва успевала менять пелёнки и мыть отца. Бабай клокотал, захлёбывался продолжительным кашлем и всё повторял: «Аллах, Аллах, хватит уже, хватит, пожалуйста». Первый пролежень, в виде маленькой дырочки на кожном покрове, появился на пояснице на месте шрама от осколочного ранения. Пролежень за две недели дорос до размеров спичечного коробка, а через месяц уже стал размером с ладонь взрослого человека. Обнажилось бледное мясо, сквозь которое проглядывался позвоночный столб. Следующий пролежень возник на копчике и расползался более стремительно, в считанные дни сравнявшись в размере с первым пролежнем. Мы боялись самого страшного: что оба пролежня соединятся в один большой. Районные врачи, которых мы вызывали, были бессильны: человек-то был старый... И откуда только у бабая силы брались, чтобы так кричать? Все мы слабонервные; я, братик и папаша отворачивались, чтобы не видеть ран и меньше вдыхать тошнотворную вонь. Но чтобы мать содрогалась и кривила в муке лицо – это я видел впервые. Ей было невыносимо жаль своего отца.

В это тяжёлое для семьи время я сидел дома и не мог выйти из квартиры. Меня, по заданию взрослых, выцепляли ребята из моей возрастной группы. Дело было в том, что я помог сбежать одному пленному москвичу, которого намеревались убить. Я справедливо подозревал, что дело поручат мне. Этого московского босса наши взрослые пленили втихаря, надеясь взять под контроль криминальный бизнес на МКАД. При этом московская братва не имела представления о том, куда девался босс. Я охранял пленника, прикованного наручниками к батарее в номере гостиницы, и в результате, непонятно почему, помог ему бежать и выбраться из города. Босс добрался до Москвы и устроил бойню, начался взаимный отстрел. Вся ситуация сложилась таким образом, что даже косвенных доказательств моего предательства не было, но доказательства никому не были нужны. Дали задание выцепить меня и допросить с пристрастием.

Я, естественно, прятался дома. В обстановке полного ада. То есть это был ад для бабая, а мы все были только сопричастны. Вся наша материальная нищета проявилась как обострение язвы. Дом напоминал лепрозорий. Если раньше я хотел избавиться от мучителей, унижения, оскорблений, то теперь я страстно возжелал избавиться от бедности. Я вырослел.

Бабай мучился восемь месяцев. Однажды вечером заклокотал, закашлял, в промежутках вставляя: «Аллах, хватит, пожалуйста». Видя, что бабай не может остановиться, мать заревела, сорвала одеяло, схватила его за плечи и затрясла в истерике: «Откашляй! Откашляй, сволочь! Ну ты же можешь! Ну или проглоти! Ну, давай же, скотина!» Так бабай и затих, со страшным клёкотом в глотке, на руках у своей взрослой плачущей дочери, закончив, наконец, вытирать ноги на пороге рая. Мать ушла плакать в кухню. Большая мама попросила меня усадить её рядом с кроватью бабая. Взяла его за руку и стала тихо говорить:

– Эй, бабай, просыпайся, не шути. Хватит, бабай. Просыпайся, нет уже никого.

Может быть, это была какая-то таинственная игра между ними, о которой мы ничего не знали. Большой маме было тяжело остаться одной, после шестидесяти лет жизни с бабаем бок о бок. Она очень долго перебирала чётки, шептала арабские слова, и только покончив с обрядом, заплакала...

Я не смог поехать на похороны бабая. Через неделю после похорон позвонил в Москву по телефонному номеру, который мне оставил москвич. Тот сказал нехотя, что поможет устроиться. Я собрал сумку, перебрался на балкон смежной квартиры, находящейся в соседнем подъезде, чрезвычайно напугав соседей своим появлением. Они вызвали мне такси, и я спокойно вышел уже из соседнего подъезда в то время, когда засада паслась в моём. Соседи таким образом отблагодарили меня за то, что я защитил однажды их сына, когда его в институте начали донимать хулиганы из другой банды.

На поезде добрался до Москвы. Неясно, что я ожидал увидеть, но абсолютно всё увиденное с самого вокзала чрезвычайно впечатлило меня. Словно приехал в Казань сто лет спустя. Словно людской океан заболотился. Нагромождения грязи, железа, бетона в непрерывном калейдоскопе замученных лиц. Пятнадцать миллионов человек здесь жили ради счастья пятнадцати тысяч. Так и хотелось крикнуть:

– Эй, люди, вам срочно нужен воздух!..

Столько всего было в этих лицах. Сколько было не опробованных золушек в числе прохожих. Сколько безнадежно мёртвых глаз таили в себе давно мёрт-

вую надежду вырваться из нужды в князи. Ну, хотя бы в князьки. Ну, хотя бы в прислужников князьков. Ну, хотя бы в холопы княжеских прислужников. И ведь какая живучесть в этой мёртвой надежде! Или это уже не была надежда, а им просто хотелось. Или, может, уже и не хотелось, а только возвращаться было некуда. Сколько сложных стадий у этой гибели. Выходя из здания вокзала, я твёрдо решил, что уеду сразу же, как только почувствую вязкую топь.

По звонку Аркадий объяснил, что на привокзальной стоянке ждёт серебристая «BMW X5», и назвал номера. Лестно, конечно, провинциальному парню, когда встречаются с лоском. Увидел машину, сел на заднее сидение, впереди сидящие мужики тотчас же распяли меня двумя парами наручников между наддверными держателями.

– Зачем, ребята?

Мужик, сидевший за рулём, и без того обладал отчаянным лицом, лицом хама и садиста, а тут ещё выпятил нижнюю губу, обнажая татуировку «Fuck off!» и демонстрируя отсутствие зубов. Но второй, на пассажирском сидении, который упирался головой в потолок, был гораздо страшнее. Невероятно огромный, с лицом безнадежного имбецила, он медленно сказал чудовищным голосом, как будто из глубины пещер:

– Водки выпьешь, мальчик?

Он взял из бардачка, где лежала нетронутая упаковка шприцев, гранёный стакан и наполнил до краёв.

– Не, не осило, – отказался я. – Нельзя ли поменьше?

Тогда он сам выпил, не закусывая. Потом благодушно подставил бутылку, как соску. Я выпил и попросил закусить. Но тот, что был за рулем, ответил:

– У нас кроме колбас ничего нет.

Я понял и замолчал. Тем временем имбецил нагрел героин, вытащил шприц. Я сильно испугался. Но он сам себе сделал инъекцию. Только после этого мы тронулись в путь. Водитель, которого звали Илюхан, включил тяжёлую музыку, такую же злобную, как и он сам. Но имбецил чуть позже без спроса вытащил диск и вставил свой. Неожиданно в салоне зазвучала знакомая песня: «Десятый наш десантный батальон! Десятый наш десантный батальон!». Потом эта песня сменилась на: «Здесь вам не равнина, здесь климат иной, идут лавины одна за другой! И здесь за камнепадом идёт камнепад!», и после: «Эх, раз, да ещё раз... или пьёшь с похмелья!».

Чудя по прихоти, Аркадий сделал всё, чтобы впечатлить гостя. Сначала я думал, что Илья выпендривается передо мной, гоня автомобиль по встречной полосе, отчаянно подрезая каждого без разбора, но потом понял, что человек иначе просто не умеет или не хочет. Это страшно – нестись на скорости двухсот километров в час по встречной полосе узкой московской улочки, когда навстречу едут автомобили, которые вынуждены выезжать на тротуар, подсакивая на поребрике, чтобы избежать лобового столкновения. Это страшно – пролетать на красный свет, когда на перекрёсток выезжает патрульная машина, и удивительно, когда не удивляется милиция и не пытается помешать правонарушителю. В окне всё мелькало, как перемотка на видеопроекторе. Но вот мы выехали на Садовое кольцо и сбавили скорость. Обогнали чёрную тонированную «Audi Q7» и поехали перед ней.

– Я же говорю, сука респектабельная! – громко кричал Илья приятелю, судя по всему, о водителе позади идущей машины. Казалось, Илья встретил знакомую. – Давай без тормозов! Две с половиной!

И наш «BMW», и позади идущий «Audi» ехали с хорошей скоростью. «Audi» нагло дышал нам в затылок. Илья резко натопил на педаль тормоза. Если бы не наручники, то я легко вылетел бы в лобовое стекло. Обе машины взвизгнули, трясь колёсами об асфальт. Последовал несильный удар в задний бампер. Илья проехал несколько метров вперёд и припарковался на обочине, задняя машина по инерции повторила то же самое. Я решил, что таким ковбойским образом Илья задумал познакомиться с дамой. Но он в злобном бешенстве ударил лбом по рулю, чуть не разнёс кулаком панель и закричал, выбираясь из машины:

– Убью суку!

Имбецил, который даже не покачнулся, ни во время торможения, ни во время удара, остался в машине и солидно ковырялся в носу, слушая песню про тёмную ночь и про пули, свистящие по степи. «Серьёзный дядька», – подумал я. Имбецил в моих глазах был чрезвычайно тёмен и авторитетен.

Тем временем снаружи надрывался Илья:

– Да ты чё, сука, ездить не училась?! Я тебя до старости засужу, ты ж меня чуть не угробила!

– Я не виновата! Не смей оскорблять! Страховая разберётся! Нечего было на ровном месте так тормозить, дебил!

– Страховку в жопу себе засунь! Ты же, блядь такая, с места происшествия уехала! Гляди, где мы и где удар был! Дотуда ехать, как до Бутово! Плати сейчас, сука, пока я своего друга не позвал!

Это уже было смешно и как-то по-детски. Такой страшный, неменяемый, взрослый мужик запугивает другом женщину. Но из «Audi», с заднего пассажирского места, совершенно неожиданно выбрался молодой крепкий парень. Он вступил в перепалку уверенно, и было слегка удивительно, почему он так поздно появился на сцене:

– Слышь, человек, не хами даме. Сделаем так, мы сейчас заняты, ты оставишь свой номер. Я тебе завтра дозвон сделаю и решим твой вопрос. Теперь всё ясно?

Илья взбесился, три раза безжалостно пнул задний бампер:

– Да чё ты лепишь, чё ты разводишь меня?! Кинуть хотите работягу?! – И вдруг Илья нежным голоском прокричал: – Павел Тарасович, меня кинуть хотят на деньги!

Как выбирался из салона имбецил, как вставал на одну ногу, потом на другую, как поднимал своё колоссальное тело, как жалко качнулся и скрипнул наш «BMW». Какая неуместная гордость охватила меня, что я знаю такого дядьку. И даже стало жаль Павла Тарасовича, ибо такому телу очень тяжело пребывать в вертикальном положении. Павел Тарасович тяжело вздохнул – мол, ох уж эти блошки! сейчас научу родину уважать! – и медленно сказал чудовищным дебильным говором:

– Возмещать будем?

Так медленно сказал, что заметно побледневшему парню не захотелось утруждать Павла Тарасовича разговорами. А женщина попыталась почтительно возразить:

– Но, простите, нужно вызвать страховщиков.

Имбецил властным жестом показал Илье, чтобы тот сел в салон. Потом подошёл к женщине, и больше ничего слышно не было. Я переживал, боясь эксцессов, ведь, в случае чего, я-то был прикован наручниками. Между тем имбецил набрал на своём мобильном телефоне какой-то номер и неизвестно для чего передал трубку женщине. У Ильи зазвонил мобильный. Он взял из-под козырька калькулятор, поднял трубку и вдруг выпалил приятным деловым тенорком:

– Musa Motors, добрый день, менеджер Владимир слушает. (Ах, вот, оказывается, кем работает и как величают на самом деле!)

Затем стал спрашивать и отвечать:

– Какая у вас марка, модель? «BMW X5»? Замена элемента будет стоить три тысячи евро. Да. Да. Нет. В таком случае правка тысяча шестьсот семьдесят евро, рихтовка пятьсот восемьдесят семь евро, покраска всего элемента триста двадцать один евро двадцать три цента. Итого две тысячи пятьсот семьдесят восемь евро двадцать три евро- цента. Повторяю...

Нагло. Красиво. Талантливо. Видно было, как переключало в руки имбецила два десятка евро-купюр. Он сел в машину, отсчитал тысячу с лишним евро и отдал Илье. Остальные купюры положил себе в портмоне. Илья отчего-то возмутился:

– Я же сказал две с половиной, где ещё пятьсот?!

Имбицил виновато всхлипнул и по обыкновению медленно ответил:

– Не ведётся, сука.

И отвернулся к окну, совершенно обиженный. Илья сплюнул злобно в окошко, небрежно кинул деньги на панель.

Пока бестолково носились по городу, я ломал голову, пытаюсь понять, кто же из этих двух главнее. Ещё раз выпили с Павлом Тарасовичем водки и закусили гамбургерами. Наконец, выехали на МКАД, проехали пару десятков километров и причалили к парковке придорожной гостиницы. Илья отцепил меня от наддверных держателей, прицепил к запястью Павла Тарасовича, и мы пошли в гостиницу. Очень ухоженная территория, с фонтанами, с летними верандами из декоративного кирпича, с развлекательным комплексом чуть поодаль, который был больше гостиничного здания. Аркадий с двумя товарищами находился в люксе. Увидел меня и даже не поздоровался, а только по-хозяйски сказал конвоирам:

– Распакуйте, мужики, не смешите людей.

Илья расковал. Имбецил испуганно прижался к двери. Я сел в кресло, помня о том, что помог бежать этому москвичу да ещё денег в дорогу дал, а он вон, оказывается, какой серьёзный человек. Цирк любит.

– Тему понял? Хочешь в борьбу?

– Понял, хочу, – ответил я.

Узнав, что жить мне негде, Аркадий великодушно предложил:

– Поживёшь здесь, в бане, точнее, в предбаннике. – И добавил, как бы поправляясь: – Там и бильярд есть. Захочешь бабу, приводи, не стесняйся, но чтобы больше никого. Ну, нашим ребятам тоже можно, если гульнуть захочешь.

Угодливо встрял Илья:

– Особо-то не шикуй, работничков много, работы мало.

Аркадий с Ильёй поверхностно обсудили, в чьём экипаже я буду ездить. Потом конвоиры отвели меня в баню, показали предбанник. Бильярд, диван, кресла, шкаф и маленький столик. Под ногами ковровин. Совсем как дома. Но по инструкции, в случае прихода банных клиентов, я должен был немедленно скрыться с глаз долой, а во время своего отсутствия запирать вещи на ключ в маленький ящик шкафа.

После знакомства с жильём поехали кататься по городу. Илья оказался не таким злобным, как на первый взгляд. Всю дорогу поучал, делился опытом, давал наставления:

– Появятся деньги, не транжирь. Для этого города приедем и четырехсот рублей в день мало...

– У нас тоже это не деньги, – небрежно вставил я.

– У нас рублями евро называют. Мало, потому что сегодня эти деньги есть, а завтра ты их не заработаешь. Вот так и будешь перебиваться изо дня в день. То есть, то нет. Тем более с твоим экипажем. Тебе ребята попались – не позавидуешь! Во-первых, молодые, во-вторых, жадные, в-третьих, нечестные. Тупые. Будь начеку. Помни, из всего взятого у лоха тебе принадлежит третья часть, остальное отдаёшь рулевому – водителю, значит. Понял?

– А с вами можно остаться?

Илья посмотрел удивлённо и даже с состраданием.

– Больше никому не говори такую хуйню. На кой нам дался нахлебник, если мы уже три года вместе с Павликом работаем вдвоём. Ещё не было ни дня за всё это время, чтобы мы план не выполнили.

– А сколько это?

– Пять штучек в сутки. А сверх этого ещё и для себя заработать надо. И это, посмотри, во что ты одет. В первую очередь оденься солидно, иначе тебе ни один лох не поверит. Слышишь? Со вкусом оденься, вот видишь, как я одет?

Оба были одеты прекрасно, с иголки, изящно, в классическом варианте, но только вот лица всё портили, поэтому одежда была неприметна. Я, конечно, этими наблюдениями не поделился.

– Всегда кушай до отвала, но пей мало. Во-первых, чтобы в командировке не проголодаться и не выходить из машины. Во-вторых, с такой комплекцией, как у тебя, только на ипподроме лошадей гонять. О, будешь жокеем, так тебя будем величать! – Илья похохотал злорадно. – Короче, набери вес, если не хочешь, чтобы тебя презирали. Хорошая комплекция всегда даёт знать, что ты хорошо и правильно питаешься. А то за версту видно, что ты голодный кенiec. И запомни, никогда не ешь хлеба в обществе, в котором хочешь занять достойное положение. Это и в прямом и в переносном смысле. Подумай. Не забывай шлифовать ногти, люди на это обращают внимание, волосы из ноздрей удаляй, аж в зеркале видно, трихомудь торчит. Противно. Ну и постригись по-людски, только чтобы было красиво, не хуже, чем у меня. Я подстригаюсь раз в три дня.

Илья был стрижен очень коротко. С боков по направлению к вискам рвались драконы. На затылке вытатуирована свастика. Из любопытства я посмотрел на руку Павлика: ногти и впрямь были отшлифованные, длинные. Мужики любили ухаживать за собой.

Остановились у церкви. Илья спросил по-отечески:

– В Бога веришь?

– Верю.

– Православный?

– Нет.

Илья нахмурился, недовольно повёл бровью:

– Мусульманин?

– Нет.

Улыбнулся, просветлел, засобирался:

– А, ясно, кришнаит?! Тогда всё равно пойдёшь. Верить в Господа надо. Не зря у нас Бог первый после президента! – И тут же возмущился, обращаясь к Павлику: – Ну поднимайся, лежебока! Поднимайся, помолимся для красоты!

Действительно, в церкви мужики молились на образа красиво, набожно, вдохновенно. Низко кланялись, истово крестились, каждый поставил по дюжине свечей. Завсегдатаи-старушки восторженно умилялись, благословляя бандитов на веру русскую. Я присел на лавочку возле входа. Разглядывал посетителей. Вошла

симпатичная молодая пара, держась под руку. Девушка переступала сторожку, каждое мгновение боясь наткнуться на прихожан. Благоговейно оглядывалась, и длинные волосы в плавных грациозных движениях золотистой головки переливались изумительным нежным блеском. Парень держался столь же неуверенно, сколь спутница. Двигался неуклюже и, кажется, стеснялся присутствующих. Старушка у прилавка моментально оценила угрозу и возмутилась:

– Да ты же в церковь пришла, доченька, что же ты головы не покроешь? А разве можно в церковь под руку входить, как на танцы?! Ты бы ишо в шортах пришла, неугомонная твоя душа!

Пара остановилась озадаченно. Парень хрипло стыдливо зашептал что-то невнятное. Зато нашлась девушка:

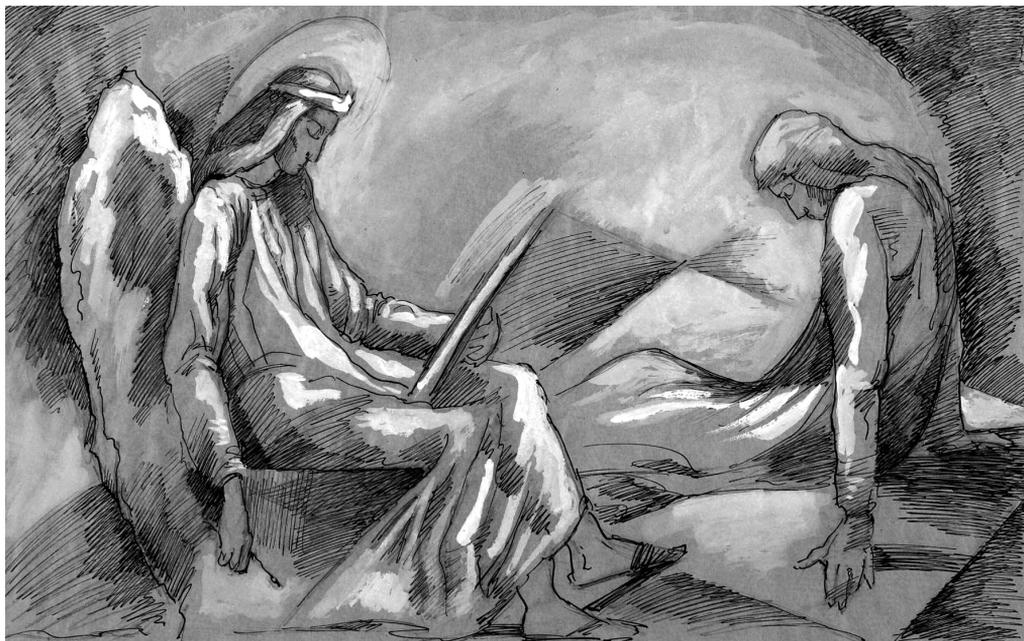
– Сейчас, бабушка, не ругайся. – Потащила парня за собой на выход. – Сейчас платок в машине поищу.

Вышли и уже, конечно, не вернулись. Какой-то церковный чиновник в конце зала покорно опустил глаза и продолжил чтение книги. Старушки сгрудились у прилавка и о чём-то сочувственно шептались.

И откуда столько усердия в мужиках на образа молиться? Это, вообще, кто придумал так? Кто сказал, что нужно молиться, глядя на икону, на крест, на восход, а не глядя глубоко в себя, в душу свою? Кто так подло отвращает людей от Бога? Кто хочет, чтобы люди не видели свою душу, чтобы не чувствовали удивление собственной души, вызванное...

Наконец, вышли и мы. Поехали. После недолгого молчания Илья разговорился.

– Я тебе, как честный мужик, скажу: здесь всё делается для красоты. Говорят для красного словца. Скажут: пошли, брат, Родину защищать. Но вот ты пойдёшь защищать, оглянешься, а вокруг тебя ни души. Они-то здесь останутся. Дескать, если все пойдут защищать Отечество, кто же за хозяйством присмотрит? Скажут: давайте людей накормим. Накормят людей отрубями, а ведь нате, сдержали-таки

слово, накормили. Или вот мы с Павликом! Ну чем не красота? Мы ведь смертной заповеди не нарушаем, не ворует и не крадём, люди сами нам деньги отдают за реальный ущерб. Мы создаём минимальный ущерб, а получаем реальные деньги! Так это коммерция! Так разве мы грешники после этого? Не грешники! Вот продают бумажный хлеб, затраты – минимум, а прибыль солидная! Ведь жрут же люди, вся страна жрёт, давится, и уже никто не помнит, каким настоящим хлеб должен быть по вкусу! Всё абсолютно на добровольной основе! Это ведь тоже коммерция! Или вот скажут: дадим многодетным жильё! Построят дом, пригласят журналистов, покажут многодетные семьи. А вы там глядите и радуетесь в глубинке, мол, да, правда, жильё дали! Это же тоже коммерция. Так вот, запомни, дружище: когда продаёшь воздух и его добровольно покупают – это не мошенничество! Значит, твоё счастье – продавать воздух. Ты сообразил, ты молодец, ты поднял тему, значит, будешь жить.

– Давай не о купечестве. А молишься тоже для красоты, святой Илья?

Илья обернулся ко мне – а дорога впереди во всю ширину битком – и спросил весело:

– Ну вот ты что скажешь, красиво я молюсь?

– Очень красиво.

– Ну понял теперь? Потому что в этой жизни всё нужно уметь делать красиво! И в церковь ходить, это тоже красиво! И когда ты начинаешь делать всё красиво, тогда начинаешь понимать, что всё можно!

– погоди, Илья, скажи-ка, – остановил я его, желая задать давно волнующий вопрос. – Вот ты красиво крестишься, с душою, но не возникает ли ощущение, когда крестишься, будто запираешь себя в клетку, будто свободу теряешь, не кажется ли, что жест этот сковывает тебя, заключает в пробырку?

Илья почесал на затылке то место, где была свастика. Задумался крепко. Из чего мне стало ясно, что вопрос понят. Павлик зашевелился вяло, прервал ход размышлений: «Хреново...», Илья осадил его: «Едем уже, не капризничай». И снова задумался. Наконец сказал:

– Богослов, мать твою, голову не морочь. Эдак можно по-всякому повернуть. Я тебе скажу: на кресте Христос страдал, муки за нас принял. Так вот, когда крестишься, ты от грязи, от греха и от несчастья отгораживаешься.

– Ну и что, греха меньше становится? – Илья не отвечал, потихоньку начал злиться, но я всё равно не удержался: – Так это же подло, чтобы люди крестились, накликая на себя муки. Этого ли Христос хотел?

Илья откровенно рявкнул на меня:

– Всё, хорош! Смуту в своём поле будешь сеять.

Оказывается, Илья молился вовсе не для красоты. Поставил любимую злобную музыку так, что ревело в ушах. И никуда от этого невозможно было деться. Впрочем, музыка успокоила Илью – он снова нёсся с бешеной скоростью по улицам. Выехали на какую-то площадь, остановились возле аптеки. Павлик выбрался, зашёл в аптеку. Илья прокричал:

– Во, гляди, Лубянка! Радуйся, что снаружи смотришь!

Чуть ли не главная площадь страны. Здесь, наверное, даже бульжники под колесами, даже последний захудалый фонарик, даже декоративная урна, даже нечаянный окурочок – и тот всё слышит, записывает, архивирует любое произнесённое поблизости слово. Об этом здании писал знаменитый шовинист. В связи с этим воспоминанием меня сильно одолевало подозрение, что если бы знаменитый шовинист написал какие-нибудь слезливые разоблачения ныне, то,

как могло случиться и прежде, его славный путь безвестно закончился бы сразу за порогом любого издательства. Проще говоря, я сильно испугался:

– Слушай, Илья, так у него же полный бардачок шприцев. Зачем он в аптеку-то?

Илью разворотила чрезвычайно довольная ухмылка:

– Как за чем? За кайфом!

Нет, ни в коем случае я не поверил. Это была просто шутка! Павлик вернулся, погрузил тело в салон, приготовил колоссальную порцию, укололся и забылся. Мы тронулись в путь до гостиницы.

Ночью спал скверно, не веря сну и бреду. Неудивительно, ведь я спал в огромном городе с ничтожными возможностями. Город, в котором, как на фабрике, производятся соблазны, иллюзии, фокусы. Этот город являлся непрерывным конвейером тушек и душек. Во сне меня разрывали страшные догадки, осеняла истина, тревожила правда. Круговорот сновидений озарял людскую жизнь сияющим светом, помогая мне находить брешь в нагромождениях чудовищной лжи, составляющей современный мир. Ведь сколько мучеников и мучителей. Ведь сколько говорится о мессии и об антихристе. И, подумав об этом во сне, я сделал ошеломляющий вывод, что об антихристе чаще упоминают светские власти, а о мессии говорят простые люди! Так вот же оно, кто чего ждёт! Из людского океана выйдет человек, которого одни сочтут антихристом, а другие нарекут мессией! Может быть, он будет таким же грешником, как и весь люд на этой земле, но скажет правду, которая поможет жить прозревши, которая укажет путь. Может быть, не чудотворец, не святой и не красивый, а ничем не примечательный убогий грешник.

Утром проснулся рано. Едва только успел надеть на левую ногу дырявый носок, как в предбанник ворвался пацан моих лет. Нагло и презрительно оглядел с головы до ног, отчего я смутился, понимая, что выгляжу по столичным меркам отвратительно.

– Ты, что ль, казанский? Поехали.

А говорили, что в столице жизнь начинается с десяти утра. Вышли на парковку, подошли к кроссу «Infiniti», сели на задние места. За рулём сидел такой же пацан, как Костик, а рядом здоровенный парень, отдалённо напоминающий Павлика. Такая же ленивая сила, медленные слова, сонные движения. Никто не поздоровался и не представился. Как я уже понял, рукопожатия в столице не любили. Микробов не оберёшься с каждым здороваться. Ребята не обращали внимания на меня. Курили гашиш. Потом закапали в глаза капли, чтобы снять красноту, и тронулись в путь. Слушали неонацистский речитатив. Автострада была очень широкая. Бесцельно неслись, перестраиваясь из ряда в ряд, и даже по обочине обгоняли автомобили, идущие по крайнему правому ряду. Искали нетонированные машины, чтобы видеть салон, количество и качество пассажиров. Избегали автомобилей, в которых находилось более двух мужиков.

Скоро нашим глазам предстало зрелище. На обочине стояли с включенными аварийными сигналами два автомобиля, а возле них жестоко дрались шесть человек. Костик благодушно пояснил:

– Таганские ребята с лохами сцепились. Таганские наглые, не любят, как мы, спектакли разыгрывать. Поэтому на нарах чаще отдыхают. – Костик начал неторопливо рассказывать: – Самые сладкие для нас на дороге – это, естественно, приезжие. В столицу с нормальными деньгами приезжают, за покупками или ещё за чем-нибудь. Среди приезжих самые вкусные чуваша. Разводятся быст-

ро, без лишних препирательств. Как всего самого вкусного, чувашей на дороге мало. Поэтому вбиваем кого придётся. Наши, москвичи, ушлые, с ними тяжело. Работаем только на МКАДе, здесь менты тоже в теме, а с ними проще работать. Это только такие отморозки, как Илюхан с Павликом, в городе вбивают, а мы осторожнее, в город не лезем. Илюхан жопник, он чаще на бампер зайцев ловит, а мы на крыло. Сейчас сам всё увидишь. Гляди-ка, мариец на проводе!

Повели серую десятку с марийскими номерами, в салоне которой было два мужика. Держались гораздо правее, через ряд, чтобы мариец не засёк нас в правом боковом зеркале. Мариец ускорялся, и мы вслед за ним. Мариец сбавлял, мы притормаживали. Мариец перестраивался в четвертый ряд, мы выезжали на второй. Сложность заключалась в том, чтобы маневрировать, соблюдая синхронность движения с жертвой, а это, в свою очередь, нужно было, чтобы выгадать подходящий момент для удара. Впереди в третьем ряду, разделяющем наши автомобили, появился фургон, который мы быстро настигали. Чуть далее фургона в четвёртом ряду ехала фура. Поскольку мариец не мог объехать фуру слева, ему нужно было обойти фургон и по третьему ряду обогнать фуру. Когда он начал совершать манёвр, перестраиваясь из четвертого в третий ряд, обходя фургон, наш «Infiniti» выскочил из-за фургона и стал перестраиваться в третий ряд со второго. В результате произошло лёгкое касание нашего левого переднего крыла и правого заднего крыла десятки. Водитель злобно ударил по сигналу:

– Ах ты, гад, убью, мразь! – заранее настроиваясь на рабочий лад.

Остановиться на такой скорости в бурном потоке машин было немыслимо, и пришлось проехать около сотни метров для парковки. Наш водитель, Георгий, выбрался, быстрым шагом подошёл к водительской двери десятки и, не давая возможности жертве выбраться из машины, начал орать и бить сверху по крыше:

– Ах ты, сука, выкини свой запорожец на помойку! Сука! – чуть ли не плача визжал Георгий. – Сука! Какой матери ты, чайник, назад не смотришь, когда на другую полосу выезжаешь?! Я тебе утилизацию...

Одновременно с нашим водителем из машины выбрался наш здоровенный пассажир. Чук под шумок уверенно подошёл к десятке, чуть наклонился, как будто разглядывал правое заднее крыло, и тайком зашкурил, сотворив солидную царапину. Георгий, наконец, выпустил напуганную жертву.

– Да я же смотрел! – замахал руками мариец, – вас же там не было!

Георгий подпрыгнул в бешенстве и едва случайно не ударил жертву, подбежал к нашей машине, пнул по колесу и заорал не своим голосом, тыча пальцем в левое переднее крыло:

– А это, блядь, кто сделал?! Ты посмотри, гад, какая глубокая царапина!

Мариец продолжал сопротивляться. Костик пояснительно шепнул: «Царапина старая. Много зайцев на ней отработали. Мы каждый месяц крыло меняем». Из десятки выбрался пассажир, но в перепалку не вступил. Чук заботливо успокаивал Георгия: «Георгий Андреевич, не волнуйтесь вы так, впереди совещание». Подъехала патрульная машина ДПС. Вышел прапорщик, откозырял, спросил начальственно:

– Что произошло?

Георгий рассыпался в объяснениях, мариец пытался перебить и возразить. Прапорщик выслушал обе стороны, попросил документы. Костик шепнул: «Смотри, чё сейчас сделает. Всё по тарифу. Сто евро». Марийцу документы вернули немедленно, а документы Георгия перекочевали в патрульную машину для

проверки. Очень скоро документы Георгию благополучно вернули. Прапорщик сказал марийцу:

– Вообще-то вы неправы. Страховая в таких случаях не возмещает ущерб, поскольку вы отъехали от места ДТП. Поэтому сейчас составим протокол, и будете отвечать в суде. Только, это, – прапорщик потёр лоб, обращаясь к марийцу, – Серёга, рекомендую на месте решить вопрос, через суд получится дорого.

Мариец, наконец, согласился. Менты уехали. Наступил следующий этап развода. Костик по телефону изобразил дорогой автосервис и насчитал две тысячи двести евро. Мариец побледнел:

– У меня нет столько денег.

Георгий уже был спокоен, деловит и сух:

– Показывай, сколько есть.

Мужик открыл портмоне, в котором лежало пять сотен долларов. Вытащил две сотенные купюры и протянул Георгию. Но Жора заставил отдать ещё две сотни:

– Как раз на бензин останется. Остальные дома наскребёшь. Отправляю с тобой нашего сотрудника, деньги передашь ему. И смотри, чтобы до самого вокзала проводил! И билет купи! Понял? Я твои координаты записал!

Я уехал в Марий Эл. Всю дорогу мужики переговаривались на марийском языке. За все шестнадцать часов не задали мне ни одного вопроса. Я спал или смотрел на печальные придорожные деревеньки. Пепелища да развалины. Страшная нищета. Пьянь на обочинах и возле магазинов да синеглазые проститутки на остановках. Домики скособоченные, кривые, с прохудившимися крышами. Пустующие фермы, на которых обитало одно вороньё, продувались ветрами из высаженных окон в ворота нараспашку. В загонах – груды многолетнего навоза. Кругом по всей стране голый чернозём. Иногда встречались ухоженные совхозы.

Йошкар-Ола мне не запомнилась. Далее окраины мы не заезжали. Зачем-то петляли по улочкам, наматывали круги, и я заподозрил неладное. Когда мы заехали в лесополосу на окраине района, я занервничал. Впереди меж деревьев показались ворота и бетонная ограда. Въехали на территорию гаражного комплекса. Темно. Впереди маячил свет. Там был отперт гараж, у ворот стояло семеро мужиков. Остановились подле. Водитель вынул ключи из зажигания и вышел вместе с пассажиром. Поздоровались с теми семерыми. Начался какой-то спокойный деловой разговор. Ничего не оставалось: ни гадать, ни бежать, ни молить. Я задремал. Когда распахнули дверцу, едва не вывалился на землю.

– Выходи.

Вышел. Водитель сунул в лицо красное удостоверение майора МВД. Обступили кольцом. Водитель – усатый мужик с длинным шрамом на губе – приказал вывернуть карманы и показать документы. Я возмутился:

– С какой стати? Вы чего, мужики, произвол творите?! Если вы кинуть хотите Георгия Андреевича, так позвоните ему и скажите.

Майор растерялся оттого, что такой захудалый, всю дорогу молчавший пацан неожиданно брыкнулся:

– Давай Ваньку не ломай, ты что решил? Что с тобой, дети говорят? – майор схватил меня за локоть, рассчитывая таким образом уговорить меня, но всё же рука хоть и была крепка, а держала неуверенно. – Чё, показалось, что марийские лохи едут? Не надейся, сучка, что мы тебя посадим за вымогательство и мошенничество. Мы тебя здесь, гада, закопаем...

В душе паникуя, я всё же нашёл силы возмутиться пуще прежнего и при этом нагло вырвать локоть.

– Да вы что, придурки что ли совсем?! Это вы ездить не умеете, а я с шефом из командировки ехал из Казани! Я сам казанский! Работаю на пивном заводе экспедитором. Я вообще с шефом случайно оказался, а он меня как работягу с вами отправил, дескать, другим чистеньким сотрудникам в падлу ехать по таким пустякам...

Сзади не сильно ударили по ключице, желая осадить меня. Я отмахнулся искренне злобно, не оглядываясь:

– Да отстань, дебил, – и продолжал тараторить: – Вы чё беспредельничаете?! С вами по-человечески договорились, как люди, без суда и протокола! Вы же сами сказали, давайте решать не по суду! Вам даже гаишники посоветовали! Да разве вы мужики после этого? – И только потом, после того, когда позабыли о том, что я из Казани, когда меня уже никто не принуждал, я в благородном гневе великодушно вынул паспорт и поочерёдно сунул каждому в лицо, чтобы каждый увидел прописку. – Натё, поглядите, если не верите!

Спрятал в карман и продолжил тираду:

– Да что же, Сергей, звоните шефу и скажите ему, что вы денег отдавать не хотите, а меня не вмешивайте! Это ваши дела.

Сзади толкнули сильно:

– Прикуси метлу, ублюдок!

Не знаю. Я потому, наверное, так сильно обиделся, так натурально сыграл, что надежды уйти в общем-то не было.

– Да пошли вы! Сами разберётесь!

Махнул рукой, удивительно легко протиснулся сквозь кольцо и пошёл по направлению к выходу. В первую очередь нужно было вырваться за территорию, затем лесочком уйти подальше от гаражей, а там уже подумать о том, как без денег добираться до Казани или до Москвы. До ворот ещё было довольно далеко, когда минуту молчания прервал удивлённый растерянный голос:

– Стой, сука, ты куда?!

Я обернулся и крикнул злобно, почти по-детски:

– Сам такой!

Тогда позади зашумела двигателем «десятка», дорогу в направлении ворот прорезали фары, меня быстро настигли:

– Ладно, парень, садись, довезём до вокзала.

– Опять втираете. – Я продолжал идти дальше.

– Серьёзно, довезём. Мы просто проверяли. Всякое бывает, – дружелюбно говорил майор. – Деньги кому попало не хочется отдавать.

Я остановился, заглянул в глаза майору – он, несомненно, врал. Конечно, он меня не проверял, а теперь просто испугался.

Довезли до вокзала. С учётом отданных ранее долларов, отсчитали тысячу семьсот евро рублями и отдали мне. Я уже вышел из машины, когда майор крикнул:

– Стой! Георгию позвоню!

Это означало какую-то догадку. Майор мог спросить у Георгия, действительно ли мы ездил в командировку, и если да, то в какой город. Я сделал вид, что пошёл к ларьку за сигаретами, и дал дёру. Думал проскочить железнодорожные пути и укрыться в трущобах, но, на моё счастье, отъезжала электричка, и уехал я в неизвестном направлении.

В другом конце вагона шумела пьяная компания каких-то работяг. Недалеко от меня три наглых молодых лица играли в карты и хищно поглядывали в мою

сторону. Я отвечал тем же хищным взглядом, предчувствуя, что назревает знакомство. Напротив меня сидела девушка. Одета была серо, неприметно, безвкусно, но опрятно. Воротила некрасивое лицо в окошко. Старательно прятала взгляд, видимо, боясь всех и каждого. Когда один из трёх, коренастый, с бородавкой под губой, засобирался подойти к нам, я опередил его, поднялся, подошёл к ним и сказал блатным говорком:

– Пацаны, угостите сигаретой.

Все трое слегка удивились. Бородавочник пропел нагло:

– А ты заработал на табак?

– Чё, жалеете табака для бродяги? – ответил я, не мешкая. – Не вопрос, спасибо на добром слове!

Я развернулся было, чтобы вернуться на место. Но они окликнули:

– Да нет, брат, не жалеем, на вот, кури.

Протянули сигарету. Я поблагодарил, закурил прямо в вагоне и сел на прежнее место. В общем, предотвратил неприятности. Сам подошёл, чтобы дать понять им, что их никто не боится. Первым попросил для себя щедроты душевной, чтобы они поняли, что взять с меня нечего. Слегка по совести пристыдил ребят. Вынудил сделать благое дело. Не ушёл курить в тамбур и не оставил женщину, к тому же показал, дескать, я и сам злобный: курю в вагоне, не стесняюсь. Девушка заметно напряглась. Я спросил, куда едет электричка. Она ответила нехотя, тогда я ей всё доходчиво пояснил:

– Послушай, вон там трое хотели подойти и создать нам неприятности. Мне приходится курить здесь, чтобы они понимали, что и я ничуть не нежнее, чем они. Если ты хочешь, я могу уйти в другой вагон.

– Сиди, я не препятствую. – Показалось, будто даже хмыкнула надменно. – Мне какое дело.

«Деревенщина», – про себя определил я. Стал расспрашивать, будут ли на пути большие станции, где есть гостиницы. Она живо заинтересовалась:

– Переночевать надо? Если хочешь, у нас переночуй. Двести рэ. Комнату отдельную дам, кровать, только у меня дети шумливые и поесть нечего.

Мне карман деньги ггли, а у человека еды нет, да ещё и дети. А мне хотелось хорошенько отдохнуть от всего. От этих груд информации, от этих тем, сплетен и слухов, от борьбы, наживы, расправ, от этой чужой роскоши, которая как будто специально существовала лишь для того, чтобы дразнить такую чернь, как я. И хотя девушка была низкопробная, поскольку безбоязненно пригласила незнакомца на ночёвку, я принял предложение. Но, естественно, со своим условием.

Проехали нужную станцию. Вышли на следующей, там был круглосуточный магазин. Оттуда на попутке добрались до дома. Привезли три большие сумки с провиантом и коньяком. Дом не дом – деревянная двухэтажная трущоба. Лестницы тоже деревянные, скрипучие. Поднялись на второй этаж. На этаже были четыре сопливые двери. Отовсюду слышался пьяный хай. Открыли одну, вошли. Из темноты выбежал босой мальчишка одиннадцати лет. Сразу было видно, что хулиган:

– Здорова дядька! Чё тебе надо?

– У нас переночует, – буркнула Катя.

Мне было не до них. Я был напуган видом внутреннего убранства и подозревал, что каждую секунду могу провалиться сквозь пол на первый этаж. В прихожей воняло ржавое ведро с подозрительными разводами. Судя по всему, санузла не было. Двадцать первый век. Всякая мебель: комод, трюмо, табурет, всякий

антураж вроде зеркала, вешалки или межкомнатных занавесок – всё было чрезвычайно ветхим, изрядно потёртым и негодным. Казалось, поживи я хотя бы неделю здесь, в затхлом запахе, среди этих стен, обоев и лохмотьев, и на всю жизнь заработал бы коричневые очки и по-другому мир видеть уже не смог бы. Это я точно знал по собственным очкам, приобретённым за годы жизни в квартире на девятом этаже. Мне всегда невыносимо хотелось снять мои синие очки, сквозь которые кажется, что в мире царит полумгла.

Катя извлекла шоколадные конфеты, киндер-сюрпризы, напитки и отдала мальчугану:

– Гляди, сестру не закармливай сладким.

Показала кухню. На потолке покачивалась воспалённая лампа в коричневом абажуре. Сыромятный, трухлявый, в дырах пол. Коричневая мойка и бледный зелёный рукомойник. Видимо-невидимо банок с засолами. На старом отворотительном столе находились столовые принадлежности из алюминия, посреди них широкий боевой нож, а рядом безглазая, безволосая кукла (кто и зачем положил её на стол?). Холодильник ходуном ходил под напряжением и, словно часы, отсчитывал, о что-то задевая: «Тик-так, тик-так». Я подумал, забеспокоившись о деньгах: «Заманила в притон». Катя разложила провиант: что-то бросила в холодильник, что-то оставила на столе. Открыла коньяк, налила в стаканчики. Выпили. Катя принялась готовить, строила бутерброды, жарила замороженное овощное ассорти и котлеты. Вся она как-то ожила, потеплела, что ли, но не из-за того, что рядом мужчина был, а потому, что вечер был тёплым от коньяка и сытным от запаха нормальной пищи. Приготовляла стол энергично, даже весело, с улыбкою. Дескать, раз уж на ужин мужчина пришёлся, можно кстати ему улыбнуться. Нарезала сыра и колбасы, ловко разломала гриль на правильные куски, долго искала подходящую для закусок посуду. Бутерброды сложила в мутную оранжевую вазу, поставила передо мной. Наконец присела, сама налила коньяку, улыбнулась радужно:

– Ну, что, за что?

– Что же ты, Катенька, давай-ка, детей покормим сначала, я же завтра уйду, а дети останутся.

Катя посмотрела внимательно. Я боялся обид и предупредил:

– Нет, ни в коем случае не стыжу. Вполне понимаю, что всякий гость со своим уставом приходит. Но ты сделай одолжение. Ведь ясно же, что очень детей хочешь покормить, только из-за меня не решаешься.

Катя с обычным своим серьёзным видом наивно спросила:

– Ты психолог, наверное, да?

Вот так вот люди иногда, не веря доброму слову, могут опозлить всё.

– Послушай, Катя, я же серьёзно, без пафоса. И впредь советую так делать, при госте корми детей в первую очередь, тогда мужлан уйдёт непременно, а человек непременно останется. Иногда и в мужлане человек просыпается, – посмеялся – Ну вот видишь, как во мне, например! Зови, пусть с нами ужинают.

Катя вышла. Я немного подождал. Процессия появилась с головы. Сияя, как заря, вошло низенькое белокурое создание. Вся разруха озарилась, всё изменило цвет, форму, окраску. Курчавая головка переливалась в воспалённом свете, глаза озабоченно поглядели на меня, потом обвели интерьер. Глаза были томно-кофейные, вероятно, от отца, поскольку у Кати глаза были серо-зелёные. Всё с тем же озабоченным видом, смешно перетаптываясь, девочка подошла ко мне и взяла меня за руку. За нею вошёл брат. Чуткий и недоверчивый. Затем сама Катя, спокойная, сосредоточенная:

– Это она тебя просит, чтобы ты не смущался в гостях. Ей три года. Мария. Ужинали молча. Дети, доев, как умели поблагодарили Катю и сразу же ушли. Я, конечно, не забыл удивиться всему виденному:

– Дениска-то не сын тебе?

– Я им не мать. Мы все детдомовские. Дениска мой младший братик. А Мария племянница, старшего брата дочь.

– Так у тебя старший брат есть?

– Двое. Самый старший пожизненное сидит, а отец Марии в бегах. Её мать умерла от заражения крови.

– За что в бегах?

– За убийство. Да сгинул, видать, уже.

– А тот, другой?

– Тоже... за убийства.

– Так они вместе, что ль?

– Сначала вместе...

Помолчала, вспоминая.

– По первому делу вместе шли, только старший, Витька, младшего, Кольку, выгородил и против себя показания дал, чтобы Колька на воле оставался, семью кормить. Витьке пожизненное дали. Да только Колька побегал на воле, помаялся, а нас с братиком прокормить не смог, снова грабить начал. Убил человека и в бега подался. А я с ними осталась. Сейчас легче стало, на почту устроилась работать...

– Натерпелась, – не вынес я признания, – сколько всего...

– Милостыни не прошу. А всё же мы с Дениской счастливые, нам Мария неспроста дана.

– О, как ты её благородно, хотя бы раз Машей назвала. Ну, давай, Счастливая Катя, за тебя.

Уговорили коньяк. Катя проводила меня в комнату. В комнате ничего кроме дивана не было, постельного белья тоже. Что-то заподозрив, я попросил разрешения взглянуть на её комнату, но Катя сухо отказала. Ложась, я очень надеялся, что Катя не придёт ночью, поскольку брезговал обстановкой и совсем не расположен был к ней как к женщине. Катя не пришла. И тут уже во мне пробудилось желание побыть с нею. Мне казалось, будто я хочу душою согреться, ведь в душе с самого детства подморозило, но на самом деле это Чужой нашёптывал в темноте, что мною пренебрегли: «Постучись тихонько, оклики, она сама ждёт, цену набивает». Едва я сдержался, чтобы не опозлать весь вечер. Я думал о судьбе Катиной, о братьях, об убийцах: кто до чего кого довёл? Сначала из этих людей воспитывают убийц для этих же людей, а потом сажают. Воспитатели из всего извлекают прибыль. Даже вымораживая детей. Люди взрослеют, пытаются согреться душой и думают, что согреваются. Но на самом деле только потеют под одеялом. Закармливают в себе ребёнка сладким притворством, вымораживая последнее, что в них не выморозили в детстве...

Когда проснулся, Кати уже не было. Отдал деньги Денису и ушёл, унося в память двух взрослых счастливых людей и белокурого ангела.

До Москвы добирался долго и муторно. На вокзале встретили хмурый Чук и Георгий:

– Деньги привёз?

Я отдал две трети. Георгий возмутился:

– Где остальные?

– У меня.

– Почему ты решил, что вправе определять, сколько тебе полагается?

Я нагло соврал:

– Это вопрос к Аркадию. Он сказал: на первых порах одна треть моя.

Видя, что Жора прикусил язык, спросил его:

– А где Костик?

– Не вернулся из командировки.

– Так что же теперь?

– А что? Костик с Брянска, никто его искать не хочет.

– Послушай, Жора, – возмутился уже я, – ты почему ничего не сказал о том, что мариинцы менты?! Подло, Жора! Вчера Костик не вернулся, сегодня не вернулся бы я, какой прок, что у тебя в экипаже текучка?

– Не нравится – возвращайся домой.

– Хорошо, Жора, я потерплю, – запросто согласился я.

До вечера вбили три машины. Везло. Все расплачивались на месте. Заработали около пяти тысяч евро. Но Жора не спешил рассчитываться. Чук молчал, понимая, что его доля никуда не денется. Близилась ночь. Мне на мобильный поступил звонок с незнакомого номера. Оказалось, Аркадий: «Давай ко мне, поговорим. Подъедешь, поднимайся один, пацаны пусть в машине ждут». Доехали до гостиницы. Жора вдруг протянул мне восемьсот евро:

– На, братан, твой кусок. Только помни: всё в экипаже остаётся только между нами. Из избы сор не выносим. Если чувствуешь, что некомпетентен, когда отвечаешь на вопросы Аркадия, лучше ссылайся на меня. И не забывай, что, соблюдая

план, денег не накопишь. Давай, ждём тебя, – ласково сказал в заключение Жора, – отдыхать поедем. Первого зайца отметим.

Пока поднимался в люкс, думал о Жоре. Люди так боятся взыскания, а всё равно рискуют. Иногда рискуют деньгами, иногда рискуют доверием, но чаще всего рискуют совестью. Потому что за совесть взыщет только Бог. Выходит, если человек рискует совестью, то не верит, что с него взыщут.

В вестибюле двое, которых я видел с Аркадием в последний раз, пили виски. Без этих приятелей Аркадию перемещаться было страшно. Наверняка никто из них не сомневался в том, что покровительство босса – это особый знак расположения и дружбы. Ведь не зря же они были наделены полномочиями, чтобы решать вопросы по теме, получать дармовые деньги и развлекаться за счёт общей кассы. Но всякому придворному нужно предоставить хлев и полномочия, чтобы придворный был доволен и когда-нибудь не съел босса. Аркадий боялся, как и все, что когда-нибудь придворные поймут, что решать вопросы можно и без босса.

Я вошёл и сел в кресло.

– Ты почему одет по-прежнему в эти лохмотья?

– Не успел. Сегодня только вернулся, первые деньги привёз.

– Сколько за сегодня заработали?

– Я сегодня только вернулся, не знаю.

Аркадий позвонил Георгию и по-дружески пожурил за мой внешний вид. С видом покровителя, подавшего холопу шубу с барского плеча, сказал:

– Сегодня же оденешься. Ну, как съездил?

– Повозился немного, а так всё нормально.

– Водительское удостоверение есть?

– Есть.

Не спрашивая о моём водительском стаже и опыте, Аркадий решил:

– Водитель нужен на две недели для меня. Поездишь со мной.

– А что по деньгам?

Аркадий повёл бровью, как будто только что был неприятно удивлён, но потом покровительственно улыбнулся, взглянул по-отечески, как мог бы посмотреть старый матёрый волчара на щенка, и сказал:

– Триста «рублей» в сутки. Сегодня отдыхай, нарядись, а завтра в борьбу. Завтра к шести утра в вестибюле.

Я ушёл, получив сладкое место водителя босса, с тремястами стабильными евро без всякого риска. Я понимал, что стал водителем только потому, что мало знал, мало в чём разбирался и был не из Москвы. Какой уж я водитель, когда ни одной улицы в столице не знал. И ещё я подумал о том, что со всеми Аркадий разговаривал на равных, как со школьными приятелями, вежливо, без тени начальственности. Но со мной он выпендривался. Может быть, потому, что я помог ему бежать из плена. Может быть, потому, что я, деревенщина, сделал ему одолжение. Наверное, такие люди не любят одолжений, а если не любят, значит, надо ждать беды. Но я отмахивался от догадок, ибо в уме умножал четырнадцать дней на триста евро.

В первую очередь мне помогли выбрать одежду. Затем в салоне красоты отшлифовали ногти, почистили нос и кожу лица. Затем постригли. Совсем неплохо, когда возможности позволяют поддерживать внешний лоск. Едешь по городу в дорогой машине, ухожен, наряжен, душист, а за окном огни развлекательных заведений. Так и хочется зайти куда-нибудь покрасоваться, познакомиться с женщиной, выпить martini. Но мы всё мимо да мимо. И уже не хотелось ни женщин,

ни мартини, а только водки и сна. Заехали на стоянку какого-то ресторана. Чук вошёл в заведение. Георгий пошутил дружественно:

– Ну что, карьерист, такими темпами скоро до Богуса доберёшься.

– Что ж ты так о Боге-то, Жора? – слегка упрекнул я.

– Да не о Боге, о боссе. У босса погрешка такая: Богус. Аркадий просто смотрит за темой.

– Какой он, этот Богус?

– Не видел. Говорили, очень серьёзный человек. Вор в законе. Он где-то под Воркутой коронован. – Жора усмехнулся иронично. – Нам, солдатам, таких людей не увидеть. Мы же на Кутузовском проспекте не живём. Воры теперь тоже не босые ходят.

Вернулся Чук с двумя пищевыми термическими контейнерами. Поехали дальше. Чук категорично потребовал:

– Давай в церковь.

Подъехали к церкви. Чук вошел. Георгий придерживался иудаизма, поэтому мы остались вдвоём. Георгий рассказывал:

– Чук бесплодный. В детстве свинкой переболел. А три года назад с танцовщицей познакомился и завис. Умная баба, приезжая из Мурманска, белая-белая, в общем, прикрутила на всю жизнь. Два года назад поженились. Первый год ещё ладно, а потом заскучали. Детей-то нет. А людям без детей скучно. Друг друга знают уже до последней козявки в носу, противно. Ничто не объединяет, общие силы вложить не во что, общего дела нет. Ну, чё, жена заскучала. Чук маялся. Любит её сильно. Ты же сам видишь, он этакий динозавр, мастодонт, а жена его ласкает, душевную красоту наводит. Но вдруг им подвезло. Как-то раз затошнило жену, проверили, оказалось – беременна. Я-то сразу подумал, что бабу залётный топтал. Но Чук, хотя и тюфяк, а парень себе на уме, недоверчивый, в чудо не верит. Потребовал сложный анализ на отцовство, и ты знаешь, что... – Жора посмотрел с едва заметной растерянностью. – Отец действительно Чук. Я его спрашиваю: сметаны, что ли, объелся? А он говорит, будто накануне, перед тем как жену впервые затошнило, молился всю ночь и обещал начать безгрешную жизнь с чистого листа. Во бывает, да? Теперь вот уже семь месяцев как набожным стал, – мне показалось, будто Жора ехидно усмехнулся, – в церковь ходит, Бога задабривает, чтобы не гневался. По-прежнему клянётся, что с темой завяжет, но только тогда, когда жена после родов оправится. Жена тяжело носит. Видать, богатыря вынашивает. Ну вот такого же, как Павлик, наверное.

Откровенничал Георгий. Раскрыл кое-что личное, чтобы вызвать доверие. Но не для того, чтобы установилось взаимное доверие, а только чтобы одностороннее. Я по глазам читал Жору. Вышел из церкви Чук, просветлённый, спокойный, уверенный. Выехали на Рублёвское шоссе. По правой стороне лесочки, рощицы, боры. Дорогие машины перемежаются с отечественными «ладами». Вот уж маршрутный автобус я никак не ожидал увидеть на этом шоссе. Чук развеял мои иллюзии:

– А он не останавливается никогда. Хоть ты красной тряпкой помаши.

– Так для кого же он ездит?

– Для красоты.

Это уже было знакомо. Проехали какой-то дивный развлекательный комплекс с ресторанами, с какими-то зимними террасами, с магазинами. Всё нарядно, всё в огнях, всё по-новогоднему. Вместе с тем тишина и благодать, ни людей, ни машин. Чем дальше ехали, тем тише становилась округа. Из чего мне стало ясно, что богатые люди высоко ценят тишину. Богатые люди понимают толк в

тишине. Усвоив это наблюдение, я заметил, что возле шоссе домов крайне мало, одни лишь ветхие домишки да избы. И действительно, мы съехали с шоссе на узкую асфальтированную дорогу: вот тут-то и начались хоромы. Достигли тупика. Слева за резной каменной оградой возвышался роскошный особняк в три этажа, с придворными постройками, с домиком для гостей. Справа, гораздо меньших размеров, за декоративным пиковым забором расположилась двухэтажная белокаменная усадьба. Фасад украшали монолитные колонны. Вдоль аллей – белые скульптуры и фонари. Оказывается, богатые люди ценили красоту, а не размер.

Взяли с собой тяжёлые ресторанные контейнеры. Подошли к воротам – по всему периметру видеокамеры – позвонили в домофон. Никто не ответил, никто не спросил. Замок в калитке сладко щёлкнул. Жора отворил, и мы втроём пошли по аллее к парадному входу. Не хватало салюта над головой, тогда наше шествие можно было бы назвать триумфальным. На улице царилла благостная тишь. Внутреннее убранство также впечатлило, но больше меня интересовали хозяйка и её подруги. Все были моего возраста, около двадцати лет. Ухоженные, счастливые, звонкие. Хозяйка, Ольга, была спокойна и как будто радушна, сосредоточенно вглядывалась в меня и совершенно этого не стеснялась. Её подруги приняли новое лицо с безразличием. Они весело тараторили. Самая бойкая вдруг выбранилась матом:

– Ох...еть, кушать хочется!

Накрыли на полу, прямо в вестибюле под зеркальным сводом, возле зелёного фонтана с рыбками. Из всей этой пищи я знал только красную икру. Остальные блюда были мне неизвестны, впрочем, как и напитки. Я пил из собственной фляжки коньяк. Постепенно смысл нашего свидания начал до меня доходить. Девочкам нужны были понятные мальчики, читабельные и покорные. Видимо, мальчики из их круга были непонятны, капризны и привередливы. То, что мы были своего рода бандиты, придавало общению пикантность и в то же время не вызывало опасений. Сима была дочерью депутата. Рада – дочерью правительственного чиновника. А Ольга – дочерью нефтепромышленника, который был женат уже в третий раз. Мы втроём представляли для девочек дикарей, сильных, живучих, злобных, но послушных. Дикарей, с которыми можно шалить, беситься, безобразничать, говорить матом и быть вульгарными. Я не понимал их языка и напрочь перестал понимать в стенах усадьбы Жору с Чуком. Мало того, что я не понимал языка, я совершенно не понимал логики. Они и сами, наверное, не понимали себя. Иногда говорили и резвились, как дети, а другой раз говорили с пафосом и при этом двусмысленно переглядывались, подразумевая интригу, как будто что-то умалчивая и утаивая, как будто что-то было такое, что нужно понимать без слов. Все без удержу болтали, верещали, но слушать друг друга не умели, и поэтому постоянно перебивали говорящих, не дав досказать.

И только когда речь зашла о провинциалах, беседа приобрела стройность. Конечно, о провинциалах заговорили неспроста – и говорили без стеснения. Презрительнее всех отзывалась Рада:

– ...Живут там у себя и верят, что о них позаботятся. Смешно. Кто они? Овцы!

Девушка скользнула по мне насмешливым взглядом. Жора угодливо поддержал её, слегка замаскировавшись:

– Ну, не все овцы. Многие провинциалы в теме. В провинции ведь тоже свои бугры есть.

– А ты, казанский, не отмалчивайся, – с непонятым кокетством сказала Рада. – Или ты согласен, что там у вас не люди, а овцы?

Очень мне не хотелось, чтобы подумали, будто я хочу угодить, но сказать правду было полезнее. Я согласился:

– Овцы, за редким исключением. Только объясните мне: говоря о провинциалах, вы имеете в виду народ?

– Народ – это мужики, а мужики в поле, – ответил Жора. – Мы не мужики и мы не в поле...

– Ой, помолчи, Георг, – перебила Сима и сказала заносчиво, в уверенности, что оскорбит во мне провинциала: – Народ – это мы, потому что мы вершим будущее родины. А в провинции сидят бесправные крепостные. Логично?

– Логично, – ответил я.

Все примолкли. Девочкам стало даже обидно, что я так запросто признал своё бесправное происхождение. Им стало обидно, что не получилось унижить гостя. Они как будто сказали вслух: «У нас деньги, связи, власть», а я в ответ как будто пожал плечами: «Ну и что?»

– И это всё? – удивилась Сима.

– Всё. Хотя нет. Вы, кажется, назвали провинциалов овцами? Потому что эти овцы не могут забрать у вас бразды правления? Это потому, что такая колоссальная отара могла бы вершить будущее страны, но не вершит?

– Ну, погляди, европейцы влияют на политику, потому и живут достойно, – вмешалась Ольга.

– Никто ни на что не влияет. Средние европейцы всегда были против Балканской агрессии или, скажем, вторжения в Ирак. Люди там ничего не решают. И живут, кстати, с каждым годом хуже прежнего. Вы бываете в Лондоне, но не видите британцев, то есть социальное большинство, а пребываете лишь в рамках своего круга. Я вам скажу просто, не вдаваясь в социально-философские дебри. Представьте себе верхушку страны: огромное правительство, министры, партии, дума. Куча чиновников и политиков, которые набивают карманы. Но разве они что-нибудь решают? Разве ваши папаша делают что-то на благо страны?

– А нам что, больше всех надо? – обидчиво произнесла Рада. – И вообще-то мой папа сделал для людей очень...

– Ровно столько, сколько надо для минимальной видимости. Но, возвращаясь к правительственному аппарату, повторяю: эта орава чиновников ничего не решает в стране. Зато есть всего лишь один маленький серый человек, который наделён властью, и причём абсолютно бесполезной властью. Власть эта единоличная и приносит пользу лишь одному. Вот так же и с провинциалами, которых прорва, аж полторы сотни миллионов, а ничего не решают. Разница только в том, что серый человек подкармливает чиновников реально, а многомиллионную прорву – виртуально. И так везде, в любой стране мира, потому что это и есть государственный принцип. Следовательно, винить народ в безволии несправедливо, тут работают другие принципы. Да и много ли вы знаете провинциалов, помимо меня, чтобы судить о людях и овцах?

Вмешалась Сима:

– Видишь ли, в чём дело. Я вот сама из провинции и, наверное, вправе об этом судить. Мне дали прекрасное воспитание и мне отлично видно, как воспитан любой человек. Вот ты, например, ничего с этого стола не ешь, напитками тоже брезгуешь, а хлещешь свой коньяк. Вежливо это? Откуда эта сельская гордыня? Видно, что только сегодня оделся, умылся, подстригся, и всё это бла-

годаря Георгу, а сидишь тут пальцы гнёшь перед нами. Какие мы гордые! – Сима всплеснула ладошками, а Жора умоляюще поглядел на меня. – Возьмём любого крестьянина из Казани, и я тебе скажу, что это в ста девяноста девяти случаях из двух сотен – неблагоприятная невежественная свинья. Потому что мыслит гадко, говорит гадко, и сам не замечает того, что говорит и делает. Даже манера вести себя за столом, не говоря уже о поведении в быту, выдаст в нём жадного грязного поросёнка. Из таких ли людей ты предлагаешь формировать нам близкое окружение? Да я такую бабу, будь она даже самой модной педикюршей, на километр не подпущу к ноготку. Потому что она уже по определению не способна оценить моей доброты и щедрости. Вон у Ольги мачеха была, Софья, вторая жена дядя Саши...

– Да, кстати, отличный пример! – перебила Ольга. – Папа её случайно встретил в какой-то самарской дыре. Такая тихоня была, святоша, скромница. Он её одел, обул, образование дал, в свет вывел, людям показал, женился. В Люксембурге жили, отдыхали всюду, по всему миру ездили. А она такая нахальная оказалась: «Хочу то, хочу это!» Допрыгалась, самарская жаба. Сейчас, наверное, где-нибудь под забором кончила, в нищете, за всю свою чёрную неблагоприятность. Вот они, провинциалы, – чернь.

Все замолкли, ожидая моего ответа. Оказанную мне высокую честь я оценил и, отпив из фляжки несколько больших глотков для порядку, сказал, сильно желая блеснуть логикой:

– Вот у тебя папаша третий раз женат, другие просто пользуются широким кругом любовников. Третьи, не находя в женщинах, начинают искать в мужчинах, и женщины точно так же. В результате, не находя, все погрязают в разврате либо продолжают этот постельный калейдоскоп. Но все ищут, как я понимаю, одно и то же. Все хотят любить святого человека и быть им любимыми. Все ищут святости и не находят. Они чего хотят, ваши дяди Саши: чтобы в ряду материальных благ, как эта усадьба или “Майбах” в гараже, был ещё и святой человек? Но эти же люди, которые так бессознательно, так страстно ищут святости, встречая очередное не вымороженное жизнью создание, делают всё, чтобы выморозить его до конца. Проверяют, что ли, таким образом? Мол, по-настоящему святая душа не поддастся. Но что если чистая душа так вам верит, так верит каждому вашему слову, дескать, вот это хорошо, а в этом ничего страшного нет, что если всякая чистая душа, доверившись, последует за вами по вашему зову и погибнет по вашей милости? Неудивительно, что через некоторое время от былых чистоты и чистосердечия не остаётся и следа. Люди широких возможностей, до самого дна познав людской океан, прекрасно осведомлены о людских пороках и слишком хорошо знают, каковой должна быть святость. Людям широких возможностей не угодить, им святые даже опасны, и вот именно поэтому дяди Саши вымораживают всякую случайную редкость на пути, пачкают всякую чистую душу. Дяди Саши – заложники своих грехов, своего жизненного опыта, заложники воздвигнутых принципов и законов, в свете которых нет искренности, а есть только информация, требующая тщательной проверки. Это неизменно приводит их к принципу: «Сожрите друг друга». Может быть, Ольга, твоя мачеха вовсе не притворилась тихоней да скромницей, а на самом деле была таковой? Я и не сомневаюсь, что в результате Софья стала, как ты говоришь, нахальной и жадной. Так это же логично! Уж если поглядеть в светское общество, не такие ли там женщины водятся? Не такие ли жёны у людей широких возможностей? Что Софья? Она

лишь приняла грех со золотого блюда, преподнесённого возлюбленным! Так при чём же здесь чернь?

Ребята явно соскучились и снова замолкли, не зная, что ответить. Чук тайком ковырялся в носу. Нашёлся Жора:

– Ну всё, хорош нудить. Давайте лучше развлечёмся, я гостинец привез из Колумбии.

Он достал из кармана чёрный пакетик, развернул и высыпал кокаин прямо на ламинат. Ловко разровнял шесть дорожек. Сказал, обращаясь к Раде: – Давай, снегурочка, будешь первой принцессой на балу.

Все нюхали кокаин. Я убоился и не стал. Я уже испытывал сильную никотиновую и алкогольную зависимость. В суете, в борьбе, в грязных буднях так приятно было улучать интимные мгновения, чтобы выкурить сигарету или выпить горячий глоток. И было страшно, что от кокаина будет ещё лучше, ещё интимнее, и уж от такой опасной красоты мне тогда не избавиться. Тем временем Ольга включила головокружительную эротическую музыку. Девочки медленно поднялись, начали танцевать. Зазывными движениями бёдер они словно вели диалог с Жорой и Чуком, как бы приглашая на танец. Поскольку меня демонстративно игнорировали, я тихонько выбрался из холла и оказался в столовой. Мне было любопытно, что же будет делать Чук. Я сел в кресло напротив застеклённой двери и мог совершенно спокойно наблюдать происходящее в холле. Девочки постепенно разделись. Мальчики тоже. И прямо на полу, возле блюд начали оргию. Не стеснясь, не боясь и не предохраняясь. Громко и страстно кричал Чук. И как этот ленивый здоровяк совмещал в себе любовь, набожность и такое свинство, которое он вытворял там на полу? Я развернул кресло в обратную сторону. Судя по сладострастным воплям, пары поменялись партнёрами. Я покорно слушал отзвуки вакханалии и попивал коньяк. Снова поменялись партнёрами, снова вопили. Ухоженные, счастливые, звонкие: сосали, лизали, нежились. Тем временем в столовую кто-то

вошёл, подозрительно прошуршал по ламинату босыми ногами, остановился позади меня. Ольга. Спросила недовольно:

– Ты чего отсиживаешься? – Но как бы всё же в шутку, избегая прямых интонаций. Хозяйка сердится на холопа, дескать, такую честь оказали, а он – нате, позволяет себе отдыхать. Понимая, что сердить хозяйку не надо, что честь оказана высокая, я улыбнулся и соврал, вызывая к милосердию барыни и тоже как бы в шутку:

– Извините, сударыня, что-то устал с дороги, двое суток не спал.

– Чего тогда не спишь?

– У меня иногда случается бзик такой: пока по душам не поговорю, уснуть не могу.

Я наивно предложил коньяку. Ольга хмыкнула надменно и ушла, но вернулась с бутылкой ликёра. Налила себе в бокал, а мне коньячный фужер подставила, чтобы я культурно пил, как воспитанный человек. Наверное, я плохо разбирался в культуре, когда пить надо обязательно из фужера, а заниматься сексом с двумя и более партнёрами, не стесняясь присутствующих. Ольга прочла мои мысли:

– Это только биологическая шалость. Здесь лишних нет, все свои. Разве тебе было не весело?

– Вы не боитесь подцепить инфекцию? – осмелился спросить я.

– Сейчас всё лечится.

– Ну ладно, ты с подругами, тут всё ясно. А если вдруг Жора с Чуком от вас?

– За уши никто не тянул.

– Вот я именно поэтому беспокоюсь.

Выпили одновременно, помолчали.

– Ты всегда одна живёшь?

– С двумя женщинами-телохранителями. Одна сейчас в домике для гостей, на нас смотрит. У другой выходной.

– Они, наверное, тоже хорошо утешают.

– Они любят женщин. Та, что сегодня отдыхает, влюблена в меня.

– Немудрено.

Ольга мгновенно вся насторожилась и, кажется, нащупывала слова, чтобы развернуть комплимент в нечто большее. Рука с бокалом стала передвигаться в воздухе медленнее, пластичнее. Я-то всего лишь хотел угодить хозяйке, но никак не женщине, и поэтому нужно было говорить что-нибудь:

– Часто видишься с папой?

– Ты гей?

– Прилягу, посплю, что ли...

– Иди, поспи. Да подожди ты! Пей свой коньяк. На Рождество летаю в Лондон, а летом в Люксембург, к нему на день рождения. Здесь он не появляется. Он меня любит, но ему проще исполнять любое желание, чем делиться со мной своей жизнью...

– Любое желание. Красиво...

– Да, любое желание. Всё, что душе захочется. Если бы мне захотелось, можно было бы в космос полететь на звездолёте. – Ольга шаловливо улыбнулась. – Папа сильно любит меня. Однажды я приболела, он, как узнал, в тот же день прилетел из Эмиратов. Ушёл с важных переговоров, заместителей оставил. Но жить с ним нельзя, там женщины, дела и бизнес. Без меня ему свободнее. Он хоть и женат третий раз, но, кроме меня, у него никого нет. В прошлом году на мой день рожде-

ния над домом истребители носились, розы сбрасывали, а потом рабочие целый день крышу и территорию чистили. Папа любит удивить.

– Любое желание, лишь бы не мешали жить.

Ольга ничуть не обиделась на такую бесцеремонность:

– Здесь все так живут. Каждому хочется поглощать свет в одиночку. Ездить по миру, посещать тусовки, знакомиться, общаться, но расставаться. Что уж хорошего, если рядом близкий человек, сковывает своей любовью, а вокруг такое разнообразие, столько лиц, столько мыслей. Да и нет любви, о которой Шекспир писал, всё это старые сопли, которые он под столом забыл. На самом деле нет людей, достойных безответного чувства, в это только провинциалы верят. А здесь люди сходятся для команды, чтобы рядом был верный человек. И детей заводят для того, чтобы иметь в старости верных людей рядом.

Качественная мысль. Правду говорит Ольга, что не по любви сходятся люди и не по любви детей рожают. Из трусости привязывают к себе. Из трусости изображают любовь. Даже детьми обзаводятся от страха. А иначе разве можно добровольно жить в разлуке с любимым человеком? Разве можно рисковать любовью, зная, что когда-нибудь настанет день, который увековечит разлуку? Разве можно день этот задабривать, исполняя любое желание...

Пока молчал и думал о мнимой безысходности, мои мысли передалась хозяйке тягостным тоскливым настроением. И хотя я не проронил ни звука, она сказала:

– Ну и зануда ты. Сюда тебя больше не пригласят.

В знак согласия я покорно кивнул. Но раз уж теперь меня ничем не обязывали, то и поговорить можно без стеснения, ибо знать, насколько действительно мыслишь, всегда нужно:

– Не оттого ли ты меня занудой назвала, что услышала мои мысли? Услышала мысли о законе Божьем, которого ты не признаёшь?

– Ну и что. – Ольга пожала плечами.

– Ну вот если светские законы не соблюдаешь, значит, ты неполноценный гражданин. Верно? Если же не соблюдаешь закона Божьего, значит, душа у тебя неполноценная, а в этом обидно сознаваться. От обиды ты меня занудой назвала? Ведь неспроста и не по прихоти оскорбила, а именно потому, что обидно стало. Значит, где-то там, на задворках понимания предполагаешь существование Бога?

Ольга вздохнула, как вздыхает от отчаяния педагог, безуспешно пытаясь привлечь внимание ученика:

– Послушай, это ещё в школе преподавали: Бога нет. Все мы и всё окружающее – чистая биология. Посмотри животный мир по Би-би-си, потом внимательнее посмотри, как люди живут. И если у тебя есть хотя бы половина мозга, тебе станет ясно, для чего вам строят церкви, мечети и прочую ерунду. Я только удивляюсь этому цинизму, ведь даже наука заверяет, что Бога нет, а мы всё равно для вас теремочки строим. Есть спрос – есть предложение. Учи менеджмент, догматик плюшевый.

– Подожди. Не ошибаешься ли? Может быть, ты признаёшь законы животных и соглашаешься с тем, что по этому принципу построена человеческая жизнь, только потому, что сама уподобилась животным? Вот почему тебе удобнее так рассуждать. Телепрограммы преследуют определённую заказную цель, они вкрадчиво предлагают людям версию, которая убедительна только в том случае, если человек уподобляется животному. Что касается религиозных департаментов, то, по совести говоря, они скорее отворачивают от Бога, чем приобщают. Они лишают

людей зрения. Видишь, религиозные чиновники предлагают свою версию. Все предлагают версии, чтобы запутать людей, чтобы лишить зрения. Но истина одна, что бы кто ни говорил. Сегодня мир напоминает древних египтян или римлян, ведь люди тех цивилизаций, так же как и наши современники, смеялись в кулачок над именем Божьим как над страшной сказкой для непослушных детей. Цивилизации утопи в разврате и стяжательстве, и их религиозные департаменты утопи в первую очередь. Утонут и нынешние, если в людском океане не вспыхнет истина.

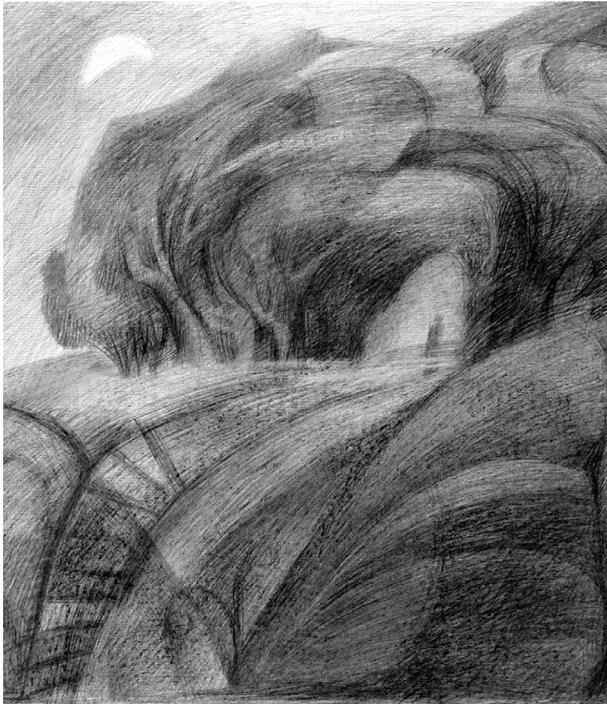
Ольга улыбнулась. Сначала ей казалось, что гость – ярый мусульманин или христианин. Теперь она подумала, что гость – сектант. Она явно желала поддеть меня:

– О, да ты знаешь истину, скажи-ка пожалуйста...

– Ты не хочешь знать, тебе так удобно.

Далее Ольга относилась ко мне с подчеркнутым презрением. Я вызвал Рублевское такси и уехал, ни с кем не прощаясь...

Казань – Цивильск.

Елена Зайцева

О РОМАНЕ БУЛАТА БЕЗГОДОВА «ВЛЮБЛЁННЫЕ В БОГА»^{*}

Автор/герой обещает спасти мир – двумя заветными словами в конце романа. Именно в конце, тем, кто дочитал. Я не буду озвучивать этих заветов, скажу только, что ничего авангардного, недалеко они ушли от «будь хорошим» и «поступай правильно».

Самому же герою – для того, чтобы только выжить, – то и дело приходится быть не таким уж хорошим. Он бьёт (но это самозащита), врёт (но это необходимость), воруёт (но не умирать же с голоду), мошенничает (но только в отношении мошенников), а на досуге занимается расчётами, как же ему и впредь достойно самозащищаться и не умереть с голоду в мире необходимости... Да, ещё он молится. Перед решающим объяснением с нечистым на руку шефом, например. Или обещаая (Богу) до десятого мая «завязать», поясняя (Богу): я ведь и не развлекался никак, я бандит, но аскет!

А время от времени с автором приключается что-то совсем уж странное. Он словно бы замирает на месте (на любом месте – в кабаке, в машине, в поезде) и, как по затверженному: *Бог никогда не наказывает – никогда... – Высшая Справедливость была, есть и будет... – Каждый человек жить должен истинно, как Бог и Творец... – Ибо совесть, это и есть термометр души. Ибо совесть, это единственный компас...*

На попытки уточнить, что же это за «приступы» такие (сектанство? богословие?): элементарная логика!

Оставим, пожалуй, эту «логику», благо что её и в тексте можно безболезненно пропускать. Благо для романа – иначе бы она его просто утопила. А так он только «расслаивается»: на собственно роман и эту «логику». И собственно роман – получился.

У автора счастливый дар говорить интересно о чём угодно, и дело, во многом, в его «пришельческом» взгляде – не в проповеди такого взгляда (каждый раз ты здесь недолго, и это отнюдь не курорт, и т.д., и прочие «кармизмы-сансаризмы»), а в том, что он действительно так видит. Резкость это даёт такую, что глазам

^{*} С разрешения автора романа редакция познакомила критика Елену Зайцеву с полным текстом, поэтому в своей аргументации и при цитировании автор статьи выходит за пределы опубликованных в журнале отрывков.

больно, – и в то же время это широкоформатное изображение, не приведённое ни к какой «специфике». Девять из десяти авторов ушли бы в этот «бандитизм» и получили бы какую-нибудь «Казань пацанскую». Но роман не криминальный, не ещё какой-нибудь «-ный» – даже не авантюрный, хотя и авантюра в нём хватает. Этот мир нашему герою настолько чужой, что дома, и те «в кубическом обмороке». Вязнуть в этом всём он не просто не хочет – он БОИТСЯ. Но боится «робинзонно». Изучает любую дверь-занавеску-вешалку, любую лестницу этого *нехурорта*. И людей, конечно...

Люди вокруг меня были быстрыми, много говорили, много шевелились. От каждого я получал гору информации. И с каждым меня смущало и то, что мне говорили, и то, чего не договаривали. То есть я слышал одно, а чувствовал другое, чего мне не сказали. Я замечал, когда мне врал, сначала я говорил об этом лжецам напрямик, лжецы легко убеждали меня в обратном – я не мог устоять, казалось постыдным не верить таким честным глазам, – со временем вдруг правда всплывала, и я говорил: «Ну как же! Помните? Вы всё-таки тогда соврали», – но в лучшем случае от меня небрежно отмахивались, а в худшем били или с усердием принимались заверять и убеждать в ошибочности моих суждений. И если меня заверяли, я снова верил. Потому что заверения всегда звучат чистосердечно...

Наш герой, сколько ни били, так и не попрощался со своей святой уверенностью, что каждому можно объяснить-показать-доказать; что каждый – «людь» и все – «люди». Понятно, что «никогда ещё не сбывались мои чаяния», – они и не могли сбыться. Ну не нужны твои чаяния ни девочке Оле (ей папа, если надо, звездолёт купит, ясно?!), ни полоумной соседке, ни дядечке в вагоне-ресторане. Казалось бы, чего проще: не надо лезть со светлыми истинами к тому, кто пришёл за борщом. И не потому, что он на стороне тёмных сил. Он на своей стороне. Он скорее всего (пусть простит Господи или уж не обижается Эволюция) просто дурень и на своей, дурацкой стороне. Как результат это предельно просто, какие бы сложности этому ни предшествовали (а я думаю, что они предшествовали, и не всегда он был дураком, и не должен был им стать, но всё это другой и долгий разговор). Это как в чьём-то резюме: ищу умных людей, но вряд ли это Вы. Вот этого «вряд ли» (по-другому оно здоровым смыслом называется) и не хватает нашему корректирующему филантропу.

Но роману такая нехватка на пользу. Она его основа, «точка экстраверсии», интрига, несчастная любовь. Несчастливая любовь к человечеству – это, согласитесь, красивый роман. Жаль только, повторю, что он перебивается этой зомби-речитативной «логикой». В хорошем тексте больше Бога, чем в плохой проповеди. Глупо их перемешивать, ни то ни другое не в выигрыше, благая цель, разумеется, тоже.

Владивосток.

Мила Божович

Что я могу сказать о себе: пишу, в том числе о смерти. Ведь смерть – это не то, что за пределами жизни, она не существует отдельно. Хочется о ней не думать. Не думать невозможно.

МЫ СЛЫШИМ

* * *

Стоит сосед, ещё живой,
с улыбкою глядит.
На что – не видно из окна:
улыбка странная видна.

И мысль мне странная пришла:
стоит сосед, ещё живой.

И хоть о каждом можно так сказать,
нелепо думать это всякий раз,
когда живого видишь человека.

Мы и не думаем так всякий раз.

* * *

– Не хочу шарик!
Он лопнет! лопнет!

Поплачь, малыш, –
уже бессильней, тише.
Как лопнет шарик –
сгинет наша жизнь:
моя, твоя...
Красиво как
по нам
звонят колокола.
Мы слышим.

* * *

Тенями за ней в больнице
неизвестность, страх.
И истаивает личико
на глазах.

И учусь смотреть я прямо,
глаз не отводя,
и прощаюсь с ней на равных,
выходя.

* * *

Пускали мыльные пузыри...
И они колебались, клубились, росли,
а после лопнули всё равно.
Нет, не надо – подумалось – счастья,
только немного участия,
откуда бы ни пришло.
Но счастье было уже внутри.

* * *

А когда придёт черёд уходить,
ты получишь знак.
И никто не узнает, когда и как.
Белым голубем обернувшись в пути
и цепляясь лапками за карниз,
ты ещё захочешь к окну подойти...
Но в кромешном свете что разглядишь?

* * *

Не ищи замены и забвения
тяжести сегодняшней своей.
Лишь на час придет успокоение,
но зато потом – вдвойне больней.

Не ищи, за что бы ухватиться, –
всё кругом пропало, воздух пуст,
и земля бессмысленно кружится
всё быстрее и быстрее... пусть.

Может, в миг предельного отчаянья
огоньки далекие планет
хоть чуть-чуть, а приоткроют тайное,
и невыразимый хлынет свет.

* * *

Уходит единственный миг
(а кажется, их будет много).

Уходит единственный миг,
стремительно – не удержать.

Уходит единственный миг...
И ты, как дитя-несмышлёныш,
уже невнимательно смотришь,
игрушками занят в углу.

* * *

Если даже и каждый оставит свои стихи,
если будет поэтов, как и деревьев, много,
неужели от этого станет кому-то плохо?

Впрок осенние тёплые дни безмятежно тихи...
Подбивает память опять подводить итоги
и ведёт и заводит, куда не доставят ноги.

Мне навстречу прохожие – листья в обе руки.
Отпустили деревья на ветер свои стихи,
и струится в воздухе золото высшей пробы.

* * *

Сквозь буквы, чёрные, как угольки,
огня ещё я чувствую дыханье,
и он, угаснувший, в о с п л а м е н я е т.
На расстоянии моей руки,
что бережно чужой дневник листает,
раскрылось сердце, и его страданию
нельзя не сострадать. Скажи, зачем
мы боль передаём как эстафету
от сердца к сердцу, чтобы не погасла,
чтоб не исчезнуть в мире ей совсем.

Брянск.

Сергей Казнов

Сергей Анатольевич Казнов родился в 1978 году в г. Саранске. Учился на филологическом факультете Мордовского Государственного университета (1995–1996), в Литературном институте им. А.М. Горького. Публиковался на родине в периодических изданиях и альманахах («Странник», «Звездный ковчег», «Известия Мордовии», «Вечерний Саранск» и др.), вёл в Саранске поэтические семинары, участвовал в литстудии «Феникс» при духовном училище.

Умер в 2005 году. После смерти вышла книга его стихов «Остров, полный звуков».

Способ бытия

* * *

Русские медведи любят напиваться.
В душу их, соседи, лучше не соваться.
Глухомань вселенной, не видать с холма.
Снега по колено, вечная зима.

Вот приходит русский с व्यюжного базара –
водку без закуски пьёт из самовара.
Сам в лаптях, в тулупе, борода до полу, –
нам-то здесь, в Тулузе, это по приколу!

После щи хлебает деревянной ложкой,
спину разгибает – и пошёл с гармошкой!
Будет он до гроба – как не удивляться! –
в глубине сугроба по ночам валяться.

По утрам – похмелье. Ни добра, ни злата.
Дети подземелья! Звери, азиаты!
Говорят – им гадко. Денег ни шиша.
Чем живут – загадка. Русская душа!

Так у них на улицах говорят про русских.
Я сижу ссутулившись. Муторно и грустно.
...Завивала волосы с печкой визави,
пела звонким голосом о своей любви,

кликала по имени ласково меня,
вечерами зимними греясь у огня,
чай на печку ставила ночью в холода,
а потом оставила раз и навсегда.

Каменными шторами занавешен рай.
Мы делили поровну сон и каравай,
и она любила кружево плести,
и от счастья было рук не развести.

Кто-то любит танцы. Кто-то – голос Музы.
Плохо мне, испанцы, гадко мне, французы!
Надо жить на свете, мыться, обуваться...
Русские медведи любят напиваться.

ПОЛУСТАНОК

Ты, немилая и неродная,
Ты теперь не услышишь, я знаю,
и лица не закроешь рукой.
Эту повесть не спрячешь за пояс.
Я-то помню, как вёз меня поезд
от тебя по дороге к другой.

Я бежал от тебя не по злобе.
Но меня вы любили обе,
и гудело всю ночь в трубе,
и дорогу дождем линовало,
потому что ты к ней ревновала,
а она ревновала к тебе.

Дева-счастье и дева-несчастье,
вы меня разрывали на части,
и нельзя было без вранья.
От любви до любви уезжая,
я-то знал – ты уже мне чужая,
а другая ещё не своя.

Так бывает, и чаще, чем нужно:
в проводах завывает натужно,
полустанок, размытый перрон, –
и стоишь между старью и новью,
с двух сторон защищённый любовью
и открытый с обеих сторон.

* * *

Спал, положивши руку тебе на грудь.
И пока эта ягодка тыкалась мне в ладонь –
медленно, тихо комната тронулась в путь,
словно купейный полупустой вагон.

И поплыла – скорее всего, туда,
где обрывается лето и гаснет свет,
где уже не ходят, видимо, поезда,
в город на речке, которого, в сущности, нет.

В комнате было душно, а там, в окне,
пестрые листья качались под фонарём.
Так ты во сне прижималась тесней ко мне.
Так в эту ночь я не верил, что мы умрём!

Мы не умрём. Дорога моей души,
рельсовый путь волнений, нелепых ссор!
Сердце моё – наполненный всклень кувшин –
не расплескает качка твоих рессор.

Мы за пределом полуночной полосы.
Кончилась летняя ночь, настаёт рассвет.
Громко стучат прожорливые часы,
и мы с тобой умираем, а смерти нет.

* * *

Если некуда идти,
если, как назло,
кем-то заняты пути,
если тяжело

в колесе твоём кружить,
в салочки играть,
если мне противно жить,
страшно умирать, –

сладко думать мне тогда,
что в цепи годов
существуют города
вместо городов.

Вместо листьев, облаков,
следствий и причин,
вместо умных, дураков,
женщин и мужчин,

вместо радости земной,
правды и вранья
есть какой-нибудь иной
способ бытия.

Роман Бутов

Родился в 1971 году в Воронеже. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Преподаватель русского языка и культуры речи. Печатался в коллективных сборниках, журнале «Подъём», газете «Воронежский университет».

Из России в Россию

* * *

О. С.

Пора забыть... Пора, мой друг, пора!
Жизнь без тебя заведомо длиннее,
чем жизнь с тобой. Но что мне делать с нею?
Что делать с ней – особенно с утра?

В календаре нет больше новых дней –
ноябрь теперь не отличить от марта.
А я во власти нового азарта
пытаюсь что-то говорить о ней.

О чём? О чём? Когда ни слов уже,
ни черт лица не вспомнить без подсказки
со стороны вещей, не без опаски
смотрящихся в своё же отраже-

нье, то есть в нас, стремящихся занять
их место и – во что бы то ни стало –
белеть, чернеть, когда уже не стало
ни следствий, ни причин, чтоб их понять.

* * *

Уже давно пора забыть понятия:
Добро и зло.
Г. Иванов

Жизнь вне добра и зла
принимает очертанья улицы
(оканчивающейся тупиком)

с продуктовым магазином
на одной из её сторон
и бывшим заводским корпусом,
переделанным под склад, – на другой.

Жизнь вне добра и зла
не требует чрезмерных усилий
и доказательств лояльности,
но незаметно, исподволь
окружает невидимой сетью,
как бы говоря: «Вот видишь,
другая жизнь невозможна, её просто нет».

Жизнь вне добра и зла
не предполагает мыслей
ни о ком, кроме своей семьи.
И поэтому жизнь в большом городе
среди огромной толпы
прекрасна своей свободой,
то есть своим одиночеством.

Жизнь вне добра и зла
не зовёт никого в бой,
она наполнена мирными радостями,
где каждый сам себе обвинитель и адвокат.
Поэтому она не выносит приговоров,
предпочитая лишь роль свидетеля
со стороны времени.

Жизнь вне добра и зла
не любит давать советов,
зато всегда готова принять любого
в безграничные утешающие объятия
со своим пошловатым юмором
и иронией – на самом деле
безразличной к добру или злу.

ИЗ РОССИИ В РОССИЮ

Да, конечно, можно забыть
и уже не помнить
продуктовые поезда из Москвы,
отсутствие туалетной бумаги,
бананы по большим праздникам
и мандарины на Новый год,
вездесущие лозунги
о грядущей победе коммунистического труда
и портреты Владимира Ильича Ленина,
а также бесплатное образование и медицину...

Да, конечно, можно закрыть глаза
и уже не видеть
казино и игорные клубы,
летающие иномарки,
разваливающиеся на ходу иностранные автобусы,
вездесущую рекламу, обещающую красивую жизнь,
полки супермаркетов, ломящиеся от снеди,
и старушку, считающую –
хватит ли у неё на сто граммов
генномодифицированной колбасы...

* * *

И этот город – всем чужой,
с его чертой – почти межой –

оседлости, за коей дом
родной – Россия (в горле ком):

асфальт разбит, сплошной разлив
извечных луж, объединив

и Дон, и Волгу сгоряча...
Сюда уж с картой москвича

не сунешься: иной тариф,
и пахнет чем-то, что в разлив

идёт, поштучно, на развес,
и вновь свирепствует ликбез –

как выжить вне добра и зла,
где зеркалам лишь зеркала

мерещатся из года в год,
и непонятно – что грядёт...

Воронеж.

Вадим Куняев

О себе: родился в г. Пскове в 1972 году, с 1989-го живу в Санкт-Петербурге. Закончил ЛИТМО, работал инженером, научным сотрудником в академическом институте (ИАНП РАН). В настоящее время – морской сюрвейер.

Когда ещё?..

* * *

С балкона я плевал на козырёк,
 Бросал окурки и ругался матом...
 Потом лежал в прихожей, поперёк,
 Давясь непереваренным салатом,
 И хохотал в трясущийся овал
 С испуганными синими глазами,
 И голос, что над ухом причитал,
 С небесными сливался голосами.
 Когда ещё мне было так легко?
 Меня несли и даже вроде били...
 Но там, в своём уютном далеко,
 Я был свободен от насущной гнили,
 И в голове, пустой, как барабан,
 Не бушевал теперь привычный молот...
 Когда ещё я был так славно пьян?
 Когда ещё я был так дивно молод?

ПРО ЛЮБОВЬ

Стихотворение написать легче лёгкого:
 Образы над головою кружатся – знай лови.
 Погляди на этот прекрасный мир тысячеоково:
 Чего только в нем нет... Окромя любви.
 Ой-ё-ёй! – взовьются возмущённые барышни.
 А как же кинофильм «Титаник» и миллион алых роз?
 А как же Ромео, Руслан, Лоэнгрин и прочие товарищи,
 Которых маленькая тележка и целый воз?
 Они ли не доказали превосходство любви над бытом?
 Они ли не полегли костыми в доказательство?

Это ж ведь надо быть полным дураком набитым,
Отрицая мировое любовное обстоятельство.
Барышни, милые! Поймите, бесконечная любовь – клоунада...
Красное словцо, хлопушки, серпантин, конфетти.
О такой любви написать – много ума не надо.
Он и она – как хочешь, так и крути...
Если же рассуждать строго реалистически,
Если заглушить биение сердца рёвом разума,
Становится очевидно, что влюбляться каталептически –
Не просто вредно, а категорически противопоказано.
Стихотворение – вот простейшая отдушину
Для того, кто дымит папиросой в сияние лунное.
Нет любви, зато есть приятная тяжесть хорошего ужина
И кружение образов над головою чугунною.

12-Я ЛИНИЯ

Через дорогу вялится плотва
В окне среди облезлого фасада.
Внизу сидит, уже полумертва,
Несдержанная няня из детсада.

И тонкий луч дырявит витражи,
И перспективу делит запятая,
И по газону ползают бомжи,
Свои дела какие-то решаю.

А мимо куролесят облака,
Цепляясь за корявые антенны,
И запах городского шашлыка
Струится сквозь велюровые стены.

* * *

О, эти капли, падавшие мимо!
Костюмы, маски, птичье молоко,
Всё было так определённо, зримо,
Всё было так прозрачно и легко.

Сияние восторженного взгляда,
Покальваньё в девственном боку,
Вино, хлопушки, танцы до упада,
Шашлык и кильки в собственном соку.

А песни, что взлетали в поднебесье,
Роились там и падали, устав.
О, это были неземные песни!
Хоть был певец безумен и картав.

Земля дрожала, горы шли на горы.
Истерика! Веселье без границ!
Все – Магелланы, все – конкистадоры,
Друзья психиатрических больниц...

И вот, когда Жизель сломала ногу,
Споткнувшись о пенёк под Воркутой,
Я начал понимать: ещё немного,
И это всё окончится бедой.

О, эти капли!
Музыка распада.
Бессонницы непреходящий бред,
В полночной мгле осколки маскарада
И на столе засохший винегрет...

КАРТИНА МАСЛОМ

Пронзённые неоновым лучом,
Испуганно молчат кариатиды,
Молчит атлант, разбит параличом,
Безмолвствуют наяды и сильфиды...

И только тонкий комариный писк
Спускается к подножию колонны,
И я, стихами упоённый вдрызг,
Валяюсь на ступеньках пантеона.

* * *

В бесконечных лабиринтах большого города
Всегда найдётся пара-тройка сюжетов.
Вон, Фёдор Михайлович усмехается в бороду,
Вон, вешают на фонарях художников и поэтов.
Тот, кто рассыпает по подворотням отраву,
Думает не о людях, а о собаках...
Стрелка – налево, Кировский мост – направо,
Прямо – ангел в последней стадии рака.
Можно написать о Бродском или о Невском кашле,
Взгляд всё равно упрется в глухую стену.
Можно грустить о жизни, завтрашней или вчерашней,
Город прочистит нос, сплюнет и перепишет сцену.
А когда проснёшься под выстрел полуденной пушки,
Выпьешь свои сто грамм корюшкового жира,
Откуда-то сбоку услышишь – это Пушкин
Обозначил город на карте мира.

Андрей Битов

«Только что вернулся из Петербурга с четырёхдневных битовских чтений. Вернулся потрясённый и преображённый. Битов-то мой, оказывается, совсем мной не прочитан!..» Это восклицание в письме к В.Я. Курбатову полуторагодовой давности* вышло у меня под сильнейшим впечатлением от пронзительных спектаклей, поставленных молодыми петербуржцами к юбилею Андрея Георгиевича по его ранним рассказам. Писатель заново возвращался через десятилетия из своей юности, но чувство было такое, что уже тогда он и о нынешних днях знал больше, чем мы знаем сейчас.

Бывают «непрочитанные» книги, поэты, прозаики – даже если их имена у всех на слуху. Андрей Битов вот уже полвека находится в центре внимания самой вдумчивой и требовательной читательской аудитории, но всякий раз, когда я беру его книги, меня не оставляет чувство, что он не прочитан, что самое важное у меня, например, с этим автором ещё впереди. Интересно, что и у Битова есть ощущение собственной «непрочитанности». Это счастливая писательская судьба, открывающая далёкую перспективу живой жизни. Счастливая, видимо, обособно. Но она требует от читателя соучастия и сотрудничества, по выражению Андрея Платонова – «ищущей тоски».

Ниже публикуется автокомментарий Андрея Битова к четвёртой, завершающей книге его «Империи в четырёх измерениях», которая скоро выйдет в издательстве «Амфора» (три тома «измерения» уже изданы: «Аптекарский остров», «Пушкинский дом», «Путешествие из России», четвёртый носит название «Оглашенные», а всего предполагается выпустить десять томов сочинений).

И ещё – сегодняшние автографы писателя, наброски ночных мыслей, которые много скажут ищущему и тоскующему взору.

С. Яковлев.

Четвёртое измерение

Оглашенные (роман-странствие)

Первая фраза: «Мы живем на дне воздушного океана» – оказалась написанной в Крыму в 1971 году. Последняя – «Он сказал или я подумал» – в Берлине в 1993-м.

Двадцать два года я **не** писал этот роман. Я безнадежно отстал от собственного замысла, а всё равно опередил время. Иногда мне кажется, что он и до сих пор не столько устарел, сколько не прочитан.

Птицы, или Новые сведения о человеке

Закончены как повесть, как очередное путешествие летом 1975-го на той же Косе, которая в них описана.

Опубликованы чудом в книге «Дни человека» в 1976 году в издательстве «Молодая гвардия» самоотверженными усилиями моего редактора С.В. Шевелева.

* Письмо не вошло в опубликованную в этом номере журнала подборку. – *Ред.*

«Чудо» состояло в том, что главная редактор издательства требовала, чтобы всё было опубликовано предварительно в журналах. Пока суд да дело, всё и оказалось (тоже чудом) опубликованным, но – кроме «Птиц». Я отговаривался, что «Птицы» рассматриваются то в том, то в ином журнале, но никто и не думал их выпускать... как вдруг, со второго захода, «Аврора» решилась на выстрел. Подсократив, снабдив предисловием биолога и послесловием философа. «Птицы» пролетели сквозь обком и цензуру, главный редактор журнала Владимир Торопыгин, со вздохом облегчения, подписал номер и отправился в отпуск, я заверил «Молодую гвардию», что «Птицы» успеют выйти в журнале одновременно с выходом книги, все расслабились. Не тут-то было!

Внезапно ленинградский обком снова затребовал вёрстку журнала и решительно запретил «Птиц» за идеализм.

Торопыгину пришлось срочно вернуться из отпуска, срочно затыкать дыру в журнале не глядя, тем, что попало в портфеле, я скрылся в неизвестном направлении.

Хорошо, что между Питером и Москвой 650 километров! Таково же расстояние от Обкома до Кремля.

Весна (она же оттепель) движется с юга на север со скоростью 50 км/сутки. Так что неделя у меня всегда в запасе. О, если бы книга была подписана в печать раньше, чем *главная* узнает, что «Птиц» запретили в «Авроре»...

И она оказалась подписана! «Знаете, – сказала мне *главная*, – не понимаю, в чем тут дело. Ничего вроде бы такого, но каждое ваше слово вызывает у меня протест». Я кивнул. До сих пор горжусь этим комплиментом.

Тем временем подорвалась на этой мине сама «Аврора». Среди материалов, срочно поставленных в номер взамен «Птиц», оказалось стихотворение Нины Королёвой, косвенно оплакивающее гибель царской семьи, и рассказ Виктора Голявкина, тем же обкомом истолкованный как издевательство над юбилеем Брежнева (хотя написан рассказ был лет за двадцать до юбилея). Торопыгин (судьба в фамилии) потерял кресло и не пережил стресса – скоротечный рак. Он был милейший, добрейший и дворянский человек, мы с ним выпивали, я скорблю, но, чувствуя долю вины, не могу обвинить себя в его преждевременной гибели: будь опубликованы «Птицы», его бы лишь пожурили, но не сняли. И мы бы с ним выпили за победу над.

А теперь... мне следовало с трепетом ждать, когда сомкнётся информация и что дальше будет с книгой.

Сор из избы выносили дольше чем неделю, и в тот миг, когда я держал сигнальный экземпляр «Дней человека» в руках, главная редактор гневалась на меня, что я вовремя не уведомил её о событиях в «Авроре». Но, как говорят, «поезд ушёл», дистанция городов сработала, и я мог с невинным видом утверждать, что обо всём этом впервые от неё слышу.

Человек в пейзаже – задуман ни с того ни с сего в Москве, но написан в одну ночь в селе Тамыш в Абхазии в 1983 году, где я готовился писать «Ожидание обезьян», да так и не сподобился. «Человек» был легко опубликован как повесть в «Новом мире» № 3 за 1987 год – гласность! С.П. Залыгин, подписывая повесть в номер, оставил свой вздох на клочке оберточной бумаги:

«У классиков не требовалось так много пить, чтобы выразить умные мысли».

Ожидание обезьян – родилось с названия, от которого я уже не мог отказаться: **Оо** – два **О** – кто кого ждет?

«Птицы» как-то сами собой прильнули к «Человеку» как своего рода сократические диалоги. Путешествие перерождилось в повесть, повесть перерождилась в роман... Склонность к трехчастной структуре привела меня к поискам третьего собеседника. С биологом и художником я уже поговорил... с кем ещё? Приматолог был бы слишком близок к биологу, хотя действие и должно было происходить на пути в обезьяний заповедник в заповеданном нам 1984-м... Историк? – нехотелось рыхлить столь сомнительное поле. Померещился было музыкант – но он тоже художник. Физик, математик? – некий специалист по взрывам, по катастрофам, по теории хаоса... но я слишком мало знал, чтобы его выдумать, а изучать источники не имею склонности. Третьего не было, а без него не могло быть и третьей части. А я так хотел предсказать 1984-й!

Опоздал. История проехала поверх замысла. Перестройка, гласность, заграница. Всё можно – поговорить не с кем. Собеседника не стало. Пришлось заговорить с самим собой – не свободное, единственное решение: Я и ОН в одном или двух лицах. Это было мне не чуждо: еще в 1959 году я начинал свой первый роман под названием «Он – это я». Опоздав на 12 лет, лишившись прозрений, я был вынужден дописывать «Обезьян» задним числом в другой реальности, в Германии, правда, хотя бы в Год Обезьяны – 1992. В немецкой газете я увидел карту родины с заштрихованной Украиной. Будто она была наконец завоёвана. Если Украины нет, значит, и Союза нет. Империя пала. Точка. Точка боли. Роман «Оглашенные» состоялся раньше, чем был написан.

Но я был связан договором с немецким издательством, и пришлось нагонять историю.

«Ожидание обезьян» было опубликовано в «Новом мире» № 10 за 1993 год и было снабжено сноской, намекающей на то, что это третья часть и завершение романа. Публикация вызвала кислую реакцию критики. Я был выброшен на берег из «мейнстрима». Я мог гордиться списком номинаторов, не сговариваясь выдвинувших «Обезьян» на «русского Букера»: А. Арьев, С. Бочаров, Вяч. Вс. Иванов, Вольф Шмид... но не попал даже в «шорт-лист».

Букер, мейнстрим, шорт-лист... время лопотало на воляюшке. Рынок одичал, и издательства не рвались меня более печатать. Так и вышло, что сначала «Оглашенные» появились в переводах. Правда, название не удавалось перевести в русском смысле слова: по-немецки это оказался «Человек в пейзаже», по-французски – «Ожидание обезьян», на голландском – «Два человека», по-английски ничего не получалось, пока моя переводчица Сюзан Браунсбергер не изобрела своё – “The Monkey Link”, в свою очередь непереводаемое на русский. «Обезьянья связка»... это автомобильный термин: запасное звено для скрепления порванной цепи (что надевались в былые времена на колеса при гололёде).

25.3.09 22.15M

Наши... Битая генерка или рубльчик?
 Молодые наши биты незрелы. ^{Восрождён или кисточка}
 (Пресловутая пушкинская
 но нездоровая американка и русом
 Но русские подариле, у них было
 Средневековье (Радишевбах)
 Однако сбор (сервийн князеван)
 Сбор подобрали, до уровня "новых"
 и сбор распалился, замучены,
сбор ^{поздравительный} ^{русские} ^{перерван}
сбор ^{русские} ^{перерван}
 наши (иск. яз) ^{Никому в}
 зря взгляд - одно бесчестие.
 Но зато какой голодный, ждущий
взгляд ва ещине выродило
 человека! Человек - вот ценность,
 вот поле сражения в России,
 Будто он такой может всё там
 Гибь, возникну. Возникну
 возникновения - вот, что хранит,
 все пафос (никого не передрев)
 а только сеть резорда) Россия.
 Радий человек - воспитан велик,
 п.з. возвращает к свету и свету.
 Он уже не станет человеком, но
 имеет поблизости человек от этом.

Некому в глаза взглянуть - одно бесчестие.
 Но зато какой голодный, ждущий взгляд всё
 ещё не вырожденного человека! **Человек** - вот
 ценность, вот поле сражения в России! Будто
 он такой может всё-таки быть, **возникнуть**.

Любопытно, что этому устаревшему сленгу пришло на смену выражение Russian make (сделано по-русски), означающее примитивное, но остроумное приспособление (лестно!).

Зато обозначение жанра придумал я сам – Pilgrimage Novel, и это оказалось вдруг очень по-английски, поскольку восходило к XVII веку. Так что русский подзаголовок «Роман-странствие» оказался переводом с моего английского.

Русские издатели по-прежнему не телились, и пришлось идти своим путём: издавать книги, как я хочу, а не как они (все те же *они!*) хотят. Мой проект тут же поддержали: сначала Галина Гусева в Москве, потом Иван Лимбах в Петербурге. «Оглашенные» наконец вышли отдельными изданиями в моём собственном дизайне.

«Империя в четырёх измерениях» сложилась исподволь, без умысла, впервые на английском языке. Каким образом, каким нерусским чутьём все четыре измерения вышли именно в такой последовательности в США, мне и до сих пор непонятно. Но поставив эти четыре тома, в последовательности их выхода, на полку, я увидел наконец единство и целостность своей «Империи». Осталось издать её на родине.

Издательство «Фолио» в Харькове взялось за это на тех же гуманистических основаниях: хороший проект, хороший редактор... но что-то сломалось между ним и директором, продавшимся концерну АСТ. В результате редактора «ушли», меня ограбили, все четыре измерения были выпущены безобразно, на отвратительной бумаге, выражаясь сталинским языком – «вредительски», но что стало для меня наиболее обидным, никто и не воспринял мою «Империю» как единство, как большую книгу: все называли её то четырёхтомником, то ещё оскорбительнее – «собранием сочинений». Раздражение это подвигло меня на издание «Империи» в сталинском (красное с золотом) одном томе, что и было осуществлено издательством «Фортуна ЭЛ» к моему 65-летию.

Таким образом, написание и издание «Империи», вместе с Империей, ушла почти вся моя жизнь:

1960 – 2002.

Надеюсь, что в третий раз, в этом издании, открывая уже десяти томное собрание сочинений, «Империя в четырёх измерениях» займёт подобающее ей первое место.

Москва.

Ольга Садкова

...Окончила на дому школу-восьмилетку. Можно сказать, выросла в детском психоневрологическом санатории. Прежде чем поставить больного ребенка на тросточки или костыли, его учат правильно падать. «Падайте вперед на расставленные перед собой руки, – говорили нам, – не валитесь назад, иначе набьете на затылке шишки. Нос можно разбить в кровь, если валиться на пол безвольным мешком, а руки всё вытерпят»...

ЧЕРЕПАХА

Из записок никчёмного человека

Я медлительна как черепаха. Медленно одеваюсь, медленно заправляю кровать, медленно умываюсь. Мне было уже шестнадцать лет, когда я попробовала самостоятельно почистить зубы, попробовала, и у меня получилось. Конечно, первое время я выдавливала из тюбика больше пасты, чем мне требовалось, но прошла неделя, и я приловчилась к своему высокому мышечному тону и даже научилась им управлять. Я научилась закрывать тюбик, надевая и закручивая очень маленькую пробочку. Эту пробочку я уже не роняю в раковину и не боюсь, что её смоем водой. Я понимаю, что в моём возрасте очень глупо гордиться самостоятельным умыванием, но так приятно хоть что-то делать самой, хоть на капельку почувствовать себя свободной, не зависимой от других. Мне кажется, что таким образом я приручаю жизнь, втискиваю, вталкиваю себя в её процесс. «Вот видишь, – говорю я себе, – ты тоже живёшь». Так же я приручаю вещи и начинаю их любить. Я подметаю пол, мою посуду, теряя веру в себя после каждой разбитой чашки. Ползаю по кухне, будто занимаюсь очень важным делом, и мой завтрак, когда родителей нет дома, затягивается до трёх часов дня. Иногда мне не хватает времени сесть на диван и почитать книгу.

Время от меня постоянно куда-то убегает. Больше всего я не люблю смотреть на часы, которые висят на кухне. Они тикают о том, что вся моя жизнь проходит напрасно, и в этой напрасной жизни я совершенно одинока. Что поделаешь? Человек остановится, как те кухонные часы, если окажется рядом со мной. Родители в свободную минуту садятся перебраться в «дурака», а меня в игру не берут. Говорят, что я слишком долго возжусь с картами. Мой единственный собеседник – радио. Оно болтает с утра до вечера, пока не вернутся с работы родители, и мне кажется, что я в квартире всё-таки не одна.

Лет пять назад я закончила восьмилетку на дому. Ко мне приходили учителя из обычной школы. В этой школе учились соседские ребяташки и мой младший

брат, а я просто числилась. Читала школьные учебники, учителя ставили мне за это «четверки» – вот и всё обучение. Конечно, трудно заниматься с ребенком-инвалидом. Я очень плохо разговариваю, пишу как курица лапой, так что ни письменного, ни устного ответа от меня не дождёшься.

Как море выплёскивает на песчаный берег пустые ракушки, так и меня выплеснули из мира людей. Красивое я привела сравнение, хотя море я видела только по телевизору, как лес, поле и инопланетян, которых никогда и не было на самом деле.

Мне хорошо запомнилось одно учительское посещение, это было в пятом классе. Начался новый учебный год. Мама, как обычно, отнесла в школу медицинскую справку, которая в сотый раз подтверждала, что я нуждаюсь в надомном обучении. Ко мне долго никто не приходил. Я читала учебники, что-то царапала в тетрадях и замирала при каждом стуке в дверь – вдруг это мои учителя. Так я просидела сентябрь, октябрь, уж подходила к концу первая учебная четверть.

В пятницу вечером мы собирались ехать к бабушке, маминой маме. Мама доставала из шифоньера мои теплые вещи, шапку, кофту, гамаши, а я сидела после ужина за столом и смотрела по телевизору фильм-сказку «Золотой ключик». В дверь постучали, и в комнату вошли мои долгожданные. «Может быть, она хочет посмотреть сказку?» – услышала я голос учительницы русского языка и литературы.

У меня сильно забило сердце. Было радостно и страшно. Я боялась сделать что-нибудь не так, например, поперхнуться слюной и закашляться. С колен упала салфетка. Учительница по математике прошла мимо моего стула и подняла её. Математичка наклонилась низко-низко, и я увидела её макушку. Волосы в мелкой химической завивке жёлто-белые, а корни чёрные, – это показалось мне странным. Она была невысокой, полной, с пухлым чуть вздернутым носиком и маленькими серыми глазками.

Учителя сели за стол и начали проверять мои тетрадки. Учительница русского языка и литературы заметила, что я очень бледная, и спросила: «Ты не болела?» Я отрицательно покачала головой. Чтобы не отстать от своей коллеги и поддержать начатый разговор, математичка тоже заинтересовалась моим здоровьем и с участливым видом спросила у мамы: «Ну, как она себя чувствует?» Словом, они были так добры ко мне, так внимательны, что мне и вправду захотелось лечь в постель с гриппом или ангиной. Ох как разыгралось моё воображение! Да, дети любят, когда их жалеют. Какой же я была наивной дурочкой! Я очень любила своих учителей, боготворила их, тянулась к ним, а они только и думали о том, как бы повежливее от меня отделаться.

Учительница русского языка и литературы, в отличие от математички, была стройной и высокой. К чёрным густым бровям спадали крупные тёмно-каштановые завитушки. Из-за этих бровей она казалась мне грузинкой. В лице моей доброй учительницы было что-то птичье. При разговоре она вытягивала губы клювиком и сюсюкала со мною, как с маленькой. «Я иду на улицу, а он нет. Я учу уроки, чтобы много знать», – это она объясняла мне, перед какими союзами нужно ставить запятую, записывая их красными чернилами в мою тетрадь.

Это было единственное её объяснение. За время её преподавания я забыла о существительном и прилагательном, о сказуемом и подлежащем – обо всём, чему меня учили в начальных классах. Я просто списывала с учебника упражнения, расставляя недостающие буквы и запятые и делая при этом много ошибок, но

учительница плохо разбиралась в моём почерке и была ко мне весьма снисходительна.

Нет ничего хуже, когда учитель, по жалости ли, по незнанию, сравнивает твои умственные способности с физическими недостатками. В таком случае начинаешь чувствовать себя животным. Учителя почти ничего не спрашивают с больного ребенка, стараются облегчить ему любое школьное задание. То он не сможет, это у него не получится – и в результате физические недостатки разрастаются до такого размера, что ребёнку становится невозможно с ними жить. Собственно, самого ребёнка уже не существует – существуют только его больные руки, ноги. Глядя на это бездушное и бездумное существо, можно выдавить из себя слезу сострадания и подать милостыню, чтобы откупиться лишней монеткой от подобного несчастья. Лишнюю-то монетку не жалко. Откупиться и тихо порадоваться, мол, слава Богу, что и меня, и моих детей чаша сия миновала. Да, людская жалость – дама самодовольная.

Эта учительница вела у меня все предметы кроме математики. После русского языка она взяла в руки учебник физической географии и сказала: «Я недавно сидела на этом уроке как классный руководитель. Ребята очень много писали, делали чертежи, но тебе с этим не справиться, так что просто почитай». Конечно, здоровые дети лучше, умнее меня. Я уже не хотела читать учебники, вникать в суть того, что написано в параграфах, – всё равно ничего не пойму. Да и понимать мне не положено. Я как будто боялась нарушить учительское табу, боялась, что над моим рвением к учёбе будут если уж не смеяться, то снисходительно улыбаться. Вот ведь какими глупостями была занята моя голова!

Когда учительница с птичьим личиком разобралась с моими уроками, она обернулась к маме и сказала:

– Наверное, мы не будем принимать у неё выпускные экзамены после восьмого класса, а просто выставим в аттестат оценки.

– Конечно, зачем мучить больного ребенка, в институт что ль ей поступать, – поддакнула математичка и даже чуть усмехнулась.

– Да, да, – согласилась мама. Она всегда соглашалась с учителями, им же виднее.

– Занимается для себя – и ладно, – снова вступила в разговор моя классная руководительница и, уже обернувшись ко мне, улыбнулась и кивнула головой. – Так же скучно сидеть, хоть уроки поделаешь, да?

Подошла очередь математички. Она принялась мне рассказывать про положительные и отрицательные числа, но я слушала её невнимательно. Мне стало тесно, словно меня посадили в спичечный коробок. Боже мой, какая скука! Веселее умереть от ангины, чем всю жизнь просидеть в четырех стенах, где не нужно учиться, не нужно сдавать экзамены и доказывать, что ты на что-то годна, где тебя и так накормят и помят. Таким образом существуют кошки: играют с фантиком, спят на диване и вылезают на балкончик, чтобы погреться на солнышке.

С окончания школы прошло столько времени, но я до сих пор не могу избавиться от чувства неполноценности. Уж лучше бы меня признали необучаемой. Дура девка – ну и нечего с нею возиться.

Отказаться от ненужного человека и не мучить его своею неумелой жалостью – это тоже акт самостоятельности, но моё детство, к сожалению, пришлось на время умственного и экономического застоя, когда всё шло по инерции. Учителя работали в школе, получали за это деньги, но ничему не могли научить

даже здоровых детей. Коммунистическая идея уже выдохлась, ведь невозможно верить в земной рай при всеобщем дефиците. Помню, как мой младший брат ездил в детский парк на день пионерии с красным галстуком в кармане, чтобы там повязать его на шею и бесплатно покататься на аттракционах. В то время это меня очень возмущало, ведь я не ходила по пустым магазинам, не стояла в очередях и искренне верила в эту лживо-красивую сказку, была «идейной душой», как говорил мой брат. Тогда я приняла бы что угодно, лишь бы общество увидело во мне полезного члена. Вот уж действительно дура! Кстати, мой брат теперь так же носит православный крестик, как прежде повязывал пионерский галстук: не по вере, а по моде и жизненным обстоятельствам. Он не такой наивный и безоглядный, как я...

Мне всё-таки пришлось жить кошачьей или, вернее, черепашьей жизнью. Со мною лишь тот, кого тоже обходит время. Со мною моя восьмидесятишестилетняя парализованная бабушка (она родила отца в сорок лет). Бабушка уже подошла к финишу своей жизни – и ей некуда торопиться. Мне нравится за нею ухаживать.

Мои обязанности не слишком велики. Я накладываю в чашку тёплую кашу и, толкая эту чашку перед собой, ползу в комнату, где лежит бабушка. Она слышит, как к ней приближается завтрак, и пытается подняться. Я хватаю её за ноги, стягиваю их с кровати и так держу, пока она не сядет. Наконец-то села! Стелю ей на колени полотенце и начинаю кормить. У бабушки парализована правая сторона, а держать ложку в левой руке для неё непривычно, к тому же она почти слепая. Я черпаю ложкой кашу, закладываю ей в рот и жду, когда она прошамкает дёснами и проглотит.

Когда-то бабушка сама меня кормила. Она делала самую тяжёлую работу: снимала с электрической плиты горячий чайник и ставила его на стол. Наливая мне чай, она опускала в кружку палец, чтобы узнать, наполнилась ли она. Иногда у нас случались наводнения! Горячая вода не попадала в кружку, зато по столу растекалась такая лужа, что хоть кораблики пускай. «Эх, глаза полплюшки, а не видят ни крошки», – ворчала бабушка и шла за тряпкой. В другой раз я чуть не плакала: ну куда она тянется с этим чайником? В конце концов он опрокидывал своим рожком уже наполненную кружку. Что может быть обиднее?

Я старалась не сердиться на бабушку, хотя она то и дело выводила меня из терпения. Беру веник, хочу подмести пол, а она ворчит мне под руку: «Вот ещё уборщица нашлась! Мусор из угла в угол перегоняешь да под ногами путаешься». До чего же вредная старуха! Она упрямо лезла к мойке и бубнила себе под нос: «Я хоть и ощупью, да лучше тебя вымою». Уж куда лучше! Она так хорошо мыла тарелки, что на них оставались крупинки каши, и мне приходилось перемывать. Конечно, я делала это украдкой, когда бабушка уходила в комнату. Зачем лишать человека удовольствия, ведь так приятно быть самостоятельным, знаю по себе.

Да, мы жили весело: ссорились, мирились и снова ссорились. За этими перепалками я не замечала однообразия. Один день чем-то отличался от другого. Мы были вместе, и эта «вредная старуха» нуждалась в моей помощи. Когда от тебя кто-нибудь зависит, ты становишься умнее, сильнее и, наверное, счастливее. После её смерти все вздохнули с облегчением. Слишком старый и неподвижный человек тяжёлая обуза для домочадцев. А я почувствовала пустоту. Возле меня уже никого не было. Обо мне тоже не больно-то заплачут, просто кто-нибудь скажет: «Сама отмучилась и других освободила». Ну и пусть говорят – мне всё равно.

ТИХОНЯ

Юля кое-как передвигалась на костылях. Она старалась держаться поближе к стене и просто замирала от страха, когда мимо пробежали ходячие ребяташки – вдруг столкнут. У девочки были очень слабые больные руки и, пытаясь удержать равновесие, она далеко отставляла от себя костыли, поэтому казалась сутулой.

Юля постоянно смотрела в пол, следила за своими шагами, и можно было подумать, будто она вовсе не интересуется тем, что её окружает. Одни считали её дурочкой и обходили стороной. Другие, зная, что она не даст сдачи, издевались над нею. Особенно ей доставалось от Ленки. Ленкина бабушка работала в детском санатории то ли кладовщицей, то ли старшей медсестрой – и Ленка считала себя принцессой, которой всё позволено. С утра до вечера она пищала своим капризным голосом: «А я бабушке скажу!» О чём она хотела сказать своей бабушке и на кого пожаловаться, Юля не понимала, ведь даже старшие девчонки старались с нею дружить. Они обычно сторонились малышни, но третьеклассницу Ленку угощали кексом и допускали к своим взрослым разговорам.

Юля не могла понять и того, зачем Ленка так её мучает, зачем она развязывает ей на ботинках шнурки? Конечно, Ленка видела, как в массажном кабинете Юлю заставляют шнуровать джинсовую распашонку, наклеенную на твёрдую фанерку. Она и сама занималась с этими тренажёрами: на одном училась шнуровать, на другом застегивать пуговицы. Видимо, Ленка играла с Юлькой в лечебную гимнастику? Просто играла, а глупая Юлька отчего-то плакала и скрипела зубами.

В палате, как обычно, они остались одни. Ходячие уже оделись и ушли в столовую на полдник. Юля натянула на себя платье, гольфы и долго не могла вставить ногу в ботинок – пальцы сжимала судорога. Когда же ботинки всё-таки были обуты, а шнурки завязаны неумелым однопетельным бантиком, подошла Ленка и дёрнула за кончик шнурка.

– Ну не надо, – чуть не плача просила её Юля.

– Надо, надо, – вполне довольная собой, отвечала ей Ленка. – Тебе надо тренировать руки, а будешь ныть, я совсем тебе ботинки расшнурую. Сиди здесь до вечера.

– Дура! – разозлилась Юля и потянулась к костылю.

– А я бабушке скажу, что ты меня ударила, – капризно пропищала Ленка и здоровой, не скрюченной рукой принялась расшнуровывать Юле ботинок.

Это повторялось почти каждый день. Юля плакала, ощущая своё бессилие перед избалованной девчонкой. Ленка же, наигравшись вдоволь, лениво зевала и, сильно припадая на больную ногу, ковыляла в столовую пить кипячёное молоко с печеньем и есть свой «подарок» (так дети называли передачи, привезённые родителями из дома) – фрукты и шоколадные конфеты.

Обувание – дело сложное, и лучше других с этим справлялся отец. Он долго массирует Юлькины стопы и терпеливо ждал, когда она расправит пальчики. Ноги расслаблялись, и он мигом нахлобучивал на них ботинки или зимние сапожки. Вообще, родители старались покупать обувь для Юльки на размер побольше. Мать, в отличие от отца, была менее терпеливой. Она кричала на Юльку и даже шлёпала её, будто девочка нарочно съезживала стопы, чтобы, как мать выражалась, поиграть у неё на нервах.

Да, отец был добрым малым. Он чуть ли не каждый месяц угощал дружков-собутельников, пропивая с ними почти всю получку. В день, когда отцу выдавали «кровно заработанные», мать сажала Юльку в детскую коляску, которая дрожала под её давно уже не двухлетним весом, и бежала с нею к тэцовской проходной, чтобы перехватить его с деньгами. Она долго стояла у ворот, высматривая в многолюдной толпе своего нерадивого кормильца, затем медленно катила коляску вдоль бетонного забора, но отец знал этот забор куда лучше неё. Он находил лазейку и возвращался домой к ночи, уже чуть тёплый.

Денег в семье постоянно не хватало. Нужно было кормить и одевать детей и, самое главное, доставать для Юльки дефицитные лекарства. Матери пришлось устроиться уборщицей в «красное здание», где заседала вся верхушка ТЭЦ (этот трехэтажный дом был выстроен из красного кирпича). Она протирала влажной тряпкой письменные столы, мыла пол, а отец, когда не гуливонил, таскал тяжёлые ведра с водой и иногда помогал мыть окна.

По вечерам Юлька боялась оставаться дома одна, и мать часто брала её с собой на работу. Странная всё-таки у людей жалость: они жалеют, будто жалят. Кабинетные барышни угощали Юльку шоколадными конфетами, дарили ей картонных кукол с яркими бумажными нарядами и сочувствовали несчастной матери.

– И как ты, бедная, с нею таскаешься, ведь девчонка уже большая? – спрашивала одна. – У меня бы давно пуп развязался.

– Ну вот зачем спасают таких детей? – пожимала плечами другая и вздыхала. – Они же сами мучаются, а ещё больше матерей мучают. Извини, допустим, я говорю жестокие вещи, но и государству от них одна растрата. Разве сможет твоя Юлька когда-нибудь работать? Недёшево нам обходится наш гуманизм.

– Хорошо, когда маленький умирает так, чтобы его ни разу не видеть, – соглашалась мать. – Моя Юлька задохнулась при родах, роды у меня были тяжёлые. Врачи знали, что она будет неполноценной, но всё-таки спасли. Я слышала, что за границей больных детей не спасают, и даже тем, кто выжил, колют усыпляющий укол.

– Эх, Тamarочка, врачей тоже нужно понять, – вступала в разговор третья. – У меня свояк работает в родильном доме. С них знаешь как строго спрашивают за каждого умершего ребенка, даже премии лишают, – вот им и приходится выкручиваться, держать профессиональную марку, ведь у нас в Советском Союзе по статистике самая низкая младенческая смертность.

– А разве их не лишают премии, если они сутками не подходят к роженице, пока ребенок, идущий ягодичками, не застрянет и не задохнётся? – злилась мать и бросала на стол мокрую тряпку. – У меня уже нет сил таскать её на руках!

Девочка привыкла к этим разговорам, а по-другому с нею никто и не разговаривал. Она чувствовала себя зайцем-безбилетником, который заскочил в переполненный автобус. Юля не имела права на жизнь, но всё-таки жила. Она рано поняла, что своим рождением принесла матери одно лишь горе. Её младший брат выскочил на белый свет втихомолку, зато заплакала роженица: «Господи, опять мёртвенький!» Рассказывая об этом и ещё о многом другом, мать испытывала какое-то странное наслаждение. Она изливала душу и соседке, и незнакомой парикмахерше, к которой попутно забегала на стрижку, наивно принимая людское любопытство за искреннее сочувствие.

Юля слышала, что Ленка со своими родителями живёт далеко на Севере. Да, её обидчица походила на северянку. У Ленки были раскосые тёмно-серые глаза, в

которых стояла злая усмешка, и жёсткие как солома тёмно-русые волосы, подстриженные под ровную «скобку». Эти соломенные волосы оказывались так близко, когда Ленка наклонялась к Юлиным ботинкам, что Юля испуганно отдёргивала от них свою руку. «Только бы не вцепиться в её космы мёртвой хваткой», – думала девочка, и по всему её телу пробегала дрожь. Но временами она задыхалась от беспомощной злобы. Вот тогда Юле хотелось, чтобы в её спасительном кулаке остался клочок Ленкиных волос: «Пусть орёт! Пусть! – мысленно расправлялась она с Ленкой. – Уж после моей трёпки ей будет на что пожаловаться своей бабке».

Однажды случилось то, чего так боялась Юля. Она и сама не заметила, как её пальцы вцепились в Ленкины волосы. Юля слышала лишь истошный крик своей обидчицы и бешеный стук собственного сердца. Она постаралась разжать уже влажный кулак, но у неё получилось обратное. Она потянула на себя Ленку, и та завопила ещё громче.

На Ленкин крик прибежали взрослые. «Совсем с ума сошла! – услышала Юля, как через вату. – Ты же ей так волосы выдерешь!» Юля чувствовала, как ей массируют руки, спину, чтобы она смогла расслабиться и разжать кулак. Затем перед её носом появились ножницы – всё, больше она ничего не помнила.

Весь следующий день Юля пролежала в постели. Сюда, в палату, ей приносили и завтрак, и обед. Ленка, в лёгкой косынке на голове, раза два проходила мимо Юли, испуганно косилась на неё и шипела сквозь зубы: «Припадочная!»

До конца заезда оставался почти месяц, но за Ленкой приехали родители. Юля вздохнула с облегчением. Её уже никто не донимал. Мало того, девчонки начали её уважать, и даже иной раз помогали одеваться. Не такая уж она и дурочка, если самой Ленке сумела дать отпор. Надо признаться, что у Ленки были самые красивые кофточки, юбочки, и поэтому девчонки ей очень завидовали. Нет, они не смеялись над её остриженными волосами и не дразнили «ощипанной вороной», но втихомолку ужасно радовались тому, что её кто-то ощипал. Они мстили ей пассивно, Юлькиными руками. Взрослые поглядывали на Юльку с удивлением: «Ну надо же, – говорили они между собой, – тихоня, тихоня, а какой номер выкинула». Да, им совсем не понравилась Юлькина выходка, ведь с тихим и равнодушным ко всему ребенком намного проще. Провёл с ним лечебные процедуры, накормил его, посадил на горшок – и спать. А главное, никаких конфликтов.

Челябинск.

Олеся Иванчикова

Мне 25 лет. Специальность очень банальная и неинтересная – экономист. На данный момент пытаюсь от всего этого бухгалтерского безобразия избавиться. Уволилась под самый разгар кризиса, а сейчас мучаюсь в свободном полёте. Осваиваю сценарное мастерство. Являюсь членом местного литературного объединения «Родник». В 2007 и 2008 г. участвовала в семинарах Союза писателей РФ, которые проходили в г. Выкса. И в том и в другом году была рекомендована к принятию в Союз писателей после издания собственного сборника. Сборник, как вы понимаете, так и не вышел. Причины как финансового, так и внутриконфликтного характера.

Так что мечется моя бесприютная душа. Ищет. А может, и не знает, то ли она ищет.

КУСТ КРАПИВЫ, или Круговорот нелюбви в природе

Некрасивый толстый мальчик лет пяти, пробегая по узкой дорожке, кинул в Дусю мадагаскарским тараканом. От такой неожиданности у девушки отказали ноги, и со всего маху она угодила в густые кусты крапивы.

Было лето.

Было жарко.

Понятно, что юбка не спасла от ожогов ни голых ног, ни частей тела выше, и Дуся громко закричала.

Дуся, очень кстати, училась в музыкальном училище и хотела стать оперной певицей. До момента падения она как раз направлялась на занятия по вокалу.

Так, сидя в зарослях крапивы и наслаждаясь процессом надрыва связок, девушка поняла, что взяла си второй октавы.

Взяла – и держит.

Между тем педагог вот уже полгода безрезультатно натаскивал старательную студентку на ноту соль.

Дуся сделала паузу, чтобы сказать не верящей себе:

– Ух ты!

И продолжила солировать.

В этот самый момент по этой самой дорожке шла из магазина с набитыми авоськами грузная тётя Сима. Она периодически заглядывала в сумку, любуясь добрым куском свинины, и уже чувствовала запах наваристых щей, которые

сейчас же по приходе домой и сварит. Как вдруг из кустов на неё обрушилось форсирующее си второй октавы.

И надо же было Дусе не знать того, что тётя Сима очень не любит музыку. Дело в том, что родители тётя Симы были музыкантами. Мама играла на контрабасе и на рояле. Она часто ездила на гастроли. Папе это очень не нравилось. Однажды он набрался мужества и выдвинул ультиматум:

– Или я тоже буду играть на чём-нибудь и ездить с тобой по гастролям. Или... ВСЁ!

Мама сказала: «Ладно», всучила папе треугольник, и они вместе начали гастролировать. Как-то раз, когда семья музыкантов давала благотворительные концерты в Зимбабве, у них родилась тётя Сима. Надо сказать, очень некстати. За кулисами. Прямо перед выходом на сцену. Логично, что ни коляски, ни каких-либо других средств для перевозки и переноски ребёнка у творческих родителей не было. Папа проявил смекалку и приспособил для тётя Симы футляр из-под мамино контрабаса, просверлив дырочки. Маме, конечно, не очень понравилась идея, потому что контрабас без футляра может повредиться. Но накануне она дала слово, что хоть иногда будет давать папе чувствовать себя мужчиной. И сдержать слово мама решила именно сегодня и именно сейчас.

Когда же музыканты возвращались домой, в аэропорту сотрудники авиакомпании разными методами убедили родителей тётя Симы сдать футляр в багаж. По прилёте получили контрабас на руки, а про футляр совсем забыли. Конечно, днём позже мама обнаружила пропажу футляра. А уже по возвращении футляра обнаружилась и тётя Сима. Очень голодная и злая.

Когда тётя Сима года на три стала взрослей, мама придумывала ей разные развивающие игры. Например, сажала тётю Симу в рояль, закрывала крышкой и играла весёлые песенки. А тётя Сима должна была угадывать, что же за песенки играла мама. Так и формировалось стойкое чувство нелюбви, которое заставляло ребёнка случайно ронять молоток на мамин контрабас, проливать молоко на рояль. Уже будучи замужем, тётя Сима научилась виртуозно обращаться с топором, рубя на щепки проигрыватель мужа, магнитофон, радио. И по сегодняшний день она наводит ужас как на музыкантов, так и на меломанов. Каждого знает в лицо.

А с Дусей упущение вышло. Тётя Сима, конечно, разозлилась и первым, что попало под руку, запустила в голосащие кусты крапивы. А первым под руку попал кусок свинины, из которого музонавистница собиралась сварить щи.

– Какая удача, – воскликнула Дуса, снимая с лица увесистый шмат.

Тётя Сима, раскрыв рот, долго смотрела вслед Дусе, которая чем дальше удалялась, тем сильнее становилась похожа на фантом.

Толстый мальчишка лет пяти уже бежал обратно по той же дороге, некрасиво жуя на ходу огромный пирожок с мясом. Он достал из кармана маленькую дохлую мышку и кинул её в тётю Симу. Показал язык и убежал. То ли от возмущения, то ли от растерянности у тётя Симы отказали ноги, и она со всего маха шлёпнулась в густые кусты крапивы.

Было лето.

Было жарко.

Понятно, что юбка не спасла от ожогов ни голых ног, ни частей тела выше, и тётя Сима громко закричала. И вдруг она поняла, что взяла ноту си второй октавы. Тётя Сима сказала:

– Ух ты!

И продолжила солировать.

В этот самый момент по этой самой дорожке шёл мастер спорта по рукопашному бою Иван Махалкин. И надо же было тёте Симе не знать, что Иван очень не любит музыку...

У ТОМА СОЙЕРА ТОЖЕ НЕ БЫЛО МАМЫ

Кровать Тони стояла у окна. Тоня вставала коленями на колючее покрывало, локтями упиралась в подоконник и долго-долго смотрела в окно, не меняя позы. В какой-то момент она обращала ко мне своё светящееся лицо и таинственно произносила:

– Саша, расскажи мне, что ты видишь сейчас за окном.

Я смотрела на её нежно-розовые губы, очерченные чётким контуром. Они всегда были сложены в улыбку. Даже когда Тоня слушала рассказ о плетёной корзинке, в которой я нашла её у своей двери 29 января 19.. года, Тоня улыбалась. Грустно и виновато, но улыбалась. В своей жизни она ни разу не произнесла слова «мама». словно для особого случая Тоня берегла это святое слово. Никогда не задавала вопросов касаясь своих родителей. Просто знала, что кто-то однажды поставил корзинку с ней, крохотным свёртком, у моей двери. Она даже не знала, плохо это или хорошо. Может быть, просто боялась узнать. Но без страха Тоня просила меня описать вид из нашего окна. В ней уже жил мир, неведомый мне, в котором присутствовали свои запахи, свои краски. Тоне просто нужно было знать, что её мир такой же, как наш.

– Саша, сегодня очень яркое солнце. Да?

Как я могла сказать ей о том, что на нашей улице солнце не появится никогда. На наше окно всегда будет падать тень многоэтажного нежилого дома. И я говорила:

– Да. Сегодня солнце особенное.

– Оно же вчера было особенное. Сегодня ещё особеннее? – смеялась Тоня. – А люди... Правда, лица у всех красивые. Посмотри. – Она легонько колотила указательным пальчиком в стекло.

И я не могла ей сказать, что из нашего окна не видно лиц. На уровне наших глаз мелькали подошвы тяжёлых рабочих ботинок, бегущие на проходную металлургического завода утром и шаркающие, устало цепляясь друг за друга, вечером по дороге домой. Реже радовали туфельки на женских ногах. И всегда удручало тело на картоне у дома напротив. Того самого дома, что перекрывает солнечный свет. Тело принадлежало мужчине с грязными спутавшимися волосами, в бушлате с отложным воротником и пуговицами в два ряда. Сколько помню, его ноги всегда были забинтованы в одни и те же черные бинты. Над ним летали мухи.

Я отвечала Тоне:

– Люди загадочны.

– А разве загадочное не прекрасно? – вдохновлялась моя девочка.

– Да, наверно, – с сомнением подтверждала я и снова принималась чистить вялую морковь тупым ножом с рукояткой, оплавленной по краям. А моя Тоня снова обращала своё бледное личико к унылому пейзажу окна.

Я выносила очистки на свалку у нашего дома и каждый раз замечала, что она охватывает всё большую площадь.

Ветер менял направление. Он подхватывал запах свалки и гнал удушливые потоки в сторону нашего дома. Я прикрывала нос рукавом кофты, пропитанной

нафталином, и ускоряла шаг. У пыльного окна я садилась на корточки и некоторое время вглядывалась в блаженное личико Тони. Её неподвижный взгляд оживляли трогательные морщинки, которые время от времени становились глубже или разглаживались, в зависимости от играющей на лице улыбки.

Из подъезда выходила хозяйка нашей комнаты – пышная хохлушка Гелена, у которой на поясе всегда было повязано льняное полотенце в жирных пятнах. Дома было мало места для её густых длинных волос, потому расчёсывала их Гелена огромным деревянным гребнем на улице. Это был единственный повод, побуждающий её выйти из дома. Всё остальное время Гелена проводила либо во мраке кухни за плитой, либо в ванной за стиркой. Мелкие поручения, связанные с походом в магазин или к родственникам, выполняла племянница – живая девчушка Глаша.

Гелена с едва уловимым презрением переводила взгляд с моего лица и задерживала внимание на Тоне.

– Вам звичайно здасться нахабством, але я хотіла б отримати гроші за кімнату. За 3 місяці¹, – не сводя глаз с Тони, проговаривала сквозь зубы Гелена.

– Но мы должны всего за два месяца.

– Я зміню умови. Гроші вперед².

– Хорошо, – покорно говорила я и вставала с коленей.

Я старалась тихо войти в комнату и садилась перебирать гниющий лук, который щедро отсыпала нам Гелена. После улицы духота в нашей подвальной комнате была ошутимей.

– Саша, Сашенька, открой мне форточку. Пожалуйста, – Тоня складывала на груди ладошки в один кулачок и опускала на него подбородок. – Там воздух морем пахнет.

Последнюю фразу она произносила аккуратно, словно боялась спугнуть запах своего затаённого мира дыханием.

– Сашенька, пожалуйста...

Я обтирала руки от лука о вафельное полотенце с ромашками и подсаживалась к Тоне. Всё сложнее было каждый раз выскальзывать из реалий нашего мира, чтобы не столкнуть их с Тоней.

– Маленькая, потерпи. Обещаю, совсем скоро мы выберемся к морю. – Я проводила ладонью по её щеке. – Если открыть форточку, будет сквозняк. Ты простынешь, и тогда точно не видать нам моря.

– Твои руки пахнут лугом. – Тоня брала мою руку в свои ладошки и, уткнувшись в неё носиком, делала глубокий вдох.

Я умилённо смеялась и прикладывалась губами к её виску.

– Не лугом, Тоня. Луком. – Я радовалась, что хоть в этом могла ей не врать.

– Пахнет очень вкусно. Мне кажется, именно так пахнет луг.

– Возможно.

– Когда-нибудь я увижу луг. – Тоня замирала с улыбкой на лице. Начинала глубже дышать. Наверно, она чувствовала сырую утреннюю траву под голыми ступнями. В них впивались сломанные соломинки. Наверно, она видела малиновый рассвет, верхушки елей, которые выбиваются из дальнего леса, и видела, как рассеивается молочный туман. В эти моменты мне казалось – ещё чуть-чуть, и белёсая плёнка совсем исчезнет с её глаз.

¹ Вам, конечно, покажется нахальством, но я хотела бы получить деньги за комнату. За 3 месяца.

² Я изменяю условия. Деньги вперед.

– «– Том!», – начала я.

– «Ответа нет», – продолжила Тоня.

– «– Том!»

– «Ответа нет. – Удивительно, куда мог деваться этот мальчишка! Том, где ты?», – перехватила мои фразы Тоня.

– «Ответа нет. Тетя Полли спустила очки на нос и оглядела комнату поверх очков», – Тоня кокетливо изображала повествование действиями, – «затем подняла их на лоб и оглядела комнату из-под очков. Она очень редко, почти никогда не глядела сквозь очки на такую мелочь, как мальчишка».

...Я читала Тоне Марка Твена уже третий раз. Она очень любила слушать рассказы о похождениях Тома Сойера. Почему-то ей всегда было жалко ворчливую тётушку Полли.

– Потому что она злая, – объясняла мне Тоня, – злые всегда одиноки...

– Не обязательно быть злым или добрым, чтобы быть одиноким, – отвечала я.

В дверь постучали. На пороге стояла хохлушка Геля. Я успела до того, как она откроет рот, пригласить её выйти за дверь.

– Тоня, я скоро приду, – сказала я моей девочке и плотно закрыла дверь за собой.

– Я жалкую, но вам потрібно з'їхати³, – глядя куда-то мимо меня, произнесла Геля.

Моё тело стало в тот момент тяжелее, чем обычно, и мне пришлось искать опору в дверном косяке.

– Післязавтра в'їжджають нові мешканці. Долг за два місяці?⁴

– Ах, да, Геля, простите, – встрепенулась я и полезла в оттянутый карман.

– Що це? – нахохлилась хохлушка Геля, когда я протянула ей два золотых кольца моей мамы, завернутые в носовой платок.

– Это кольца.

– Бачу.

– Золотые.

– Нууу...

– У меня нет денег, – я опустила голову и начала считать щербинки в дощатом полу.

– Де ви будите жити?

– Не знаю.

– З'їжджайте завтра.

– Хорошо.

На коленках Тоня держала книгу и аккуратно, двумя пальчиками, перелистывала страницы. При этом сама себе шептала:

– «– Ты трус и щенок. Вот скажу моему старшему брату, чтоб он тебе задал, как следует, так он тебя одним мизинцем поборет. – А мне наплевать на твоего старшего брата! У меня тоже есть брат, еще постарше. Возьмет да как перебросит твоего через забор! (Никаких братьев и в помине не было.)»

Я остановилась посреди комнаты и не верила своим глазам.

– Ты видишь? – вскрикнула я.

– Вижу, – улыбнулась Тоня.

³ Я сожалею, но вам нужно съехать.

⁴ Послезавтра въезжают новые жильцы. Где долг за два месяца?

На меня обрушилась невероятная, огромных размеров радость. Хотелось обнимать мою девочку крепко-крепко, подбрасывать её к небу, целовать.

– Как? Когда? Почему ты молчала? – встревоженно бормотала я.

Тоня хотела опереться рукой о спинку кровати, чтобы встать, но промахнулась и упала на пол. Она, как всегда, улыбалась и беспомощно водила в пространстве ладошками в поисках опоры. Я поставила Тонию на ноги и сильно прижала к себе.

– Больно, – шепнула она.

Я ослабила объятия. Тоня взяла мою ладонь и приложила к своему холодному лбу.

– Вот где-то здесь я вижу.

Потом сместила её к области груди:

– И тут тоже вижу.

Я слотнула большой комок горечи, уткнулась лицом в мягкие волосы Тони и тихо поправила:

– Тут ты чувствуешь.

– Чувствую? – удивилась Тоня открытию.

Если бы Тоня могла видеть, то этим утром она бы увидела сонные лица хозяев ботинок, мелькавших в нашем окне. Они спешили к проходной металлургического завода, а мы с моей девочкой, взявшись за руки, не спеша, шли куда-то. Я уходила всё дальше и дальше от кровати с колючим покрывалом, от пышной хохлушки Гели, от полумрака душевной комнаты, от ботинок в окне и растущей свалки. А Тоня, возможно, приближалась к своему миру.

– Саша, Сашенька, мы на улице?

– На улице.

– А люди вокруг нас есть?

– Есть.

Улыбка на лице Тони стала ещё шире. Она приостановилась на несколько секунд и таинственно прошептала:

– Мы ведь едем к морю?

«Почему нет?!» – подумала я.

– Да, Тоня, к морю.

– Спасибо, – она обняла меня за колени.

Тоня крепко-крепко сжимала мою руку. Мы шли и шли. Нам нужно было ещё много пройти.

Однажды в вечерних сумерках на берегу Чёрного моря прозвенел совсем взрослый голос моей девочки:

– Санечка, а ведь у Тома Сойера тоже не было мамы?

* * *

В этом городе – в этом блюде –
на асфальте валялись птицы.
По карнизам скакали люди,
друг от друга пытаюсь скрыться.

Ветер пел патетично Баха,
на балконах труссы колыша.
Ночью люди, визжа от страха,
обживали пустые крыши.

Кто-то стрелкой на полшестого
повисал на петле из кружев,
отраженье себя – пустого –
обнаружив в зеркальной луже.

На скамейках сидели крысы:
подбирали с земли окурки.
И зачем-то искали смысл
в этом действии крыс придурки.

Для кого-то портвейн и «Прима».
Для кого-то бордель и морфий.

А на кухне, где старый примус,
тётя Дуся варила кофе.

* * *

Смешная веснушчатая девочка Соня
любила играть в актрису-маму.
Она вставала на подоконник:
«Сейчас я буду вживаться в дламу!»
Кидала в прохожих книгами.
Кричала: «Смотрите, плягаю!
С 12-го этажа этого дома!
Умлу безвестной, вам незнакомой!»
Эпатажно.
Трагично.
Совсем не детское
смешано было с цацками-пещками.
А у мамы в это время – по Европе гастрольный тур.
(Цитирую Сонину маму: «Развлекаю болванов и дур».)

В соседней комнате няня
по телефону
решала
чужие проблемы:
«Кто мы. С кем мы. Где мы. Почему и зачем мы».

В принципе,
Соне и одной было весело.
Она на маминых бусах повесила
любимого зайца.
Игрушечного пока.
Махала повешенному рукой: «Пока! Пока!»,
бросая его с 12-го этажа.
Будущая королева
э-
па-
та-
жа,
смешная веснушчатая девочка Соня.

ОРАНЖЕВЫЙ ШНУРОК

Он радовался: «Шнур какой оранжевый!»,
когда за стенкой
девочка
адажио
вымучивала
к школе
по заданию.
И от игры её стонали стены здания.
А за окном –
асфальт затоплен лужами.
А за окном –
зовут ребёнка ужинать.
А в перспективе:
стены, да терпение.
«Оранжевый!» – кричал учитель пения
и в коридоре свой шнурок примеривал:
повесит то на стены, то на двери,
и между тем петля плелась всё туже...

А позови его хоть кто-нибудь на ужин,
он, может быть бы, даже не повесился.

* * *

От пункта А до пункта Б мост,
и сверху давит потолок – мысль:
не разогнуться,
чтоб во весь рост
пройти свой путь
и воспарить ввысь.
А под мостом кромешной тьмы глубь.
Такая глубь, что лучше

не
знать.
Монету кинешь вниз в один рубль,
не зазвенит – как будто нет дна.
Какая страшная порой явь
для тех, кто под ноги глядит в ночь.
Пугливо молят сердце:
«На-
правь...»
Спасенья ждут или идут прочь.
Не получается всю жизнь вверх.
Глаза опустишь – в пустоту лбом.
А птице легче: с ней глаза тех,
кто видит небо и рассвет в нём.

МОЙ ГОРОД

Знаешь, я придумала себе город.
Ну и пусть там сильный дождь.
Сыро.
Ветер.
Я повыше подниму ворот.
Это родина моя.
Лира.

Знаешь, я придумала себе море.
Пусть по щиколотку там.
Хлорка.
Кафель.
И не видно, как горят зори.
Но без моря как-то мне
горько.

Знаешь, я придумала себе небо.
Пусть затянуто оно тучей.
Низко.
Да, пускай все это ложь,
небьль.
Просто с небом как-то мне
лучше.

Знаешь, я придумала себе друга.
Пусть танцует в неземном ритме.
Странный.
Пусть не вашего мой друг
круга.
Просто есть ради кого
жить мне.

* * *

Ты пробовал достать звезды?
Под лупой разглядеть город?
Смеешься.
Говоришь:
«Поздно.
Наивная, умрем скоро».

Ты можешь написать польку
экспромтом?
Из одних терций?
Ты знаешь, миру лет сколько?
А знаешь, где Земли сердце?

Ты знаешь, отчего детям
так нравится играть в прятки?
Ты можешь обуздать ветер?
Мне кажется, и я вряд ли.

Ты пробовал на вкус лаву?
Попробуй! Ведь не так поздно.
Мы будем до конца правы,
попробовав
достать
звезды.

БОГИНЯ НОЧНОГО БУГИ

Иероглифы серой тени
на жёлтых квадратах окон.
Суббота.
Мороз.
Движеньё
фиксирую взглядом сбоку.
Танцуют прохожих ноги.
Вжимаются шеи в плечи.
Нечасто скрипят дороги
в февральский морозный вечер.

Под ритмы солистки-вьюги
прохожие пусть колеют.
Богиней ночного буги
вхожу в полумрак аллеи.

Глотаю колючий воздух.
Дышу на ладони жаром.
Сквозь снег пробиваюсь к звёздам
Богиней в пальтишке старом,

обмотанной длинным шарфом.
Как в детстве – руками мамы.

А где-то играют арфы.
А с кем-то танцуют дамы.
В тепле. Под вино и бренди,
ведя разговор о всяком.
И может быть, местный «дэнди»
завяжет со скуки драку.

А я, выдыхая жаром,
топлю на ресницах иней
и, ёжась в пальтишке старом,
вкушаю в себе Богиню.

г. Балахна Нижегородской области.

Рисунок Андрея Духовникова.

Михаил Кураев

Катастрофа

Историческая хроника*

Свернув с набережной Невы на площадь, украшенную летящим на коне Петром, на пандус Сената въехал экипаж обер-прокурора.

– Что такое на свете творится, ваше превосходительство? – вместо приветствия произнёс распахнувший массивную дверь швейцар.

Едва Кони поднялся на первые из ста двадцати ступенек, ведущих в кабинет обер-прокурора, как ему навстречу сбежал чиновник.

– Анатолий Фёдорович, министр просил прибыть к нему безотлагательно. Дважды присылали спрашивать.

– Есть новости о крушении? – Кони остановился.

– Только телеграммы в газетах. Пока ничего.

Кони спустился вниз и сел в экипаж

– На Малую Садовую, в министерство, и поскорей, – скомандовал вознице.

На улицах города царило необычайное возбуждение. Незнакомые люди сбивались в небольшие компании, делились новостями, почерпнутыми из газет, и передавали уже поползшие

по городу слухи о новом покушении на государя императора и всю его семью. Настроение на улицах было нервное, приподнятое, голоса рассказчиков звучали тревожно, на глазах женщин блестели слёзы. Все ждали официального бюллетеня.

Министр юстиции Николай Авксентьевич Манасеин поднялся из-за стола навстречу вошедшему Кони.

– Наконец-то, Анатолий Фёдорович. Это ужас, это не укладывается в сознании. Неслыханная катастрофа и чудесное спасение. Вот мы в Бога-то не верим. А перст Божий, вот он.

– Здравствуйте, Николай Авксентьевич. Узнал утром из газет. Что это? Взрыв? Подкоп?

– Всё может быть. Пока никакой ясности. Божьим промыслом августейшая семья жива и невредима. Пока это главная весть и самая отрадная. Вот телеграмма из Харькова от исполняющего должность прокурора Харьковской судебной палаты.

– От Стремухова, Петра Михайловича? – уточнил Кони.

– От него, от него, читайте. – Манасеин протянул телеграмму на

* Полностью будет опубликована в журнале «Нева», 2009, № 6.

нескольких листах, посмотрел на погрузившегося в чтение Кони и занялся срочными бумагами.

– Подробностей множество, но ясной картины нет, – закончив чтение, заключил Кони.

– Именно так, Анатолий Фёдорович. Прокурор Харьковской судебной палаты в отсутствие, вам надлежит немедленно отправиться в Харьков и принять под своё руководство и наблюдение все следственные действия.

– Игнорировать Закревского – это такой удар по самолюбию Игнатия Платоновича, – счёл необходимым предупредить Кони.

– Закревского в Харькове нет, он в отпуске. И не имеет никакого значения, есть у Игнатия Платоновича самолюбие или нет. Руководство всеми следственными действиями надлежит принять вам, Анатолий Фёдорович, на то последовало соизволение государя. – Это было самым главным в сообщении министра. Последовала небольшая пауза, после которой уже доверительным тоном министр продолжил: – Вот видите, Анатолий Фёдорович, потребовалось заняться серьёзным делом – обратились к вам.

– Как же переживут это господа Мещерский, Катков, все московские кумовья? – не сдержал улыбку Кони.

– Да уж, зубки об вас поточили, вы у них и либерал, и красный, а высочайшее доверие мимо них. Вот ведь как судьба распорядится!

– Ну что ж, с покорностью принимаю оказанную мне честь.

– К вам будут прикомандированы: вице-директор департамента полиции Зволянский, помощник начальника петроградского жандармского управления Владимирский и представитель министерства путей сообщения инженер Верховский. – Ещё до прихода Кони министр отдал необходимые рас-

поряжения. – Выезжайте незамедлительно.

– Версия террористической акции подтверждается? – чуть помедлив, спросил Кони.

– Не исключается, хотя уже известно, что взрыва на полотне дороги не было. Впрочем, путь мог быть повреждён разными способами. – Манасеин только развел руками.

– Николай Авксентьевич, на этом же перегоне, между станциями Тарановка и Борки, была железнодорожная катастрофа летом, 8 июля, с большими жертвами. Что за проклятое место?

– Все ответы вы найдете на месте. Выезжайте, Анатолий Фёдорович, не теряя времени.

– Поскольку я отбываю на неопределённый срок, мне нужно сдать неотложные дела в Сенате. Затем, чтобы задним числом не жалеть о поспешности, необходимо получить в министерстве путей сообщения всё, что прямо или косвенно могло относиться к несчастному происшествию летом.

– У вас есть время до курьерского в Москву. В Москве вас уже ждёт экстренный на Харьков, – предупредил министр.

* * *

Прибыв за полночь, Кони сразу отправился к месту крушения. Его сопровождал управляющий Юго-Западной дорогой Кованько и сторожа с факелами и фонарями.

В темноте ночи, под яркими украинскими звездами в холодном небе, в контурах возвышавшихся громад уже издали угадывались масштабы катастрофы.

Врезавшиеся в землю и накренившиеся паровозы казались огромными животными, что-то вынюхивающими в земле. Когда подошли ближе, можно было различить дубовые гирлянды и царские флаги, украшавшие бока обтя-

нутых медными лентами бандажей паровозных тел.

Разрушенные, искорёженные, растерзанные вагоны замерли, словно повисли по обе стороны высокой насыпи.

– Детский вагон... – негромко подсказал Кованько, когда подошли к вагону, зияющему чёрными проёмами выбитых окон. – Здесь была великая княгиня Ольга Александровна... Извлечена невредимой...

Кони только покачал головой, спасение при таких разрушениях действительно походило на чудо.

– А это вагон Посьета, Константина Николаевича... – Кованько указал на остатки зелёного салон-вагона министратуры сообщения, лежавшие по другую сторону насыпи.

– Надо было что-нибудь потеплее взять, свежо, – посетовал Кони.

– Нынче ранние холода, Анатолий Фёдорович. Рано похолодало... – сказал Кованько.

Шли, ступая по обломкам зеркал, мебели, какой-то посуды.

– Вагон-столовая, – пояснил Кованько. – Вы видите, что произошло? Удар был страшный. Лакеи, стоявшие в обоих тамбурах, были убиты, убит и лакей, наливавший государю кофий. Видите, от удара вагон соскочил с тележек и упал на землю. Тележки от удара пошли назад, стали громоздиться одна на другую. Вот эта пирамида и задержала задний конец крыши, иначе все были бы раздавлены...

Край крыши, зацепившийся за нагромождение вагонных тележек, образовал треугольник высотой в два с половиной аршина, оттуда и выбрались израненные, перепуганные и перепачканные члены царской фамилии.

– Сколько погибших? – спросил Кони.

– Девятнадцать. Но... всё ещё находят фрагменты... часть руки... верхняя

челюсть с усами... нога в сапоге... Куда теперь всё это?

– Господи... Не знаю... Собрать, захоронить в общей могиле, поставить крест, что ж тут... – Кони был удивлён, что и на этот случай не нашлось кому распорядиться.

Место катастрофы с четверть версты вдоль насыпи светилось множеством огней, горели костры, двигались люди с фонарями и факелами, вокруг же, насколько хватало глаз, стоял непроглядный мрак без признаков жилья.

– Государыня, Мария Федоровна, потеряла крест гранатовый на золотой цепочке, спрашивали... Не так ценность, как реликвия...

Кони только сокрушённо покачал головой.

К Кони подошел инженер в высоких сапогах и форменной фуражке.

– Позвольте представить, Анатолий Фёдорович, инженер Пушешников, Сергей Павлович, – сказал Кованько. – Приглашён в качестве эксперта.

– Мне сказали, что для экспертизы приглашены Карташев, Верховцев, Спасовский, все уже здесь? Начали работу? – пожимая руку, поинтересовался Кони.

– Работу ещё не начали, но лучше уж вернуться по домам, чем выслушивать оскорбления ещё до начала работы, – решительно заявил Пушешников.

– Что произошло? – удивился Кони.

– Вчера инженеров, приглашённых для технической экспертизы, собрал прокурор харьковской палаты Закревский и заявил, что он, дескать, знает, что у инженеров рука руку моет. Это для начала. – Пушешников волновался, перевёл дыхание и продолжил. – Он, извольте видеть, знает, что мы будем выгораживать своих товарищей! И он, как судебная власть, предупреждает, что строго отнесётся к нашему образу действий и не даст ввести себя в обман! Если «судебная власть» позволяет себе так разговаривать с нами, что

же будет, когда они начнут допрашивать крестьян, путевых рабочих? Угрозами можно добиться любых показаний.

«Вместо дела надо начинать с укрощения чиновничьих амбиций», – с досадой подумал Кони.

– Никто из нас не уполномочен говорить от имени судебной власти, – как можно спокойней произнёс он. – И призыв вас на экспертизу для меня служит доказательством полного к вам доверия. Я никогда не имел повода сомневаться в научной и нравственной правдивости экспертов по железнодорожным делам. Уверен, что по окончании работы я буду благодарить вас всех за содействие.

– Мы приехали сюда по первому зову издалека, оставив дела и семьи, с полной готовностью служить истине в разъяснении этого важного события. Но если мы вызваны для того, чтобы нас оскорбляли угрозами и выражением недоверия, то мы предпочитаем вернуться назад и просим вас нас уволить, – стоял на своем Пущешников.

– Отпустить вас я не имею законного основания, – миролюбиво сказал Кони. – Властью, мне государем вручённой, вы будете ограждены от подозрений и недоверия. Прошу забыть вчерашнее недоразумение и приглашаю вас и ваших коллег сегодня ко мне в вагон в пять пополудни. Результата нашей работы тревожно ждёт вся Россия.

* * *

В своём кабинете в Гатчинском дворце императрица Мария Федоровна с рукой на перевязи рассказывала о происшествии в Борках Победоносцеву.

– Мы сидели за столом. Заканчивали завтрак. Была подана любимая государем гурьевская каша. – Императрица говорила с волнением, еле сдерживая слёзы. – Господи, до сих пор не могу ни о чём больше ни говорить, ни думать. Каждую ночь вижу во сне весь этот ужас. Вагоны, насыпь, грязь, убитых.

– Ваше императорское величество, если вам трудно говорить... – Константин Петрович был готов подяться и оставить императрицу.

– Ах, Константин Петрович, и говорить трудно и молчать тяжко... Было около часа дня. Поезд мчался очень скоро, мы нагоняли опоздание. В Харькове нас ждали. И вдруг мгновенно всё исчезло, сокрушилось, я оказалась под грудой обломков. Увидела просвет между полом и чуть не придавившей нас крышей, выбралась. Первая мысль, что мужа и детей уже не существует. Вдруг появляется каким-то манером дочь Ксения. Как ангел. Мы бросились друг к другу.

– Государь удерживал крышу? – спросил Победоносцев, ни минуты не веря в сочинённую легенду.

– Кто придумал этот вздор? – сердито спросила императрица.

– Так рассказывает Витте.

– Витте? Что за Витте? Такого с нами в поезде не было. Какая крыша? Мы были все опрокинуты. Всё смешалось. Лакей, подававший государю кофе, был убит наповал. Там между крышей и полом образовалась такая щель, аршина два. Мы с Ксенией буквально выползли и, обнявшись, стояли на насыпи. Я ничего не понимала. Вдруг услышала голоса Георгия и Михаила, оба мальчика вылезли из-под обломков. После них удалось выкарабкаться, наконец, государю и цесаревичу. Крыша вагона одним концом соскочила на пол, а другим зацепилась за какую-то железную грудку. Рука providения её удержала.

– Жаль, государыня, что лица, коим доверено сохранение августейшей фамилии, переключивают свои обязанности на Господа Бога, – с горечью сказал Победоносцев.

– Уже здесь я хватилась фамильного креста с гранатами, обыкновенно висевшего у меня на шее, на золотой цепочке, я сказала дворцовой полиции,

может быть, разыщут. Эта вещь дорога мне по традиции и воспоминаниям... Господи, что я говорю. Государь, едва его осмотрели, тут же стал помогать стонавшим и мучившимся, помогал доставать из-под обломков живых... и не живых... Это ужасно. Как такое могло случиться?

* * *

Днём картина крушения, утратив черты ночного наваждения, предстала во всех подробностях страшного бедствия.

Разбитые шпалы и согнутые рельсы на исковерканном полотне, опрокинутые и уткнувшиеся в землю вагоны, повсюду битые зеркальные стекла, масса железных и медных предметов, назначение которых было трудно определить. Вагоны хвостовой части поезда, устоявшие на рельсах, громоздились один на другой, несколько вагонов от страшного удара впечатались друг в друга.

Вокруг останков потерпевшего крушение поезда уже стал образовываться городок из палаток, где размещались прибывшие сапёрные войска, и лёгких барачков, сооружённых для рабочих, разбиравших остатки вагонов и восстанавливавших повреждённую насыпь и полотно.

В шуме непрерывной работы следствия пытались здесь же на месте, по горячим следам, установить причину случившегося.

Спор представителей следствия и хозяев дороги происходил повсеместно.

– Посмотрите на эти шпалы! Вот вам и ответ на многие вопросы, – говорил Кони, ступая вдоль изуродованного полотна в сопровождении представителя правления злосчастной железной дороги Соболевского.

– Так может рассуждать лишь теоретик, человек, не знающий железнодорожной практики, – не без апломба пытался защищаться тот.

– Не надо быть практиком, достаточно иметь глаза, чтобы видеть – шпалы гнилые.

– У меня есть глаза, а гнилых шпал я не вижу, – стоял на своём инженер.

– А это что? – Кони ковырнул тростью верх шпалы.

– Это называется заболонь, – пояснил инженер. – На всех дорогах в деревянных шпалах, прослуживших несколько месяцев, если они не окрашены и не засмолены, верхний слой всегда несколько гнилой. Иначе и быть не может. А сердцевина, где держится костыль, совершенно цела.

Материалы из министерства путей сообщения, те, что успел взять с собой Кони, давали в руки следствия серьёзные аргументы.

– Как жаль, что железнодорожные практики, работающие на Курско-Харьковской дороге, не знают, что за две недели до катастрофы как раз на 227-й версте меняли совершенно гнилые шпалы. – Кони остановился и смотрел на инженера в упор. – Мы в Петербурге знаем, когда меняли шпалы, а в Харькове не знают. Мы в Петербурге знаем, чем заменили из экономии негодные шпалы, а в Харькове не знают. А заменены они были, увы, не новыми шпалами, а старыми, взятыми с 223-й версты... Не знаю как у вас, железнодорожных практиков, а у нас, теоретиков, такая работа называется – латать Тришкин кафтан!

Дальше разговор под протокол продолжался в купе, ставшем кабинетом обер-прокурора Сената.

– ...Расчет уклонов составляет столь специфическую часть железнодорожного дела, что лучше дождаться заключения экспертов. – Соболевский был уверен, что в технических дебрях удастся найти надежное укрытие от правосудия.

– Передо мной документы и справочки, составленные грамотными специалистами, я им доверяю, как и

вам, господин Собольский. – Кони был неумолим. – Крушение поезда произошло на переломе уклона пятисаженной насыпи на 227 версте. Уклон составляет 0,011 сажени, в то время как Уставом допускается предел уклона – 0,008 сажени. Как прикажете понять это расхождение между предписанием Устава и допущенной при строительстве величиной уклона?

– Второй путь, на котором произошло крушение, строился два года назад и весьма спешно. Были установлены очень жёсткие сроки. – Собольский не знал смущения.

– В таком случае, открыв движение, нужно было сообщить о допущенных нарушениях. Я не железнодорожный практик, и вы меня поправите, если мой взгляд ошибочен. Насыпь тоже строилась весьма поспешно с неполной отсыпкой балласта, и по объяснению, полученному мной от путевой прислуги, вследствие этих нарушений она подверглась постепенному оседанию. Насыпь уже нынешней весной давала трещины и осадки. На этот участок выдавалось машинистам предупреждение о тихой езде.

– Работы по укреплению насыпи, досыпки балластом были в ближайших намерениях управления дороги. Начали с замены шпал на этом участке, – уверенно сказал Собольский.

– Заменяв гнилые на полугнилые?

– Только в качестве временной меры.

– Я, господин Собольский, в Харькове начинал службу, помню, какие леса были вокруг. Теперь их не вижу. Говорят, все на шпалы извели. И по документам правление дороги на годы вперёд сделало заготовки. А в полотне – гниль.

* * *

Столица гудела.

На рынках, в трактирах, у газетных стендов на улице, везде, где собиралось

два-три человека, тут же вспыхивал разговор, предположения и голоса всегда во всём уверенных людей, знающих всё достоверно.

– Если не динамитчики да не студенты, так кто?

– Дороги наши – одни слёзы. Каждый день что-нибудь да случается, вот и до государя очередь подошла. У нас же не железные дороги для публики, а публика для железной дороги.

– Ври да не завирайся! Государь тебе не публика, а его императорское величество! Опять охота на государя пошла. Прошлый год не получилось, ныне пробуют.

– Поварёнок, маленький такой, в вагон, где кухня, вот такую форму с мороженым принес. А там вместо мороженого – бомба. Вот оно как. А где бомба, тут и весь сказ.

– Пишут, двадцать три убитых, всех лакеев назвали. Всех сопровождающих и кочегара. А где ж поварёнок? Нет поварёнка.

– Голова-то у тебя есть? Говорят тебе, маленький он, вот такой, а бомба вот такая. Что ж там искать? Там и искать нечего.

– Говорят, рельсы расшатались, машина и полетела, а за ней и вагоны друг на дружку полезли.

– Русским языком тебе говорят, поварёнок форму с мороженым принес. А в ней – бомба, вот такая.

– Господа, почему-то не хотят вспомнить, что первая попытка была нынче же, 8 июля. И там же, около станции Борки, поезд с насыпи слетел, и жертвы были. Отчего управляющего дороги и поменяли. Что-то никто тогда о террористах не говорил.

– В участок бы вас, господин хороший, следоват отвести. Сильно вы динамитчиков защищаете.

– Еду из Москвы в Питер, до Окулова трёх вёрст не доехали, стали. Труба отвалилась, и машина совершенно испортилась.

– Господи, до Малой Вишеры десять часов добирался, два раза поезд меняли, это полтораста вёрст. На лошадях быстрее доедешь.

– Костыль в шпале как зуб коренной должен сидеть! А коли ты его из гнилой шпалы ногтем ковырни, и он выскочит, как на нём поезд удержишь? А императорский летит – любо-дорого. Вихрь! Удержи его на гнилых шпалах, вот оно что.

– На «поляковке» было, три часа ждали, пока локомотив переменят. Только тронулись, опять тревога, выскочил, смотрю: машина на боку лежит и багажный вагон тоже на боку. Стрелку перевести забыли!

– То-то правда до государя не доходит, теперь сам узнал!

* * *

В купе, превращённом в кабинет, Кони вёл допрос.

– Итак, назовите себя и вашу должность.

– Барон Таубе, заведующий технически-инспекторской частью охраны поезда.

– Благодарю вас. Как случилось, что императорский поезд на участке дороги между станциями Тарановка и Борки превысил допустимую скорость?

– Движение императорского поезда составляет престиж дороги, по которой он следует, престиж лиц, ответственных за его движение, начиная от министра, следовавшего в своем вагоне в составе поезда, и до обер-машиниста. На станцию Лозовую поезд прибыл с полуторачасовым опозданием. В мою обязанность входит наблюдение и поддержание расписания, по которому должен двигаться поезд высочайших особ. Я обратился за советом к управляющему дорогою Кованько: есть ли

возможность наверстать отставание и прибыть в Харьков вовремя?

– Простите, барон, вы обратились за советом или с просьбой?

– Кованько понял мои слова как просьбу.

– Имели ли вы для такой просьбы какие-либо начальственные поручения?

– Нет, не имел. Моя обязанность следить в том числе и за исполнением расписания.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Управляющий дорогою Кованько приказал обер-машинистам обоих паровозов ехать скорее, с целью прибыть в Харьков согласно расписанию.

– Главный инженер барон Шернваль принял какие-то меры к уменьшению чрезмерной скорости?

– Насколько мне известно, со стороны барона Шернваля таких распоряжений не было.

– По объяснению обер-машинистов, на станции Лозовой вы подошли к паровозам и благодарили управляющего дорогою Кованько и правительственного инспектора Кронеберга за скорую езду. Так ли это, барон?

– Возможно.

– По объяснению обер-машинистов, вы, пожимая руки Кованько и Кронебергу, просили составить во время пути список агентов поезда для раздачи им подарков за хорошую езду?

– Возможно.

– Кованько в разговоре с обер-машинистами, происходившем при вас, просил не доводить скорость до 70 вёрст в час ввиду передвижки пути около Мерефы. Возражал ли ему Кронеберг, заявляя, что «смело можно ехать 70 вёрст в час»?

– Возможно.

– Поезд шёл двойною тягою. Первый паровоз был товарный, второй товарно-пассажирский. Какая предельная скорость предписывается товарному паровозу?

– При диаметре колес первого паровоза 4,52 фута скорость не должна была превышать 40 вёрст в час.

– Самодействующий аппарат Графтио отметил скорость императорского поезда на участке между станциями Тарановка и Борки – 67 вёрст в час. Императорский поезд снабжён автоматическим тормозом Вестингауза, сработал ли он во время катастрофы?

– При переезде от Севастополя до Лозовой этот прибор действовал не вполне исправно, два раза самопроизвольно затормаживал поезд, и поэтому был отключён.

– Ещё один вопрос, Александр Фердинандович. Была ли какая-то возможность поддерживать на ходу поезда связь с машинистами?

– Для внутренних служебных сношений в поезде был устроен телефон. Но после его переделки в Севастополе он не работал. Сообщение же с машинистами на ходу поезда, за отсутствием каких-либо приспособлений, совершалось с немалым риском, путем перелезания на тендер паровоза из ближайшего к нему вагона, а в дневное время знаками, подаваемыми маханием рук.

* * *

Из шестисот комнат и трёх тронных залов Гатчинского дворца император Александр III надолго выбрал небольшую угловую комнату с низким потолком.

Камердинер Котов пропустил в кабинет государя министра императорского двора и уделов графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, председателя Комиссии по принятию прошений на высочайшее имя, а также командующего Императорской главной квартирой Оттона Борисовича Рихтера и начальника личной императорской охраны генерал-адъютанта Петра Антоновича Черевина.

Александр III поднялся из-за рабочего стола, вышел навстречу, пожал

вошедшим руки и жестом предложил расположиться на стоявших в кабинете стульях и на сиденье вроде пуфика.

Вернувшись за свой стол, император потёр переносицу, что было верным признаком серьёзной озабоченности.

– Господа, – без предисловий начал Александр, – у меня сложилось убеждение, что правда о действительном положении дел в отечестве не всегда доходит до меня. Одна из причин – вольные или невольные ошибки докладчиков. Докладам, представляемым мне министрами, главноуправляющими, генерал-губернаторами и губернаторами, я доверяю всё меньше и меньше. Доклады, скоты, писать научились! Корысть рядится в обличье заботы о народном благе. Низость и подлость рядится в одежды любви и преданности. Одному мне совершенно не под силу разобраться во всём многообразии государственных дел: где наглая ложь, а где хотя бы подобие правды. Мне нужна помощь. В радостные дни и в тяжелые минуты испытаний вы, Петр Антонович, вы, Оттон Борисович, вы, Илларион Иванович, стяжали себе право на моё искреннее уважение и полную уверенность. Итак, я остановился на мысли иметь несколько ближайших помощников, достойных полного моего доверия. Надеюсь, с вашей стороны возражений не последует?

Повисла тишина.

Первым заговорил Воронцов-Дашков.

– Государь, сознавая честь, оказанную вами, хотелось бы предусмотреть последствия этого шага. – Для Иллариона Ивановича предложение государя не было полной неожиданностью.

– Я готов, ваше величество, сделать всё возможное, что в моих силах, но подобное решение может оказаться не только неудобным, но и опасным, – сказал генерал Черевин к полной неожиданности государя.

– При всём желании невозможно, ваше величество, сохранить тайну в этом деле, – подхватил Рихтер.

– А зачем тайна? – удивился царь.

– Министры примут новый порядок за знак недоверия к ним. В обществе пойдут разговоры и пересуды... – предупредил Воронцов-Дашков.

– Со всей неизбежностью новый порядок обращения на высочайшее имя сочтут ограничением самодержавной власти в пользу возникающего триумvirата. Получается, что вместо самодержавного монарха Россией правит олигархия. – Рихтер почёл не лишним напомнить о том, что «неограниченное самодержавие» было провозглашено краеугольным камнем нового правления.

– Если всякий раз оглядываться, что скажут да что подумают, так и делать ничего невозможно. Признаюсь вам, господа, что я мучительно страдаю от сознания того, что правды на Руси нет. Отгон Борисович, в Комиссии прошений вскрывается вся внутренняя жизнь России с её правдами и неправдами. Дела у нас идут не так, как следует. Я знаю, вы скажете правду, скажите, в чем дело?

Трое вельмож, избранных монархом в негласные помощники, не отличались широкой образованностью, были администраторами средних способностей, но людьми порядочными, искренне и беззаветно преданными своему монарху.

Воронцов-Дашков, преуспевший в кавалерийском деле, стяжал репутацию человека благородного, но в государственных делах способностей средних. Рихтер, долгое время пребывавший в канцелярии по принятию прошений, крупных дарований не обнаружил, да и образование имел неширокое, в чём сам сознавался. Генерал Черевин был известен своей преданностью государю и склонностью к горячительным напиткам, что,

по свидетельству современников, нисколько не мешало ему работать как следует.

– Государь, – начал Рихтер, – дело в том, что у нас есть страшное зло – отсутствие законности.

– Но вы же знаете, – тут же отозвался Александр, – я всегда стою на стороне законов и никогда их не нарушаю.

– Я говорю не о вас, а о нашей администрации, которая слишком часто злоупотребляет властью, не считаясь с законами.

– Но как же вы себе представляете положение России? – спросил Александр.

После короткой паузы Рихтер ответил:

– Я долго думал об этом. Сегодняшняя Россия видится мне таким колоссальным котлом, в котором происходит брожение. Кругом котла ходят люди с молотками. Когда в стенах котла образуются малейшие отверстия, они тотчас его заклёпывают... Но когда-нибудь газы вырвут такой кусок, что заклепать его будет невозможно. И мы все задохнемся...

В повисшей тишине прозвучал исполненный досады стон государя.

Он взял папиросу, но хрупкое произведение сломалось в его пальцах и полетело в пепельницу.

– Я решение принял, господа. – Александр твёрдо придерживался однажды принятых решений. – Теперь давайте вместе думать, как его лучшим образом исполнить.

* * *

Авторитетные мемуаристы считали своей неременной обязанностью напомнить о том, что у Александра Второго был старший сын, Николай, с детства готовившийся стать преемником престола, но умерший двадцати двух лет от костного туберкулеза, а на престол судьба возвела не готовившегося к царствованию Александра.

Но, в течение пятнадцати лет пребывая в ранге наследника, великий князь прошёл и государственную, и практическую военную школу, командуя Русуцким отрядом – семидесятипяти тысячным корпусом в ходе Русско-турецкой войны. Был удостоен боевых наград. Являясь членом Государственного совета, участвовал в разработке и принятии важнейших правительственных решений, был в курсе всех государственных дел, как по части внешней, так и внутренней политики.

Какой школы, какой ещё подготовки не хватало наследнику по мнению тех, кто считал его не готовым вступить на престол?

Может быть, дело было в другом.

И здесь интересно свидетельство человека, возведённого Александром III на самые высокие государственные посты, удостоенного высочайшим доверием.

Если Сергей Юльевич Витте своей стремительной и блестящей карьерой обязан государю Александру III, то, может быть, именно Витте государь, в свою очередь, обязан репутацией человека ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования.

Была ли феерическая карьера Сергея Юльевича подтверждением справедливости его невысокого мнения о способностях его благодетеля, государя императора Александра III, или ещё одним свидетельством человеческой неблагодарности и нежелания делить с кем бы то ни было успехи царствования, рассудят потомки.

Купе 1-го класса, в котором жил и работал Кони, превратилось в настоящий рабочий кабинет, заполненный записками, отчётами и справочниками со множеством закладок.

В проёме открытой в коридор двери, где мелькали железнодорожные

и судебные чины, появился управляющий Юго-Западными железными дорогами Сергей Юльевич Витте.

Витте был немало взволнован и, сжимая кисти, удерживал дрожь в руках.

– Здравствуйте, наконец, Сергей Юльевич! Располагайтесь. – Старые знакомые обменялись рукопожатием. – Живём бивачной жизнью, никуда отсюда пока двинуться нет возможности.

– Много ли от меня пользы следствию, Анатолий Фёдорович? Я лишь простой управляющий Юго-Западными железными дорогами. Катастрофа случилась на Харьковско-Николаевской дороге... – Витте расположился на краю дивана.

– Уничуждение паче гордости, Сергей Юльевич. – Кони давно ждал этого молодого и уже заявившего о себе деятеля в надежде получить важные для следствия свидетельства. – Я же помню вас в комиссии Баранова по начертанию общего устава железных дорог. Когда генерал Анненков запутывался в своих «так сказать» и предложениях без сказуемого, вы его всякий раз выручали. А ваш труд «Принципы железнодорожных тарифов»! Вот какой вы «простой управляющий Юго-Западных железных дорог».

– После такой аттестации можно и возгордиться. – Витте улыбнулся с надлежащей скромностью.

– И есть чем. Кстати, в половине пятого в вагоне-столовой у нас табльдот, я вас приглашаю, кормят за полтора рубля вполне пристойно. Там и предадимся воспоминаниям. А сейчас к делу. Я вас слушаю.

– Я был вызван на допрос к прокурору судебной палаты Дублянскому. Но до дачи показаний я просил о встрече с вами, Анатолий Фёдорович, – начал Витте.

– Надеюсь, вы знаете, почему ваши показания так важны. Передавая царский поезд в Ковеле на Азово-Харьковскую дорогу, вы и главный

инженер дороги Васильев предупредили министра путей сообщения и о невозможном весе состава, и о вредной скорости движения. Разве есть какие-то препятствия доложить о ваших предупреждениях следствию?

– Обстоятельства побудили меня искать встречи с вами, Анатолий Фёдорович, наедине...

– Какие могут быть секреты между нами? – Теперь уже улыбнулся Кони.

– Я вызван к прокурору, конечно, за тем, чтобы дать показания по поводу неправильностей императорского поезда. – В голосе Витте прозвучала нотка обреченности.

– Но разве вы не указывали министру и его приближённым на крайнюю опасность поезда и возможность его крушения? Честь вам и слава.

– Да, это было так. Но во имя нашей общей работы в комиссии, рассчитывая на вашу любезность, я прошу вас сейчас войти в моё положение.

Витте говорил вполголоса и оглядывался на мелькавшие в открытой двери фигуры.

Кони делал вид, что не понимает этого немного предложения прикрыть дверь.

– Мои обстоятельства складываются так... – Витте был вынужден говорить при открытой двери. – Мне предстоит очень важное для моей деятельности назначение. Оно зависит, в первую очередь, от министра финансов и министра путей сообщения. Это назначение, если оно состоится, определит всю мою будущую служебную карьеру. Анатолий Фёдорович, мне не только крайне неудобно, но и совершенно невозможно восстанавливать против себя обоих министров, Вышнегородского и Посьета. Это может разрушить с таким трудом созревшую комбинацию. Я не знаю, что делать, прошу у вас дружеского совета. Скажите, как мне выйти из этого положения? Я решительно не могу рассказать всего, что мне известно.

Волнуясь, Витте жестикулировал красивыми руками с длинными пальцами, старался не глядеть на Кони, но пару раз всё-таки оглянулся на открытую дверь.

– Какой же я могу вам дать совет? – Кони не считал нужным скрывать свое огорчение. – Вы вызваны по делу первостепенной важности, вызваны как свидетель. По закону и совести обязаны, Сергей Юльевич, дать вполне правдивые показания, ничего не утаивая. Что ж поделаешь, свидетелю часто приходится жертвовать собственными выгодами, удобствами и спокойствием ввиду интересов правосудия. Дело дойдёт до суда, вы будете поставлены на перекрестный допрос, и то, о чём умолчите сейчас, из вас будет, как говорится, «вытянуто» совместными вопросами сторон. Вы можете тогда оказаться не только в неловком, но и постыдном положении. Поэтому единственный совет – говорить правду.

– Но ведь это значит, что я должен говорить против Посьета и создать себе из министра врага! – Витте удивляла непонятливость обер-прокурора Сената.

– Может быть, и даже весьма вероятно, но всё-таки другого выхода нет.

– Я вас всё-таки очень, очень прошу, нельзя ли что-нибудь сделать, помочь мне. Ведь про меня немало завистников с удовольствием скажут, что я явился доносчиком на Посьета.

– Но не сами же, а по воле судебной власти.

Кони погрузился в раздумья.

Витте насторожился в ожидании.

– Единственное, пожалуй, что я могу сделать... – после минутного раздумья произнес Кони, не глядя на Витте. – Постараюсь отстранить от вас несправедливое обвинение в доносе. При старых следственных порядках свидетелям предлагались вопросные пункты, их составит судебный следователь. Показания вы дадите письменные, при

этом, начиная каждый ответ, можете ссылаться на предложенный вам вопрос. Таким образом будет видно, что вы рассказывали не по собственному почину, а в силу категорической формы предложенных вам вопросов. Я попрошу следователя дать вам копию ваших показаний, которой вы при необходимости сможете располагать, как найдете нужным.

В дверях показался помощник Кони, старший следователь Марки. Рядом с ним лохматились две головы мужиков.

– Что у вас, Николай Иванович? – спросил Кони.

– Да вот двое с находкой, Анатолий Фёдорович. Кажется, вы про этот крестик говорили. – Обернулся к мужику. – Покажи.

– День добрый, ваше благородие. С Адрианова мы, на разборку вызваны... Вот такая вещь. – Развернул тряпицу и показал прямой крест, выложенный некрупными гранатами, с порванной золотой цепочкой.

– Похож... Николай Иванович, примите и запишите имена нашедших. Ну что, молодцы, о вас будет доложено государыне.

– Так что ж тут, нам чужого не надо, – сказал один мужик. – Беда у людей, мы с понятием...

– Урон-то какой, одной посуды сколь побили, а тут ещё императрица и крестик потеряла... – сокрушённо сказал второй мужик.

– Я скоро буду в Петербурге, могу доставить, – с готовностью предложил свои услуги Витте.

– У вас нынче, Сергей Юльевич, и так забот много, – посочувствовал Кони.

* * *

В вагоне, где велось следствие по делу о крушении царского поезда, протокол вёл старший следователь Марки. При первом знакомстве его внешность вызывала изумление: на длинном туло-

вище с короткими ногами природа посадила голову в непослушных вихрах, с глазами, смотревшими в разные стороны, с лицом доброго сатира и длинной козлиной бородой.

Правительственный инспектор железных дорог Кронеберг, напротив, и статью и обличьем напоминал императора Александра III и не без умысла это сходство во внешности чуть подчеркивал.

– Николай Андреевич, я должен снять формальный допрос. Назовите себя, должность, – обратился к нему Кони.

Лицо Кронеберга передернула судорога. В красных глазах стояли слезы.

– Что вы сказали, я не расслышал, – спохватился он.

– Успокойтесь. Ведётся протокол; назовите себя, должность. Такова форма.

– Андрей... То есть Николай... Андреевич Кронеберг, вероисповедание бывшее... православное... То есть как раз православное.

– Исполняете должность... – дождавшись, пока Марки запишет, продолжил вопросы Кони.

– С риском для личной неприкосновенности, – проговорил Кронеберг.

– Назовите, Николай Андреевич, должность, которую вы исполняете, – настоятельно повторил вопрос Кони.

– Отдавая на станции Тараноква распоряжение о гибельном ускорении поезда, я же уверен был, что путь исправен...

– Да не предавайтесь же отчаянию, Николай Андреевич. Следствие обязано восстановить положение дел на дороге, предшествовавшее крушению, – сказал Кони.

– Что ж вы меня пустяками отвлекаете, не утешайте, я законы знаю... Полевой суд... А там один приговор, казнят смертью... Кто-то должен ответить... Августейшая семья... Господи!

Кони и Марки обменялись понимающими взглядами. На немой вопрос Кони Марки ответил легким кивком головы.

– Давайте, Николай Андреевич, может быть, прервёмся, и Николай Иванович отдохнёт. Пройдёмте ко мне, я попрошу дать нам кофе, – предложил Кони.

Кони уже тяготился и скудным светом сквозь подмороженное окно, и узким ложем, и теснотой и пылью в своём купе, начали болеть глаза. Но пока это купе было для него и кабиной, и столовой, и спальней, и гостиной, где он угощал кофе подследственного.

– Я знаю, Николай Андреевич, что вы боролись со всевозможными злоупотреблениями правления дороги.

– Что я мог сделать? Поддержки в министерстве не было. – Махнул рукой. – Анатолий Фёдорович, всё последнее время я ходил к ним на заседания с револьвером.

– К кому? – удивился Кони.

– В правление дороги, к Гану Оскару Фёдоровичу и Полякову Лазарю Соломоновичу. Мне открыто грозили расправой.

– Кто вам грозил? Ган и Поляков? За что?

– Запросите все мои донесения о злоупотреблениях правления департамента дорог, и вам сразу станет ясно, кто и за что грозил. Вам известно, что правительство через два месяца выкупает эту дорогу?

– Да, конечно.

– И в этом вся интрига! Вся! – взорвался Кронеберг. – За последние восемь лет доход членов правления вырос в шестнадцать раз! Почему? Да потому, что правительство будет выплачивать господину Полякову каждый год сумму, равную среднему годовому доходу. Вот и поднимали средний доход, чтобы себя не обидеть. А за счёт чего?

Уменьшая расходы на эксплуатацию. Вместо песка в полотно сыпали шлак, шпалы, давно вышедшие из строя, не меняли, укладывали маломерные и гнилые, покупали по дешёвке. Паровозный и вагонный парк увеличился, а издержки на ремонт понизили за шесть лет на миллион рублей. Машинисты проводят в пути по восемнадцать часов и валяются с ног от усталости...

– Министр об этом знает? – спросил Кони. Кронеберг молчал. – Я понимаю, какие вами владеют чувства. Но есть ещё одно чувство. Оно превыше всего.

– Да, ваше превосходительство. Чувство долга. Министр, генерал-адъютант Посьет, знает обо всём по моим докладам. Возможность такого исхода была заложена уже в той поспешности, с которой строили дорогу. Движение открыли на девять месяцев раньше против положенного уставом срока. Комиссия открыла массу вредных последствий такой поспешности. Доложили министру, а господин министр выдал дороге похвальный аттестат!

– Может быть, продолжим разговор в присутствии следователя? Вы готовы? – спросил Кони.

– Я готов.

После перехода в вагон для ведения следствия допрос уже пошёл формальным порядком.

Одним из важнейших был вопрос о лицах, ответственных за состояние и движение царского поезда непосредственно.

– Господин Кронеберг, – сказал Кони, – я обращаюсь к вам как к правительственному инспектору с просьбой дать мне чёткое представление о том, кто определяет состав императорского поезда для дальних поездок.

– Цельный синклит. – Голос Кронеберга окреп, он внутренне успокоился.

– Кто же именно?

– Согласно параграфу 8 о поездах высочайших особ и параграфу 21

«Правил для движения экстренных поездов чрезвычайной важности», состав вагонов поезда определяет министр путей сообщения...

– Адмирал Посыет? – уточнил для протокола Кони.

– ...По согласованию с министром двора...

– Графом Воронцовым-Дашковым?

– ...С одобрения командующего главной квартирой и главного начальника охраны...

– Генерал-адъютанта Черевина? – снова уточнил Кони. – Знают ли вышеозначенные лица правила и нормы для поездов высочайших особ?

– Должны знать. Обязаны.

– Существуют ли для этих поездов ограничения по весу и скорости движения? – спросил Кони и взглянул на пишущего Марки.

– Разумеется. Начиная с 15 октября и до 15 мая эти поезда не должны превышать 42 осей, то есть четырнадцати шестиколесных вагонов.

– Сколько осей было в поезде, потерпевшем крушение? – дождавшись, пока сказанное будет записано, продолжил вопросы Кони.

– Шестьдесят четыре.

– В полтора раза выше нормы, – снова уточнил Кони. – Есть ли для поездов высочайших особ ограничения по весу состава?

– Да, это около пятнадцати тысяч пудов.

– Сколько весу было в потерпевшем крушение поезде?

– Около тридцати тысяч пудов.

– В два раза. Как могло столько нарушений сойтись вместе?

– Всё это сложилось из многолетней практики. Отступления от правил допускались в течение десяти лет.

– Министры путей сообщения, министры двора, командующие главной квартирой и начальники охраны императора знали об этих нарушениях?

– Без их ведома императорский поезд не мог бы сдвинуться с места, – робко сказал Кронеберг.

* * *

Переехав после смерти отца в Гатчину, Александр III обратил в свою резиденцию этот не пользовавшийся вниманием петербургской знати пригород. Тишина и патриархальность, царившие здесь, парки, похожие на царство спящих красавиц, сообщали покой и уверенность в размеренном и верном течении жизни.

Усиленные меры охраны в городке и обширных парках, примыкавших к дворцу, вызывали раздражение в государе, считавшем эти меры излишними и чинящими неудобства жителям тихой Гатчины. Такое настроение создавало дополнительные сложности охранной службе, вынужденной таиться от царских глаз.

Александр пригласил наследника на прогулку в парк, и Николай ничего хорошего от этой прогулки для себя не ждал.

Александр и цесаревич неспешно шли по дорожке вдоль берега Голубого озера.

– Что за амуры у тебя с этой балетчицей? – наконец спросил государь.

– Папá, ты сам познакомил меня с мадемуазель Кшесинской в театре, – нашелся Николай.

– Я тебя познакомил не для свинства! При дворе говорят, что ты стал до неприличия увлекаться женщинами. Не даешь проходу ни одной фрейлине.

– Поверь, страшное преувеличение, – искренне удивился цесаревич.

– Я нахожу твою иронию неуместной. Честной и чистой жизнью императорская семья должна служить примером для подданных. Каждая неловкая вещь делается известна публике и обществу и служит предметом толков, сплетен, преувеличений. Ты не сможешь от людей требовать исполнения правил, которым не следуешь сам.

– Вот видишь, ты сам говоришь о преувеличениях и сплетнях.

– Не давай повода, – оборвал отец, – а ты, к моему глубокому огорчению, поводы даёшь, и постоянно. Тебе двадцать лет, а я не могу доверить тебе ни одного государственного дела. Николай, пора из дураков вырастать!

Прошлись молча. Николай обиженно молчал.

– Седьмой год не могу дорогу на Владивосток двинуть. Все своими делами заняты, карманы, скоты, набивают. Повелю создать Комитет, и тебя поставлю главой. Будешь делом заниматься, на дурь времени не останется. В Невской лавре давно был?

– Только вчера, папá.

– При святых мощах был дежурный монах?

– Кажется, не было.

– Кажется или не было? – спросил император.

– Не было, папá, истинный крест, – побожился наследник.

Объяснение с главой морского ведомства оставило у государя впечатление ещё более тяжёлое, чем разговор с сыном.

На докладе у государя потел морской министр адмирал Николай Матвеевич Чихачёв.

– Осенняя погода и короткое время дня весьма затрудняют поиск, ваше величество.

– Я спрашиваю, почему затонул броненосец береговой охраны «Руслан»? – Казалось, одним голосом этот грузный могучий человек мог расплющить нерадивых. – Почему никто не спасся?

– Буря была, ваше величество, – рапортовал адмирал.

– Буря в Финском заливе!? Это Финский залив, а не Бискайский, почему у вас тонут броненосцы на прогулочных маршрутах? Ревель – Гельсингфорс, тоже мне кругосветное плавание!

– Истинную причину можно будет назвать только после осмотра корпуса водолазами.

– Тралить место гибели броненосца, пока не найдёте. У меня есть сведения, что корпус корабля был в дурном состоянии, а начальство вместо постановки в ремонт отправило его в плавание.

– Состояние корпуса может быть оценено только водолазами.

– Глубины здесь небольшие, маршрут известен. – Александр подошёл к карте, укреплённой на стене. – Поиск не прекращать. Объявляю вам, господин морской министр, моё неудовольствие.

* * *

Поздним вечером в вагоне для ведения следствия Кони и Марки при свете керосиновых фонарей работали с протоколами.

Кони сидел за столом в наброшенном на плечи чёрном полупальто.

– Так собирался поспешно, да и предположить не мог, что будем жить в чистом поле. Догадался сапоги взять. А пальто только в вагоне и греет, – поправляя сползающее с плеч пальто, проговорил Кони.

– Вы же в Харькове служили, помните, какая здесь осень золотая. А теперь и климат поменялся, – откликнулся от своего стола Марки.

– Уж не дождусь дня, когда в Харьков переберёмся. Харина приглашает, говорит, тёплая комната ждёт, и кабинет свой обещает предоставить. В купе своём я уже от бумаг и пыли задыхаюсь.

– Не одна Александра Гавриловна готовится вас в Харькове встретить. Знаете, небось, что всё правление Курско-Харьковской дороги готовится дать нам бой. Ган, Поляков, Хлебников – все кинулись защиты у губернатора искать. А губернатор к правлению дороги большую-ую привязанность имеет.

– Можно себе представить эту привязанность, если в харьковской губер-

нии лесов не осталось. – Кони снял очки и приложил носовой платок к уставшим глазам.

– Министру внутренних дел графу Толстому пошёл донос, что вы под видом следствия поднимаете «рабочий вопрос», возбуждаете ненависть служащих на железной дороге против их начальства и хозяев.

– Это для меня не новость, – устало произнёс Кони. – Я знаю, что меня за спиной «красным» зовут. Как же, обеспечили себе на шестьдесят лет спокойный грабёж казны, и вдруг помешают. Кто же кроме «красного» может помешать?

– Боятся, что им угольное дело припомнят, имена-то всё одни, те же Ган, Поляков, Хлебников. Они же в обществе Южно-Русской каменноугольной компании тоже в правлении. Вот и покупали сами у себя дрянной уголь по высшей цене, а за убытки заставляли казну рассчитываться. Специальная комиссия предложила разорительный контракт расторгнуть, а барона Гана, Полякова и Хлебникова как «вредных людей» со службы уволить. Губернатор взял под защиту. Убрали бы их тогда, глядишь, не дошло бы и до нынешней беды.

Зябко поёживаясь, в салон вошел телеграфист.

– Ваше превосходительство. Срочная, из Петербурга, из министерства юстиции.

Кони взял телеграмму, пробежал глазами.

– Ну что ж, Николай Иванович, министр юстиции вызывает в Петербург для представления государю личных объяснений по делу.

* * *

После получения телеграммы с приглашением к государю на доклад о ходе расследования крушения в Борках Кони выехал незамедлительно.

От Харькова он ехал в купе один, чему был чрезвычайно рад. За три неде-

ли жизни на месте катастрофы он устал от людей, от напряжённой работы, от бивачной жизни. Наконец можно было хоть немного отдохнуть и сосредоточиться на предстоящем докладе, и вот на тебе, в Белгороде бог послал докучливого попутчика. Он вошёл в купе, пышущий здоровьем и жаждущий общения.

– Добрый вечер! Добрый вечер! Так, так, так... – Здоровяк в пальто на енотах с порога оглядел купе, после чего внёс поклажу и стал её раскладывать, сопровождая шумным комментарием: – Это мы сюда, а это мы вот сюда. Это – здесь. А это – здесь. – Снял пальто и шапку, повесил на вешалку на стене и основательно уселся к окну. – Стало быть, в добрый час. Далёко ли едете?

– Да, далеко.

– Куда же именно, позвольте полюбопытствовать? – радушно улыбнулся сосед.

– На север. – И краткостью ответа и всем своим видом Кони пытался сказать о нерасположенности к досужему общению.

– Значит, в Петербург? – полюбопытствовал сосед.

– Да, в Петербург, – сухо ответил Кони, нарочито глядя в окно.

– Едете издалека? Харьков проезжали?

– Проезжал.

– Хороший город, вы там бывали?

– Бывал. – Кони еще надеялся, что односложные, не очень-то приветливые ответы охладят соседа. Не тут-то было.

– Город хороший, а дела-то там творятся очень нехорошие. Про Кони, про обер-прокурора, слышали? – вполголоса доверительно спросил сосед.

– Что именно? – Кони подавил невольную улыбку.

– Едете через Харьков и ничего не знаете? – обрадовался сосед.

– Нет, не знаю.

– Слушайте же, это невероятно! –

Наконец-то здоровяк нашёл слушателя. – Назначили Кони вести расследование о крушении в Борках. Такая против него сильная интрига поднялась, уже хотели отзываться. Говорят – плакал, не хотел бросать этого дела. Ладно, оставили. Вот извольте у нас быть честным человеком! Тогда попробовали подкупить. Не вышло. Ну и решили отравить, да жив остался, еле-еле врачи выходили.

– Этого никогда не было, – сказал Кони и всё-таки удивился вздорности услышанного.

– Как это не было? Извините-с! Я достоверно знаю.

– Могу вас уверить, что это ложный слух.

– Я не распространяю ложных слухов, и привык, чтобы моим словам верили, – задорно сказал попутчик. – Повторяю. Его покушались отравить, чтобы замять всё, что он вскрыл в махинациях правления Курско-Харьковской дороги. Все ниточки были в его руках!

Кони пожал плечами и вздохнул.

– И нечего пожимать плечами, а надо относиться с уважением к деятельности честных людей. Вот оно, наше общество, не угодно ли?! Извольте полюбоваться! Говорят, человек с опасностью для жизни исполнил свой долг, преследовал вредных людей, и не верят! Не хотят верить! А скажи я, что Кони украл 300 тысяч и сбежал, сейчас же поверят и с радостью! Вот как у нас! Стыдно, уважаемый, стыдно-с!

– Да позвольте, вы введены в заблуждение.

– Не я, а вы-с. Я никогда не говорю того, чего не знаю достоверно. И па-а-азвольте, милостивый государь, спросить, на каком основании вы, даже не потрудившись узнать, с кем имеет честь говорить, позволяете себе сомневаться в правдивости моих слов?

– Да на том основании, что я тот именно Кони, о котором вы столь лес-

тно отзываетесь. И должен вас огорчить, никто меня в Харькове, к сожалению, не отравлял.

– Неправда! Вы не Кони, он должен быть гораздо старше вас.

Кони молча вынул из бумажника визитную карточку и протянул попутчику.

Азартный господин внимательно изучил карточку, испытующе посмотрел на Кони и, озаренный счастливой мыслью, умилённым голосом воскликнул:

– Понимаю – благородная скромность. Да вам и нельзя об этом говорить. Понимаю. Очень рад познакомиться... Позвольте отрекомендоваться: директор чичаковской прогимназии...

* * *

Коляска от станции Гатчина-Балтийская до дворца ехала совсем недолго, но министр юстиции Манасеин, сидевший рядом с Кони, успел перемениться в лице. Из оживлённо болтавшего светского человека он на глазах превратился в робеющего чиновника, побледнел, глаза померкли; тревожно вздохнув, он снял форменную фуражку с кокардой и перекрестился.

– У вас сегодня, Николай Авксентьевич, обширный доклад? – спросил Кони, чтобы хоть немного отвлечь разволновавшегося министра.

– Да... Что? Ничего важного, никаких выдающихся назначений... – рассеянно ответил министр.

Коляску, подъехавшую к «кухонному каре», приветствовали чины дворцовой полиции.

К прибывшим вышел скороход в смешной шапке с перьями, так мало гармонировавшей с лицом почтенного отца семейства.

– Добрый день, ваше превосходительство, добрый день!.. Я вас провожу, у нас легко заблудиться. Его превосходительство господин министр у нас

частый гость, а вы, господин обер-прокурор, здесь бывали?

– Однажды, три года назад, – вспомнил Кони.

Сразу же из небольшой приёмной Манасеин прошёл в кабинет императора.

Доклад министра был недолгим, Кони едва успел пересмотреть в своей папке графики, план разрушенного пути, «кружок Графтио», измеряющий скорость поезда, как послышался звонок изнутри кабинета.

Камердинер государя в тёмно-синем фраке с медалями любезно пригласил Кони войти в кабинет.

Кони увидел небольшую комнату, почти квадратную и низкую, с двумя неширокими окнами в парк, покрытый свежим снегом. Мебель выглядела скудно: небольшой стол посередине, покрытый до полу синим сукном, на нём толстая восковая свеча, подносик с гусиными перьями и карандашами, белая бумага и холстяная тряпочка для вытирания перьев.

На императоре была серая тужурка, из-под которой выглядывала русская рубашка с воротником и рукавами, расшитыми русским цветным узором.

– Добрый день, ваше императорское величество.

Царь протянул обер-прокурору руку и указал на неудобный пуф, стоявший против стола, приглашая сесть, затем закурил толстую папиросу.

– Я желаю лично слышать о подробностях дела крушения, – дав гостю оглядеться, произнес царь.

– Прежде чем представить вашему величеству обзор предварительного следствия, считаю необходимым изложить данные, которые убедили меня в полном отсутствии в деле крушения поезда каких-либо следов государственного преступления. – Первую свою фразу Кони приготовил загодя.

– Не беспокойтесь это делать. Я знаю, что тут нет ничего политического. Это министр Посыет старался меня уверить, что это покушение на мою жизнь. Рассказывайте.

– Предварительное следствие вскрыло обширную картину преступной небрежности всех лиц, имевших касательство к поезду чрезвычайной важности. Каким временем, ваше величество, я располагаю для доклада? – У Кони были приготовлены сжатая и более полная версии доклада.

– Рассказывайте, – сказал Александр, деловой и спокойный тон Кони вызывал расположение.

– Причин крушения три. Притом что даже одна из них уже могла вызвать бедственные последствия. Первая. Состав поезда, его недопустимый уставом вес, а по этой причине тяга двумя паровозами. Один из паровозов, тяжёлый, товарный, идя с пассажирской скоростью, расшатывает путь. Вторая. Неправильная постройка насыпи и путей. Грубейшие нарушения при строительстве, по этой причине крайняя слабость полотна, вдобавок непригодность шпал. И третья. Безрассудное усердие лиц, отвечающих за скорость и техническое состояние поезда во время движения. При неисправности автоматических тормозов системы Вестингауза поезду начальствующим составом была задана скорость, невозможная ни для этого веса состава, ни для этих паровозов, ни для этого полотна.

Кони сделал паузу.

– Докладывайте по порядку, что найдете нужным, – сказал Александр.

– Вес поезда, идущего со скоростью до шестидесяти верст в час, по уставу не должен превышать пятнадцати тысяч пудов. Сопровождающие ваше величество лица требовали для себя полного удобства в пути, и начальник охраны вашего величества, генерал-адъютант Черевин, приказывал вклю-

чать в состав дополнительные вагоны. Вес поезда вырос в два раза против допустимого. Есть правила составления поездов чрезвычайной важности в зимнее время, пренебрежение ими со стороны министра путей сообщения и его ближайшего помощника, барона Шерваля, не что иное, как бездействие власти. Мне жаль управляющего дорогой, инспектора и машинистов, действовавших под впечатлением присутствия министра и ослеплённых радостью управлять вашим поездом, но и они виновны в преступном легкомыслии.

– А что же делала инспекция? – спросил император.

– Если позволите, ваше величество, я отвечу на этот вопрос в конце доклада. Сначала считаю нужным рассказать о действиях правления Курско-Харьковско-Азовской дороги.

Царь улыбнулся, так как не привык, чтобы не тотчас же исполнялось его желание и не тотчас отвечали на его вопрос.

– Ну хорошо. Продолжайте.

– Осмотрены книги для определения доходности железной дороги. За семь лет доходы дороги выросли в шестнадцать раз. Но денег на ремонт паровозов, на оборудование паровозного депо, на ремонтные службы нет. Доходы увеличились за счёт сокращения дорожных служб, употребления при строительстве шпала вместо песка, несвоевременной замене изношенных шпал. В полотне дороги оказывались шпалы в таком состоянии, что их можно было выгребать лопатой, даже на топливо не годны. Недостаток балласта на главном пути – пять тысяч кубических сажень.

Вошел камердинер, и Кони на мгновение замолчал.

– Ваше величество, министр иностранных дел, его высокопревосходительство господин Гирс прибыл с докладом, – сообщил камердинер.

– Просить подождать, я занят, – сказал император и обернулся к Кони. – Продолжайте.

Император слушал с напряжённым вниманием, тёр пальцами переносицу, подпирал по временам рукой голову и не сводил глаз с обер-прокурора. По словам самого Кони, «в этих глазах, глубоких и почти трогательных, светилась душа, испуганная в своём доверии к людям и беспомощная против лжи, к коей сама была неспособна».

– Харьковские мастерские пребывают в крайне неудовлетворительном состоянии – холодны, грязны, с крайне дурной вентиляцией. В паровозном депо рабочие задыхаются от дыма. В таких условиях осмотр и ремонт выполнить качественно невозможно. Инспектор Кронеберг неоднократно доносил в департамент дорог о недостатке отдыха машинистов, пребывающих по 18 часов в пути, о чрезвычайной трудности 24-часового бессменного дежурства начальников станций и их помощников. Правление дороги, постоянно урезывая средства, экономией доводит служащих до изнурения, что также служит причиной нередких несчастных случаев на дороге.

– Да, я знаю, что служба при железных дорогах развращает инженеров, но зато самые дороги увеличивают благосостояние народа, – сказал Александр.

– Это не всегда оправдывается в жизни, ваше величество. Железные дороги содействуют обмену ценностей, но жизни не удешевляют. В то же время вызывают безрассудное истребление леса. Перед приездом сюда я посетил заседание Харьковского уездного земского собрания. Гласный, профессор Гордиенко, сообщил, что в год открытия дороги в Харьковском уезде было шестьдесят тысяч десятин прекрасного леса, а теперь осталось менее десятой части. Всё это имеет громадное влияние на почву и на климат. Лес съела железная дорога, на топливо и шпалы.

И при отсутствии земельных кредитных учреждений ростовщиками и спекуляторами этот лес был скуплен за бесценок.

– Сколько было и сколько осталось? – опустив глаза, мрачно переспросил царь.

– Было больше шестидесяти тысяч десятин, осталось менее шести.

Царь грохнул лежащим перед ним массивным золотым портсигаром по столу с такой силой, что всё на столе задрожало, а толстая свеча упала.

Вошел камердинер.

– Ваше величество, министр иностранных дел Гирс...

– Просите подождать, – слишком громко для такой небольшой комнаты сказал император. – Продолжайте.

– Обязываясь представить вам, государь, правдивый рассказ обо всем, касающемся крушения, не могу скрыть, что создается легенда о том, что будто бы и вы на станции Тарановка приказали, вопреки предостережениям, усилить ход поезда до опасных пределов.

– Этого не было. – Александр рассмеялся. – Я никогда такого распоряжения не делал. Раз только на Закавказской дороге заметил, что поезд то ползет, как черепаха, то летит, как птица, и пожелал ехать ровнее. В таком пожелании побуждения к преступлению нет. Нет уж, вы меня не привлекайте! Вы, значит, отдадите под суд всех лиц, о которых говорите?

– Властью, мне данной, – сказал Кони, – могут быть привлечены в качестве обвиняемых члены правления дороги, управляющий, инспектор Кронеберг, машинисты и инспектор высочайших поездов барон Таубе. Привлечение генерал-адъютантов Посыета и Черевина, а также барона Шернвала, как действительного тайного советника, должно совершиться в особом порядке, с соизволения вашего величества и по постановлению Государственного совета.

– Все, все, кто виновен, до единого, должны подлежать ответственности! Все! Невзирая на их положение. Это должно быть сделано всем в науку! Кто должен это начать? Министр юстиции? Подготовьте указ, Николай Авксентьевич. Итак, ваше мнение, что здесь была *чрезвычайная небрежность*?

– Если охарактеризовать всё происшествие одним словом, – сказал Кони, – то можно сказать, что оно представляет *сплошное неисполнение всеми своего долга*.

– Неисполнение своего долга есть преступление перед отечеством неизвинительное. Свиньи... Всех по вине предать суду, на звания и должности не смотреть. Когда вы едете опять?

– Желал бы дня через два. Позвольте обратиться к вашему величеству с просьбой.

– Слушаю вас. – Государь привык к тому, что редкий доклад не заканчивался просьбой.

– По приезде в Харьков я привлеку Кованько и Кронеберга, и несомненно, что по суду они будут подвергнуты наказанию. Но первый из них от отчаяния стал впадать в тяжкое нервное расстройство, а другой так долго и горячо боролся со злоупотреблениями правления дороги... Дозвольте мне, государь, надеяться, что им после суда будет оказано возможное милосердие.

– Да, хорошо, обещаю. Благодарю вас за вашу работу и за интересный доклад. Мне теперь всё ясно. Желая вам успеха в этом трудном деле.

И совершенно бессознательно царь так пожал руку обер-прокурору Сената, что тому стоило немалого усилия удержаться от крика.

В коляске Манасеин и Кони возвращались на станцию.

Кони, сняв перчатку, потер кисть правой руки и с улыбкой продекламировал:

– «...О, тяжело пожатье каменной его десницы!»

– Как вам удастся так сохранить самообладание, вы разговариваете с государем, как с обычным человеком, – негромко, словно его могли услышать, спросил министр.

– Для этого нужно относиться к себе немножко с иронией и видеть себя и своего собеседника со стороны. – Кони улыбнулся.

– Я наблюдал, как он вас слушал; можно ручаться, что он не забудет ни одного слова. Как давно вы последний раз разговаривали с государем?

– Представлялся в Аничковском дворце по случаю назначения обер-прокурором Сената. Напутствие на должность было грозным, с напоминанием о «тягостных впечатлениях» от моих действий «по известному делу». Катков и Мещерский сумели-таки всем внушить, что это я, а не присяжные, оправдал Засулич.

– Я думаю, с сегодняшнего дня предано забвению всё то, чем вас так долго и несправедливо удручали, – поздравил коллегу с «амнистией» министр.

– Ну что ж, поживем – увидим. – Кони и сам был немало поражён тем, как внимательно он был выслушан. – Меня более всего удивило, как государь слушал. Если государь так смотрит в лицо своим министрам при их докладах, то непонятно, как мог кто-то из них вводить его в заблуждение и совершенно сознательно направлять его сильную волю на узкие и беспросветные пути.

– Правителям во все времена приходится иметь дело по большей части с людьми нечестными или трусливыми.

– Отчего же государь не принимает мер, чтобы узнать людей?

– Он не питает к людям вообще доверия и почти никого не уважает, кроме самых тесных приближенных, – со вздохом констатировал Манасейн. – Мне кажется, он ещё наследником насмотрелся на людскую низость и

потерял веру в людей. Знаете, как зовут человека, которого он наиболее уважает в России?

– Надо думать, Победоносцев, Константин Петрович?

– Нет, граф Дмитрий Алексеевич Милютин, притом что он открыто высказывался против политики укрепления самодержавия после 1-го марта.

– Сегодня государь выглядел очень усталым, – сказал Кони. Государь показался ему не по годам постаревшим. – А ведь мы с ним ровесники...

* * *

Император был мрачнее тучи, он стоял перед картой Финского залива, когда в его гатчинский кабинет вошёл генерал от инфантерии, великий князь Владимир Александрович.

– Здравствуй, Саша. Что случилось?

– Добрый день, Володя. Сядь. Происходят странные, необъяснимые события. Сейчас у меня был доклад морского министра...

– Я только что встретил его в отличном расположении... Светился, как рында на яхте!

– Как же ему не быть в отличном расположении, если он вышел сухим из воды, а я, неизвестно по чьей вине, потерял броненосец, сто двадцать пять нижних чинов и двенадцать офицеров.

– Ты о «Руслане»? – спросил великий князь.

– Только что подписал доклад: броненосец не нашли, никто не виноват и всё благополучно! Все получают оклады, звания и ордена за выслугу. Вот опять список принесли к награждению, ещё две тысячи фамилий. Поезда падают, броненосцы тонут, земли разворовывают, и все хотят при этом орденов.

– Поиск «Руслана» окончен?

– Смотри. – Александр подвел брата к карте. – Вот курс, которым шёл броненосец, а вот где велось траление. Ты же видишь, оно намеренно, намеренно велось не там. Они должны тралить

здесь, а тралят тут, где «Руслана» не могло быть! Они не хотят искать броненосец. Почему? Да потому, что они боятся его найти. Вместе с броненосцем всплывёт их скотское головотяпство! Но дело представлено так, что за руку не схватить. Груда справок, выписок, докладных, вранье так упрятано, что не докопаешься. Я убеждён в том, что мне врут, и что же? После доклада мне не оставалось ничего другого, как утвердить его. Ты понимаешь ужас моего положения! Вот тебе и неограниченный самодержец России.

– Если ты убеждён, если считаешь доклад неверным, может быть, надо было настоять, – не очень уверенно сказал великий князь.

– Я могу уволить Чихачёва, но у меня нет другого морского министерства. – Александр сделал несколько тяжёлых шагов по кабинету и грузно опустился на стул перед столом. – Мои малейшие желания исполняются с готовностью удивительной. Проходили с Воронцовым-Дашковым по дворцовой зале, посмотрел в окно и сказал, совершенно между прочим, дескать, станция закрывает военное поле. Через неделю, глядь, станции нет. Послушайте, говорю Воронцову-Дашкову, со мной творится что-то странное, не вижу станции. Тот радостно сообщает, что станцию перенесли, чтобы не закрывала военного поля. Да чёрт с ним, с этим военным полем, видно его из окна или нет! Словом обмолвился. Из оброненного слова делают высочайшее повеление. А когда им нужно, о моих ясно выраженных желаниях забывают. Поймали в прошлом году на Невском студентов с бомбами. Я на докладе министра написал: не придавать слишком большого значения этим арестам, суда не надо, а без всякого шума отправить их в Шлиссельбургскую крепость, пусть сидят. Наказание сильное и неприятное. Не хотел, чтобы из меня палача

делали, а из них мучеников. А вышло так, как они хотели, а не я!

– Да кто же это – они да они? – не выдержал младший брат.

– Вот я и хочу знать, кто это ещё кроме меня Россией правит? Им даже мной править удаётся. Семь лет я твержу о том, что нужно строить железную дорогу на Владивосток. Семь лет ни с места, все мои усилия разбиваются о бараньи лбы в Комитете министров и Государственном совете.

– Государь, долг повелевает мне сказать о том, что для большой хандры у тебя нет оснований. Ты получил страну бунтующую, ты её успокоил. Ты получил страну, униженную европейской сворой, ты заставил Европу жить с оглядкой на русского царя и ждать, пока он в Гатчинском озере острой рыбу ловит. Без войн и без особенных угроз ты не растерял ни клочка вверенной тебе страны. Сделал Россию надёжной для друзей и грозной для врагов...

– Оставь, Володя, оставь, – прервал Александр. – Я чувствую, что-то надо менять. Но что? Как? С кем? Трудно мне, тяжело, а опереться не на кого, все собой заняты. Понимаю, что надо было всю эту историю со злосчастливым броненосцем вывести на чистую воду, и не могу, устал. Седьмой год не могу добиться порядка в Александро-Невской лавре. Спросил Победоносцева, когда в конце-то концов в Александро-Невской лавре будет порядок? Улыбается. Какой же, говорит, порядок, если настоятель вечно пьян. И весь ответ.

* * *

В небольшом зале Мариинского дворца собралось Особое присутствие Государственного совета: министр юстиции Манасеин, министр двора Воронцов-Дашков, председатель департамента государственной экономии Абаза, сенатор Николаи, министр внутренних дел и шеф жандармов граф Д. Толстой, морской министр Чихачёв,

вновь назначенный вместо отправленного в отставку Посьета министр путей сообщения Паукер, государственный секретарь Половцов и член Госсовета Стояновский. В совещании участвовали великие князья Михаил Николаевич, председатель Госсовета, он же председатель на совещании, и Владимир Александрович.

Мужам совета предстояло вынести решение о предании суду особ первых четырёх классов, виновных в катастрофе в Борках.

Обер-прокурор Кони, занимавший место за небольшим столом напротив середины полукруглого стола, заканчивал своё сообщение.

Изложив фактическую сторону дела и вину каждого из высших должностных лиц, Кони сложил лежащие перед ним листки и перешёл к заключению, обращаясь к присутствующим непосредственно:

«Крушение императорского поезда позволило обществу увидеть во всей неприглядности последствия существующих порядков в выдаче концессий, хищнические действия правления и то безответственное растление служебного персонала, которое создавалось наглым стремлением к наживе.

Главный вывод. Об умысле произвести крушение не может быть и речи. Причина же крушения – преступное забвение своего долга должностными лицами всех ступеней, отвечающими за безопасность движения поездов чрезвычайной важности. Всё, что я имел сообщить Особому присутствию Государственного совета, было доложено мною государю-императору.

Государю благоугодно было вынести на решение Особого присутствия вопрос о привлечении к судебной ответственности министра путей сообщения Посьета, начальника личной императорской охраны генерал-адъютанта Черевина и главного инспектора железных дорог, действительного тайного

советника барона Шерваля, поскольку привлечение к суду должностных лиц этого ранга вне компетенции обер-прокурора Правительствующего сената. Сам же государь, как лицо пострадавшее, не считает себя вправе выступать по этому делу судьёй».

– Благодарю вас, господин обер-прокурор, – сказал председательствующий великий князь Михаил Николаевич, – за столь полное изложение результатов, раскрытых следствием. Полагаю, необходимо сделать краткий перерыв.

Все двинулись, встали из-за стола.

К поднявшемуся со своего места Кони подошли оба великих князя.

– Считаю долгом выразить благодарность за ваш превосходный, сжатый и столь насыщенный доклад. – Михаил Николаевич пожал Кони руку. – И дело разъяснили, и вину каждого показали весьма убедительно.

– Крайне интересно. После такого доклада нечего долго рассуждать, – присоединился Владимир Александрович.

После небольшого перерыва, в течение которого Кони выслушал немало слов одобрения, совещание продолжилось, и первым взял слово Абаза.

– Я и теперь без содрогания не могу подумать об ужасных последствиях, которыми грозила бездеятельность генерал-адъютанта Посьета. Привлечение его к суду является делом элементарной справедливости и удовлетворения нравственного чувства. Но из того, что рассказал господин обер-прокурор, усматривается, что вина генерал-адъютанта Посьета и его ближайшего помощника барона Шерваля была ясна с самого начала. Что же произошло с Посьетом? Был отставлен? Нет. Лишён власти? Нет! Он целый месяц управлял министерством, которому подал вопиющий пример неисполнения своих обязанностей. А теперь? Разве он в частной жизни размышляет о нарушении доверия государя? Он – наш товарищ, он – член Государственного

совета, он вместе с нами решает важнейшие государственные вопросы! Надо быть последовательным. Если верховная власть признала возможным простить генерал-адъютанта Посыета, не вменив ему всего, что он сделал, вернее, не сделал, то карать его и привлекать к ответственности совершенно невозможно.

Кони был поражен этой формой защиты, как бы введившей для тяжчайших преступлений некий трёхмесячный «срок давности». «Верховная власть не вменила ему в вину...» Но не было закончено следствие. Кони был поражён наивностью такого способа оправдания бывшего министра, многие годы покровительствовавшего беззаконию.

От поднявшегося с места министра внутренних дел графа Толстого можно было ожидать решительных на это возражений.

– Ваше высочество, – обратился к председательствующему граф Толстой, – командированные мною чиновники министерства внутренних дел вполне могут подтвердить обстоятельства, красноречиво изложенные обер-прокурором. Да, дело идёт о неизвинительном небрежении своим долгом лицами, коим вверена безопасность монарха и всей его семьи. Однако можно ли допустить привлечение министра к судебной ответственности? Это приучило бы общество к недоверчивому взгляду на ближайших слуг государя. Это дало бы возможность неблагонамеренным лицам утверждать, что монарх может быть вводим в заблуждение своими советниками. Ко многим причинам смуты умов в нашем обществе это прибавило бы ещё новую. Как министр внутренних дел, коему доверено государем спокойствие общества, я поддержать такую меру не могу.

Такой поворот в совещании Кони даже не мог предположить.

– Услышим то, что сказал великий историк и гражданин Карамзин. – Поднявшийся барон Николаи достал заготовленную выписку и с волнением прочитал: – «Пусть государь награждает достойных своею милостью, а в противном случае удаляет *недостойных без шума, тихо и скромно...*». – Отпрянул от бумажки и повторил: – «Без шума, тихо и скромно». «Худой министр есть ошибка государя: должно исправлять подобные ошибки, но скрытно, чтобы народ имел доверенность к личным выборам царским». Лучше не скажешь, – заключил барон и сел на место.

– Генерал-адъютант Посыет не может не сознавать, сколь многие лишились жизни от крушения, а это должно удручать его кроткую и нежную душу. – Морской министр Чихачёв легко мог представить себя героем совещания, решающего вопрос о предании высшего чиновника суду за тяжкие служебные упущения. Нельзя создавать прецедент. – Рассмотрение же дела в суде лишь усугубит эти страдания. Привлечение его к ответственности было бы ненужною жестокостью. Только представьте себе, что должен выстрадать теперь почтенный Константин Николаевич!

– Однако позвольте? Как же это? Все признали Посыета виновным и всё-таки хотят освободить его от суда? – искренне недоумевал великий князь Михаил Николаевич.

– Я этого не понимаю, если виноват, то какие же церемонии? – поддержал его великий князь Владимир Александрович.

– Ваше высочество, надо помнить, что генерал-адъютант Посыет моряк, адмирал, и с железнодорожным делом специально не знаком, – пустился в разъяснения Чихачёв. – Как же его привлечь за технические упущения? Вот был у нас морской министр, князь Меншиков, взятый из кавалерийских генералов, так ведь от таких людей и ожидать нечего, какой же тут спрос?

* * *

На следующий день председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич и министр юстиции Манасеин в Гатчинском дворце докладывали императору о принятых Особым присутствием решениях.

– Как?! Выговор? Посъету – выговор? – не поверил своим ушам император.

– Без включения в послужной список, – дополнил мягкий приговор Михаил Николаевич.

– Порицание? Пожурили?! Двадцать три убитых, сорок человек раненых... Монарха со всей семьей едва разом не угробили – и выговор?! – Государь замолчал, гася рвущийся наружу гнев. – Хорошо, очень хорошо... Что Шернваль?

– Главному инспектору железных дорог Российской империи Шернвалю – выговор, – сообщил Манасеин.

– Без занесения в послужной список? – не скрывая иронии, уточнил государь.

– Без включения в послужной список, – как ни в чём не бывало подтвердил министр юстиции.

– Черевин? – спросил Александр.

– Объяснения, данные генерал-адъютантом Черевиным, признаны удовлетворительными, – доложил Манасеин.

– И это всё?! – И снова император замолчал, сознавая своё бессилие. – Удивляюсь!.. Но пусть будет так. Ну а что с остальными?

– Они будут преданы суду Харьковской палаты и в ней судиться, – с достоинством стража закона сказал Манасеин.

– И будут осуждены? – спросил Александр.

– Несомненно, ваше императорское величество! – подтвердил министр.

– Как же это так? – гневно рокотал государь. – Одних судить, а другим мирволить? Это неудобно и несправедливо. Я этого не хочу! Уж если так, то надо

прекратить всё это дело. Я их хочу помиловать. А то получается, что у русской Фемиды двое весов? Одни весы для стрелочников, другие для министров? А там есть обвиняемые, которых искренне жаль. Кронеберг, о котором мне Кони сказал, что он бился *как пульс живой*, борясь со злоупотреблениями. Посъета оправдать, а Кронеберга, который с ним воевал, судить? Ловко!

* * *

В Гатчинском дворце, в комнате с низкими сводчатыми потолками, были устроены детский театр, катальная горка и склад игрушек, а на стенах были развешаны карикатуры Зичи на приближённых Александра II.

Именно сюда были приглашены сегодня высшие государственные служащие, представлявшие государю по случаю высоких назначений и награждений.

В мундире сенатора Кони представлялся в связи с получением звезды.

В комнате стоял гул, знакомые подходили друг к другу, обмениваясь приветствиями и поздравлениями.

Историк Коялович в высших сферах власти был человек случайный, чувствовал себя одиноко, как армейский доктор среди генералов, он не знал, куда девать не только руки, но и всего себя, и потому обрадовался, увидев Анатолия Фёдоровича Кони. Он поспешил к нему с приветствием.

– Рад, Анатолий Фёдорович, что вашу звезду отныне никакие тени и облака не покроют.

– Благодарю, Михаил Осипович, – пожимая ему руку, ответил Кони. – В свою очередь, искренне рад, что высочайше оценены ваши труды о наших отношениях с Польшей. Нужно, очень нужно побольше света в «сём старом споре славян между собою». И этот свет вам удалось...

Произошло движение, неожиданно вошёл император, все поспешили встать в надлежащем порядке.

Печать усталости лежала на хмуром лице Александра III, от него веяло ритуальным холодом. Он смотрел сурово. Говорил с одним, косился на следующего, часто нервно потирал рукой свою лысину и теребил концы аксельбантов. За ним следовал дежурный флигель-адъютант, напоминая имена и звания представлявшихся.

Подойдя к Кояловичу, царь пожал профессору руку.

– Коялович. Профессор Петербургской духовной академии, – представился историк.

– Что вы преподаёте? – механически спросил Александр.

– Историю католицизма, европейские вероучения...

– И всегда живёте в Петербурге? – И, не дослушав ответа, поскольку голова уже была повернута к Кони, к нему и обратился. – Вам известно, Анатолий Фёдорович, что я решил сделать со следствием?

– Министр юстиции сообщил мне о решении вашего величества и о соображениях милосердия, которыми оно вызвано, – ответил Кони. И поспешил добавить в опасении, что государь двинется вдоль награждаемых дальше: – Будет, однако, грустно, если всё дело канет в вечность. Общество должно ознакомиться со всеми открывшимися злоупотреблениями, иначе всё будет продолжаться по-старому. В обществе начнут ходить вымыслы и легенды.

– Нет, этого не будет, – твёрдо произнес государь. – Я прикажу напечатать подробный обзор дела, который вы и составите. И поручу министру путей сообщения получить от вас подробные сведения обо всех беспорядках, которые он должен устранить. Ваш большой труд не пропадёт даром.

Император вежливо поклонился удостоенному звезды обер-прокурору Правительствующего сената Кони и отошёл к следующему отмеченному царской милостью, раздаваемой в нынешнее царствование не в пример скупому, по сравнению с минувшими временами.

* * *

В кабинете министра юстиции Победоносцев и Манасеин ждали Кони. Победоносцев пришёл чуть раньше назначенного времени, чтобы иметь возможность предварительно переговорить с министром.

– Борское крушение должно послужить государю уроком. – В голосе Победоносцева были и укор, и горестное сочувствие. – Нельзя так управлять,

Валентин Серов. Портрет Александра III.

чтобы ни с кем не говорить, никого не допускать, а только приказывать то, что нравится. Ну что же ещё ждать от этого огромного и не очень умного ребёнка?

Подобие улыбки так смяло пергаментное лицо Константина Петровича, что эта маска надёжно спрятала за иронию дерзкую откровенность.

Манасеин был немало удивлен таким «отеческим» назиданием государю, пропустил слова Победоносцева из осторожности без комментария и заговорил о персонах меньшего ранга.

– Кони прав, во всем виноват Посьет, не сумевший настоять на выполнении разумных требований своих подчинённых. Но главным виновником является охрана с пьяным Черевиным во главе. Нельзя требовать безусловного исполнения своих приказаний, не задумываясь о последствиях.

Для Победоносцева даже звезда не искупала вины Кони перед обществом и правопорядком, о чём он не преминул сказать министру.

– Когда Кони напоминает мне о том, что он мой ученик, я вздрагиваю и оглядываюсь по сторонам. – Победоносцев улыбнулся одними губами, словно лизнул лимона. – Да, я читал ему курс гражданского права, но и предположить не мог, во что станет этот усердный студент. Нельзя, Николай Авксентьевич, следствие о крушении в Борках доводить до суда.

– Суда не будет, Константин Петрович, я имею лишь высочайшее повеление подготовить подробнейшее изложение всех обстоятельств крушения для публикации.

– Ах, ну что вы... Оставьте... Как можно?.. Суда не будет... – Победоносцев начал своё привычное бормотанье. – Кони – красный. Красный! Ему какое дело ни дай, он его сейчас повернёт по-своему и устроит правительству какой-нибудь публичный скандал. Он превратил суд над

Засулич в суд над Треповым и навсегда обесчестил старика. Теперь он хочет ославить, опозорить, обесчестить ни в чём не виноватое правление железной дороги. Бедного Гана, бедного Лазаря Полякова, несчастного Худякова. Раз не будет судебного процесса, так он хочет выставить на общественный суд наши железные дороги! Кто ж ему позволит ославить министров, обесчестить действительных тайных советников и генерал-адъютантов.

– Но, Константин Петрович, дать широкую публикацию о крушении в Борках – такова непреклонная воля государя, – напомнил министр.

– Ах, Николай Авксентьевич... Ох, ну, как же так... – Победоносцев заохал и заахал. – Он человек тугого ума, не быстр на соображения... Я говорю, кто ж позволит судить министров и хозяев железных дорог? Суд? Судебные уставы, на которые молится Кони и его присные, это всё разрушительные последствия буржуазной эволюции. Ах, как недальновиден был покойный государь, как недальновиден. Как же так можно... Вся Россия горьким двадцатилетним опытом доказала, что суд присяжных – это безобразие и мерзость, что гласность есть яд, что несменяемость судей есть абсурд! – В кабинет вошел Кони. – Ждём вас, Анатолий Фёдорович, драгоценный, ждём.

После обмена приветствиями сразу перешли к главному предмету встречи.

– Министр путей сообщения категорически против публикации технических данных и выводов экспертизы, – заявил с тревогой в голосе Манасеин. – Считает, что это диффамация вверенного ему ведомства.

– Я имею повеление государя подготовить сообщение. То, что вы прочли, это уже третья редакция, – сказал Кони.

– Мы говорили в Государственном совете, что само сообщение представляется излишним. Дело предано воле

Божьей, и нечего о нём много разговаривать, давать пищу газетам. – Всей интонацией Победоносцев давал понять, как он устал объяснять очевидное.

– Но ведь надо же успокоить общественное мнение и дать ему ясное понятие о деле! – страстно воскликнул обычно сдержанный Кони, чувствуя, как топят в бюрократической тине правду о трагедии в Борках, правду, которой так ждёт общество.

– Какое там *общее* мнение, – с нескрываемой неприязнью произнёс Победоносцев, – с ним считаться, то и конца краю не будет. Общее мнение! Дело известно государю и правительству, ну и достаточно!

– Жаль, что я не знал раньше о возможности такого решения и бесплодно тратил силы. Оказывается, всё можно решить в застенке, с упразднением всякой гласности.

– На что ж это будет похоже? – с тревогой за неисполнение монаршего повеления проговорил Манасеин. – Будут Бог знает что рассказывать. Надо напечатать, да ведь и государь это приказал.

– Не надо ничего печатать. Не надо, – стоял на своём Победоносцев. – Священный Синод издаст последование благодарственного молебствия. «Никто же в нас да не глаголет высо-

кое в гордыне и да не изыдет велеречие из уст наших». Священный Синод, Анатолий Фёдорович, скажет и о монаршем милосердии, мотивированном «Божьей милостью». Всяк услышит «грозное внушение свыше» каждому, поставленному на дело, верно соблюдать долг своего звания.

– Константин Петрович прав, в конечном счёте и в высшем смысле прав. – Едва ли Победоносцев был бы так твёрд и настойчив, если бы не заручился согласием государя. Только сейчас Манасеин об этом догадался и решил уступить. – А к вам просьба, Анатолий Фёдорович, возьмите всё следственное делопроизводство, отметьте и укажите, какие нужно сделать распоряжения по открывшимся злоупотреблениям, я непременно отошлю министру путей сообщения.

– Значит, никакого оглашения о беспорядках, никакого урока, никакой науки ни обществу, ни администрации?! – не считая нужным скрывать огорчение, произнёс Кони, переводя взгляд с улыбающегося Победоносцева на смущенного Манасеина.

– Ваша работа, Анатолий Фёдорович, получила высокую оценку его величества, вы удостоены признания и звезды, разве этого мало? – Из-за очков на Кони смотрели холодные, не моргающие глаза обер-прокурора Синода.

Санкт-Петербург.

Елена Потехина

Рассказы тётки Дарьи

Много детских воспоминаний связано у меня с древними волжскими городами и сёлами – Кинешмой, Решмой, Сокольским, Юрьевцем, с самой нашей красавицей-Волгой. Моё знакомство с Волгой началось с изучения её притоков – малых рек: Казохи, Кинешемки, Решемки.

Однажды летом мы связали две камеры от грузовой машины. Получился настоящий, замечательный плот. И мы решили плыть на нем по нашей Казохе. Но мы представляли, что это вовсе не Казоха, а Амазонка. И что сейчас из-за поворота покажутся индейские пироги. Мы – это вся наша команда, двоюродные братья и сестры. Я с Наташей, Оляка с Толиком, Нина с Санькой. Было здорово интересно и немного страшно. Мы плыли по реке, заросшей кустарником. Но когда Толик сказал, что Амазонка кишит аллигаторами, то я невольно поджала ноги под себя и чуть не плюхнулась в воду.

С рекой связаны мои самые светлые воспоминания. Я могла часами смотреть на воду и не замечала времени. И сколько там было в ней забавного и интересного. Жуки-плавунцы, усатые гальяны, существа, похожие на скорпионов, только очень маленькие. Игра света, тишина и звук бегущей воды, её удивительная песня.

Детство, детство... Светлая пора единения с природой, с миром. Когда нет понятия враждебности.

В тот день Толик (он был старше всех) поспорил с Санькой, кто из них самый смелый. Мы были «прекрасными дамами», и они нас должны были защищать от врагов. Толик всегда в душе был рыцарем. Я думаю, он остался таким до сих пор.

Всю дорогу с реки Толик с Санькой спорили, размахивали руками, призывали в свидетели Нину с Наташей. Нас с Олякой в свидетели не брали. Мы были самые младшие и нас можно было «подкупить конфетами».

В самый разгар спора поднялся сильный ветер. И тогда мы увидели, что начинается гроза.

Толик закричал:

– Торнадо, приближается торнадо! Всем в укрытие!

Мы побежали к нам домой. И только мы запрыгнули на крыльцо, как грянул гром и пошёл такой ливень, что земли было не видно.

Толик с умным видом провозгласил:

– Начался сезон дождей. Теперь охоту на аллигаторов придётся отложить.

Амазонка выйдет из берегов и зальет всё устье. Но хуже всего то, что гигантские анаконды будут подплывать к самым хижинам индейцев.

Толик был очень начитанным мальчиком. Мы слушали его, затаив дыхание. А при упоминании о гигантских анакондах все бросились в дом.

Снаружи бушевал ветер, гремел гром, было почти темно. А мы сидели на кухне, закрыв двери на все крючки. Было здорово страшно и интересно.

Тут с чердака послышались странные звуки, какая-то возня и писк. Кто-то вспомнил детектив о трёх поросятах. И все почему-то посмотрели на нас с Олей. Наверное, мы были самые «молочные».

Толик с Санькой взяли в руки все ножи и вилки, какие нашлись у нас в доме, и решили идти на чердак, чтобы сразиться с «тем, кто сидит наверху». Я представляла «того, кто сидит наверху» очень страшным, чёрным и лохматым. У него были огромные горящие глаза. Я знала, что его очень трудно поймать, потому что он может становиться невидимым. И ещё «тот, кто сидит наверху» не боится ни вилок, ни ножей. Он боится чего-то другого. А чего, я тогда не знала.

Уже будучи взрослыми, мы с сестрой несколько раз ездили в Сокольское, на родину нашего отца, словно подчиняясь зову предков (это сейчас Сокольское – Нижегородская область, а в пору моего детства оно принадлежало к нашей, Ивановской).

Левобережье Волги отличается от нашего привычного представления о Волге правобережной. Кажется, что это совершенно другая река, с другим характером.

А какие там песчаные отмели! Идешь далеко-далеко, а всё мелко и дно видать. И вода чистая-чистая. Почва песчаная, и грязи почти не бывает.

Нашим гидом была двоюродная сестра Лида. Она водила нас за черникой и земляникой. Она же познакомила нас с Галашиной Серафимой Ивановной из д. Солищи Сокольского района, которая и стала прообразом тётки Дарьи.

Дом у тётки Дарьи был добротный, высокий. Сама хозяйка гостеприимная и добродушная. Вечером мы все собрались у самовара. Тетка Дарья угощала нас домашней наливкой и пирогом с малиной. А потом шёл душевный разговор. Похоже было, что хозяйка устала от одиночества и была нам несказанно рада. Мы же слушали хозяйку с раскрытыми ртами, да и было что послушать. Её истории были сами по себе необычны, а местный выговор придавал рассказам особый колорит. Живая от природы, подвижная и смешливая, она изображала всё так натурально, что мы хохотали до слёз. Попытаюсь по памяти воспроизвести некоторые из её рассказов.

Рассказ первый

КАК ТЁТКА ДАРЬЯ ВОРА ЛОВИЛА

Повадился ко мне курей воровать чей-то пёс. Уж я и клетушку запирала, и ворота санями припирала. Всё едино – обманет, окаянной, и курёнка уташит. Сижусь с вечера, жду. Как заслышу на дворе шум – я с лампой туда. Но только хвост и мелькнёт.

Я всё на соседского Полкана грешила. Но Тарас Манькин мне одно толдычет, что ихней пёс на цепи всю неделю. Ну, я думаю, не я буду, если вора не изловлю.

И ведь уследила! И хошь на дворе потёмки были, изловчилась я и ухватила эту псину за хвост, крепко ухватила. А он, этакий здороветня (отгелся на моих курах), через весь двор меня проташшил и – под ворота. И я, со всего-то размаху, в воротину лбом – хрясь!.. Аж в глазах померкло. Тут я хвост-то из рук и выпустила.

Утром головушка моя распухла, ломота. На лбу шишка огромная, а под глазами круги синие. А ить скотину-то поить надо. Взяла я коромысел и – по воду. А Манькин Тарас у свово дому снег кидат.

– Что это ты, – говорит, – Даша, мне не кланяешься?

А я ему в ответ:

– Тьфу на тебя, кланяться! И на твою Полкашку-вора! Глянь, что со мной сотворил твой пёс-разбойник! Убил! Убил! Начисто убил! Чуть не вусмерть! И последнюю курчёнку со двора снёс!

Ну, Тарас божиться. Повел меня к ихнему дому.

– Гляди, – говорит, – вишь, Полкан на цепи. И следу круг его нету. Снег с вечера шёл. Не мог я его с утра на цепь посадить.

Гляжу я на ихнего пса, и сумление меня берёт. Уж больно хил. Не мог меня этот пёс через весь двор пропереть. Я – женщина тельная, крепкая.

Пошли мы с Манькиным Тарасом к моему дому. Я ему на следы кажу:

– Смотри, смотри. Вот он со двора вышел. Вот и кровь на снегу.

Присел Тарас на корточки, в затылке почесал, а потом и говорит мне таким загадочным голосом:

– Эвона что... Знаешь, Дарья? А ведь следы-то волчьи...

У меня от этих слов внутри всё захолонуло. Особливо как вспомню, что я этого волка за хвост таскала, так до сих пор лоб чешется.

Рассказ второй

КАК ТЁТКА ДАРЬЯ СО СВАДЬБЫ ШЛА

А то было дело почище. Уж на что я баба озорная, а и то струхнула.

Зима тогда тёплая была. Подморозит, распустит, опять подберет, снова распустит. Пропивали мы Манькину племянницу. Уж я и плясала! А плясать я страсть как люблю. И гармонист, что огонь, так и зажигат, так и поднариват. Ну, время полночь. Все путны гости разошлись. И мне пора честь знать. Подалася я к дому. Иду, снежком прикусываю да приплясываю. А гармонь в голове так и играют. Жар во мне да кураж. Я тулуп распахнула...

Вышла я в поле. Гляжу, а впереди меня ещё какой-то гуляльщик справляется. Да плохо этак идёт. Всё больше на четвереньках. Ну, в голове у меня одна гармонь. Догоню, думаю, попутчика, пособлю ему прямо-то иттить.

Тут луна вышла. Светло, что днём. Я пошибче пошла. И только хотела окликнуть: погоду, мол, мил человек! Я те пособлю прямо-то иттить, с Божьей помощью! – Как вдруг будто кто мне по башке: хрясь! И умолкла гармонь-то. Словно очнулася я.

Гляжу – гдей-то я? Поле... Луна светит. Что-то впереди чернеет. А на снегу передо мною – следы. Все пять пальчиков видать.

И тут это «что-то» стало во весь рост... И вижу я, что не человек это вовсе, а медведь.

Вот уж тут я испужалась. Кажись, в жисть у меня такого страху не бывало. И до того мне враз холодно стало, что зубы застучали.

Как я назад бежала, не помню. Деревню на ноги подняла: шатун, мол, объявился!

Мужики медведя у пасеки завалили. В деревню на санях привезли. Ох и велик был! И страшен!

А я-то. Ну и дурна баба!

Рассказ третий**КАК ТЁТКА ДАРЬЯ МАЛИНУ СОБИРАЛА**

А вы пирог-то с малиной ешьте, ешьте! Её нынче у болота – страсть. Эта малина у меня особая, памятная. У меня по этой малине долго память будет. Во – на щеке след. Что? Хорош? А это всё дурь моя. В лесу живу, а ума не наживу.

Брала я эту малину на горях перед топью. Крупная малина, сладкая. И травы круг не много. Вдруг, слышу, шипит кто-то. Ну, думаю, не иначе – змейку потревожила. Они, бывает, в самый куст малиновый заберутся. Тоже, поди, ягоды сосут.

Ан нет, не похоже на змейку. Огляделася... Фу-ты ну-ты! Медвежонок! Высунул язычок и шипит на меня, как змейка. И этакой ладной да малохотной. Ну – игрушка плюшева. Я медвежонок в полшалок завернула, к себе прижала, словно робёночка. А он робеет. Сердечко-то – тук-тук, ровно у зайца. А я начала его тискать да приговаривать:

– Эвона, красотёнок мой лопухонькой! Пойдёшь ко мне жить?

А этот «красотёнок» как жвахнет меня лапой по щеке, будто пчёлка сжала. Я по щеке рукой провела. Гляжу – кровь. И тут мне будто кто со стороны говорит:

– А ведь медведица-то рядом ходит!

Сняла я тут быстренько с медвежонок свой полшалок, посадила его на пенёк. А сама – дёру! Бегу да ругаю себя:

– У, стара холера! Надумала с кем в игрушки играть, в дочки-матери!

А щеку меня научили куриным помётом смазать. Говорят, быстрее заживёт. Но я так и не мазала. А ну их. И так заживёт. Где мне помёту-то этого взять? Нету курей-то. Хотела обзавестись, да видно не к рукам.

Рассказ четвёртый**КАК ТЁТКА ДАРЬЯ ХОТЕЛА КУР ЗАВЕСТИ**

Купила я как-то десяток цыплят в Сокольском. Специально ездила. Привезла, посадила в решето. А они квёлые такие – примёрзли в дороге. Растопила я печь, а цыплёнок в решете и поставила на шесток. Пусть прогреются. Огонь не жарок. А сама приняла для сугреву, поди тоже иззябла, и прилегла на минутку. Ноги-то гудят. Но видно, с лекарством передозировочка вышла, я и уснула с дороги-то. Вскочила, а печь-то уж прогорает. Цыплёнки мои спеклись. Кверху лапками в решете лежат, и этак припахивает палёным-то.

Эх, и разозлилась я. Всех цыплёнок по одному в печь и покидала. Кидаю да приговариваю:

– Первый цыплёнок по-шёл, второй цыплёнок по-шёл. Третий – по-шёл...

А потом села и завыла. И цыплят жалко, и себя непутную.

Это что, тут я третьего дня четверть самогону об землю грохнула. Тоже ревела. И ведь первача. Чистая слеза.

У меня одно лекарство от всех болезней – самогон. Хоть внутрь, хоть растирать. Доктора-то – где они? Да и кому старуха нужна?

Уж мне как жалко было. И как из рук выскользнула? У, холера стара! Села я тодысь на порог и завыла, ровно по покойничку.

Владимир Клевцов

Владимир Клевцов – умный тонкий рассказчик хорошей школы Юрия Куранова и Юрия Казакова. Мы можем за быстрой сменой дней забывать этих замечательных мастеров, но русский-то человек их любимой складки, кого они слышали так хорошо, никуда не делся – эта томящаяся, часто сама себя не понимающая душа, эта прямота и поэзия, эта сердечная простота. Хотя время теснит этот характер и вообще норовит вывести русское сердце в «примечание», подменить его удобно европейским, легко управляемым. Но, слава Богу, пока писатели в России пишут этого трудного родного человека, он всё держится в жизни, и пустая множественность, насаждаемая вместо народа, всё не может окончательно восторжествовать, спотыкаясь о святое спасительное простосердечие, которое дороже декоративного уравнительного «ума».
Владимир Клевцов из «сопротивляющихся».

В. Курбатов.

КРИК В НОЧИ

Двадцатого июня, в канун верхушки белых ночей, когда томительно ждётся чего-то определённого – или окончательной ночи, или полного рассвета, а всё вокруг видится как сквозь накиннутую марлю, приехал в Псков из большого красивого села Константин Зарубин. Он работал завхозом в школе, и директриса отправила его в город за краской и стройматериалами для ремонта к новому учебному году.

Но было у Зарубина в городе и своё дело – купить дочери дорогие часики. Продавались часы и в сельском магазине, но Зарубин, которому казалось, что он уделяет дочери мало внимания, не хотел покупать у себя. Выбор здесь был невелик, и потом, подарок, привезённый издалека, имеет особый смысл и отдельную ценность и означает, что даритель помнит о тебе и в разлуке.

Собирали Зарубина в дорогу всем небольшим семейством – жена и тринадцатилетняя дочь Катя. Жена собирала основательно: тащила из шкафа и раскладывала на кровати всё прочное, тёплое и тесное.

– Куда, на Северный полюс едем? – чуть не со стоном спрашивал Константин. – Ты ещё пару кальсон с начёсом положи. А пиджак зачем? На улице тридцать градусов.

– Бери, может, с ночёвкой не выйдет, будешь на вокзале торчать, а ночи ещё холодные.

Жена стала складывать вещи. Делала она это с каким-то ожесточением, будто отталкивала Костю от себя, и ей казалось, что чем больше он возьмёт в дорогу вещей, тем дальше не вернется домой.

Костя понимал старания жены по-своему и был смущён и обрадован такой супружеской заботой, которой ему доставалось мало и нечасто.

– Какой вокзал, Таня, какой вокзал! Сказал же, у брата переночую.

– Брат... Он тебе не родной, а двоюродный, через колено перекинутый. Ждут тебя у брата, как же. От радости не будут знать, куда за стол усадить, куда спать положить.

Из своей комнаты вышла дочь Катя, как обычно, тихая и серьёзная, и, увидев её, разволнованный Костя сразу успокоился. Последние два часа она что-то там шила и вот, пожалуйста, принесла отцу кошелёк.

– Возьми, папа, чтобы деньги в дороге не потерять.

Катя часто делала ему маленькие подарки, хотела быть полезной, и у Константина полыхнуло и занялось всё внутри от благодарности. У него всегда так бывало при виде дочери: сначала полыхало, а потом сердце тяжело каменело. Каменело потому, что нормальное человеческое сердце не выдержало бы спокойно смотреть на её ножку. Ещё в детстве, в первом классе, дочку порвала собака, на ноге остались глубокие синеватые шрамы, но это ещё было полбеды: Константин почему-то считал, что нога из-за порванных жил начала сохнуть и, казалось, сквозь кожу уже видимо проступила кость.

Он осторожно взял кошелёк, похожий на перехваченный шнурком кисет – в таких раньше носили махорку.

– Да ты у меня рукодельница, доченька, и бисером вышила. Это что же за узор такой получился? – Костя говорил, не поднимая глаз, чтобы дочка не увидела выступившую влагу. – Тая, ты посмотри, что Катенька сама сшила.

Жена коротко взглянула и молча оттащила сумку к порогу – ревновала дочь к отцу.

– Это нас на уроках домоводства научили.

– Кто, Марья Витальевна?

– Конечно.

– Хорошая женщина.

– Скоро вязать начнём. – Дочь обрадовалась похвале отца, но осталась серьёзной. – Я тебе тогда носки свяжу.

– Спасибо, доченька, золотко. – Костя уже сколько лет разговаривал с ней как с маленькой: крохотуля, роднуля, доченька. Умом, конечно, понимал, что скоро Катя станет взрослой, но ничего не мог поделать; эти слова прочно остались с ним с тех пор, как дочь после укусов лежала в больнице.

Тогда Костя сидел рядом, сложив на коленях ладони, сутулясь, вглядываясь в дочкино лицо с запекшимися губами, ища там признаки облегчения от боли. Но признаки не находились, Катенька всхлипывая вздохнула, по крохотному тельцу под простыней пробежала дрожь, точно собака продолжала её рвать до сего времени, и Константину от бессилья становилось дурно.

Не доверяя чужим рукам, мучившим дочку уколами и перевязками, он, чтобы хоть на время вырвать из объятий боли, брал её к себе, баюкая, носил по палате и нащёптывал: «Потерпи, родненькая, не плачь, крохотная моя».

Наконец сборы окончились.

– Присядем на дорожку, – сказала жена.

Присели. Константин при дочери расшнуровал новенький кошелёк, положил туда деньги и спрятал во внутренний карман пиджака. Дочь молча наблюдала за ним, и Костю немного беспокоила и пугала её серьёзность.

Он не мог понять, о чём она постоянно думает. Порой казалось, что эта взрослая серьёзность оттого и происходит, что её занимает какая-то одна, но огромная мысль; она продумывает её всю до конца и возвращается к началу. Так и ходит по своему внутреннему кругу, и никак этот круг не разорвать. «Ничего, – успокоил он себя, – часики привезу, а потом посмотрим, что к чему».

Антон Порфирьев. Посёлок

Он поднялся, готовый к действию. Взял сумку с вещами, взял и вторую, где побрякивали предназначенные для брата банки с мёдом, и направился к выходу. Жена проводила его до дверей, дочь до ворот на улицу – и осталась смотреть вслед.

В городе Косте повезло. Как ни поздно, уже после обеда, он приехал, но успел побывать на двух оптовых базах, чтобы сравнить цены, заказал там, где подешевле, белой и голубой краски, гвоздей, стёкол, и ещё осталось время купить часы.

О часах он помнил каждую минуту и среди всех дел, отвлекаясь, представлял, как озарится при виде подарка лицо дочери тихой радостью. Она не бросится его обнимать, поблагодарит и будет весь вечер, не озабочивая родителей, переживать эту тихую радость наедине с собой.

Одно было плохо, перед одним он был беззащитен, хоть криком кричи, хоть крющься от боли. Это если обманут, всучат часы бракованные, которые сразу сломаются, и тогда у дочери на всю жизнь останется горечь, что хорошее тоже может быть с подвохом.

Но пока всё шло благополучно. Какой-то везучий выдался сегодня день, хотя Костя с непривычки и тревожился, что за удачей может наступить полоса невезения. Часов в магазине оказалось много: отдельно мужские и женские, отдельно настенные и будильники. И продавщица подошла сразу. И была она приветливая, с улыбающимися ясными глазами, словно ей только что сообщили радостную новость и она поспешила поделиться своей радостью с ним.

– Что будем выбирать?

– Мне бы что-нибудь в подарок.

Костя был убеждён, что в продавщицы идут строить за прилавком глазки и завлекать женихов. Но эта ладная девушка оказалась домовитой, видно было, всё

своё хорошее она держала при себе, не разбрасываясь на случайных покупателей. Она и улыбалась не завлекающе, а как бы понимая происходящее и одобряя его.

– Очень хорошо. А для кого подарок, для невесты?

Константину польстило, что в её глазах у него может быть невеста. Он замялся, не зная, что ответить, но девушка сама ответила за него:

– Всё ясно. Для любимой женщины. – И снова понимающе улыбнулась: мол, не надо смущаться. И Костя сразу проникся к ней доверием, точно они стали сообщниками.

Она достала с витрины коробочку, раскрыла и сама залюбовалась вырвавшимся изнутри сверканием.

– Советую эти, марки «Заря». Корпус золочёный, механические, никакой электроники. Солидные часы.

Костя снова ничего не сказал, только посмотрел на продавщицу с благодарностью, не сомневаясь, что если она сказала «солидные часы» – значит, солидные.

Из магазина он вышел слегка взволнованный. Грустно было, что никогда не увидит эту милую девушку, не пересекутся их пути, не подойдёт она к нему словно бы поделиться своей радостью.

Он оглядывался по сторонам – спешить никуда не хотелось. Вечерело, на улицах уже сворачивался солнечный блеск, и тротуары накрывала лёгкая тень.

Не хотелось в такой вечер спешить и к брату. Права жена Таня, не родной брат, двоюродный – рассчитайся через одного. Что хорошего сидеть у телевизора в тесноте и духоте, ни простора вокруг, ни вольного ветра. А хотелось сейчас именно простора и ветра.

Может, всё дело в том, что впервые выдался свободный, без забот, вечер. А забот нагрузилось под завязку. И на работе заботы, и дома. Новая директриса, тучная и властная женщина с немецкой фамилией, его невзлюбила, и он боялся увольнения. Жена дома словно радовалась его неприятностям, тому, что ревизия обнаружила пропажу со склада двух банок краски, и у неё в последнее время было злое и торжественное лицо.

И вот всё это как-то забылось. А остались только лето, вечер, белые ночи. Он и дома навиделся белых ночей – и когда плохо на душе, и когда хорошо, когда они кажутся ядовитыми, изматывающе-беспокойными, и когда в них разлит блаженный покой, точно спустились с неба белые холщовые одежды.

Но сейчас было другое, не хорошо и не плохо, а сделалось тесно, и дело не в ботинках, жавших весь день, – внутри было тесно. Так бы и вышел в чистое поле, крикнул во всю мощь, а потом с восторгом слушал, как по бесприютной равнине, отталкиваясь и переламываясь, носится треплемое ветром эхо.

Конечно, кричать в городе он бы не стал. Постеснялся бы людей. Простор тоже был не тот, куда ему, эху, лететь? Но захотелось из интереса найти место, где можно было бы крикнуть по-настоящему.

Он побрёл по парку, где остывший асфальт уже не прилипал к подошвам, и вышел на площадь. Место было широкое, но и здесь кричать – не тот масштаб. И, влекомый желанием обрести необходимое пространство, всё под горку и под горку, купив по дороге вина, отправился на берег реки Великой.

Костя сел на скамейку под старые развесистые ивы и стал смотреть на реку. Удобное было место: ты вроде невидим, зато тебе открыто кругом. Солнце уже заходило, и все окна, обращённые к закату, полыхали жарко и неистово, и, казалось, вот-вот разлетятся от этой неистовости на осколки.

А когда выпил, и совсем захоросело. Идущие мимо парочки смеялись – может, о своём, может, над ним, но он не обращал внимания и сам чему-то усмехался.

Доставая из сумки вино, увидел банки с мёдом и вспомнил, что собирался занести их брату. «Завтра и занесу», – подумал.

Он теперь не сомневался, что поступил правильно, решив не идти к нему ночевать. Брат в первые минуты, скорее всего, обрадовался бы его появлению, а потом бы весь вечер искал общие темы для разговора. А какие у них общие темы, если брат преподаёт в педагогическом институте, а он школьный завхоз, хотя и закончил в Пскове культурно-просветительское училище. Вспомнилась поговорка из тех лет: «Ума нет – поступай в пед, стыда нет – иди в мед, ни ума, ни стыда нет – иди в культпросвет».

Костя поудобнее устроился на широкой скамейке, чувствуя её устойчивую прочность. На такой и переночевать можно, не каменная, даже сквозь потёртую краску пробивается древесный дух. А у брата, словно оправдывался он, и со сном ничего бы не вышло. Уложили бы его на место кого-нибудь из племяшей, и тот, ворочаясь на раскладушке в кухне, проклинал бы его последними словами: «Припёрли черти родню»

Костя и сам не знал, сколько времени сидит и чего ждёт. И только когда окончательно стихло, не стало слышно шума проезжающих машин, а город забылся в лёгком прилетевшем сне белой ночи, понял, чего он ждал всё это время.

Светлая, как и небеса, лежала перед ним лента реки, и когда на середине выплёрывала рыба, были видны расходившиеся по воде круги. Он спустился к реке, прикинул расстояние до противоположного берега и, прижав к лицу ладони, зычно закричал: «О-го-го! Э-ге-гей!»

Эхо моментально, не найдя достаточного простора, вернулось, и он с огорчением убедился, что хотя река и называется Великой, места для крика в ширину мало и надо выплыть на середину и кричать в длину. Он почувствовал в себе силы одолеть её всю, от истока до устья.

Нашлась и лодка, навязанная на цепь и без замка. Откуда-то в руках появилась доска, и, загребая доской вместо вёсел, Костя выплыл на середину. Он встал во весь рост, повернулся к югу, снова закричал: «О-го-го! Э-ге-гей!» – и сладко замер от восторга, представляя, как летит над водой его свободный голос, минуя пороги, омуты, мосты, вспугивая заснувших на деревьях птиц, до самого истока, до могучих Бежаницких холмов.

После этого Костя стал ждать возвращения эха, и в какой-то миг ему показалось, что по воде пробежала рябь и горевшие бледным светом фонари на набережной мигнули. А может, это было не эхо, может, другой человек на другом конце ответил ему с вершины холмов: «О-го-го! Э-ге-гей!»

Откричавшись на юг, Костя повернулся к северу, и опять полетел его голос, теперь над широкими просторами Чудского озера, к городку Гдову.

Долго ли он кричал, Костя не помнил, хотелось, пока есть силы, попробовать ещё. А с набережной давно сигналила машина, у воды стояли два милиционера, махали руками, заливались в свистки и ругались:

– Эй, ты, там, рупор хренов! Закрывайся и греби сюда.

Ошеломлённый происходящим с ним, Костя не сразу сообразил, что обращаются к нему, только подосадовал, что нарушился его внутренний лад с ночью и рекой.

– Не могу, вёсел нет, – ответил он, решив не уступать.

– Греби, гад, а то поймаем и утопим.

– А ты поймай, – засмеялся Костя. Он допил вино, бережно положил пустую бутылку и погрёб к противоположному берегу – подальше от милиционеров.

По пути он остановился и крикнул особенно зычно, так что в ушах сначала зазвенело, а потом зашуршало, когда воротилось обессиленное дальней дорогой эхо. Странное дело, но после криков ему стало легче. Скопившаяся тяжесть с каждым разом отлетала, растворяясь в белесом воздухе белой ночи. Такое чувство, наверное, испытывает лошадь, когда её выпрягают из телеги с непосильной поклажей и она делает первые шаги на ещё дрожащих от напряжения ногах. Вот и на милиционеров было не страшно, только смешно смотреть, как они суетятся на берегу.

Костя снова погрёб, а сам посматривал через плечо, что они будут делать. Милиционеры сели в машину и уехали, и вскоре он увидел их на мосту – они переезжали реку, чтобы ожидать его у другого берега. Костя повернулся и поплыл обратно. Началась игра в пятнашки: милиционеры пытались его запятнать, переезжая с одного берега на другой, а он ускользал, проделывая тот же путь в лодке.

Иногда до него доносились прежние угрозы:

- Поймаем – утопим, поплавок. До конца дежурства ловить будем.
- Не понимаю. Кричали у вас слабые, плохо слышу.
- Сейчас хорошо услышишь.
- Нет, ты крикни, крикни, подай голос.
- ...Дай только добраться.

Наконец Косте надоело плавать туда и обратно и он остановился на середине. Лодку начало потихоньку сносить течением к мосту. Костя устал, сказывалась беспокойная ночь, тянуло в сон. Поднялся ветер, по воде, обгоняя лодку, пробежала рябь, сделалось холоднее.

Костя сидел и смотрел, как надвигается на него громада моста и как у края земли робко обозначилась заря, точно кто-то пролетел и оставил на небе мимолётный поцелуй. Величествен был предрассветный час, и все, кто в этот миг смотрел на небо, словно присутствовали при зарождении жизни. А потом заря стала разгораться всё ярче и ярче, и в том, что поднималась она в небо в полной тишине, тоже было что-то загадочное и волнующее.

– Ладно, чего там, давай причаливай, – крикнули милиционеры уже миролюбиво.

И они, видно, заморились, уселись на парапет и молча наблюдали, как подплывает Костя.

– Лодку поставь, где взял.

Костя привязал лодку на цепь, поднялся к милиционерам и сел рядом.

– Ну что, накричался? Легче стало?

– Легче.

– А сейчас куда?

– Домой поеду, я в районе живу.

– Езжай...

Костя достал из сумки четыре банки мёда и поставил перед милиционерами.

– Это вам. За труды.

Милиционеры усмехнулись, взяли банки и отнесли к машине. Напоследок, собираясь уезжать, сказали:

– Погонял ты нас, рупор. А за мёд спасибо.

Заскочив к брату, чтобы отдать оставшийся мёд, Костя через два часа уже ехал на автобусе домой. Окошки в автобусе были открыты. Лёгкость и прохлада белой ночи улетучивались, наваливался жаркий полдень, с полей в лицо дышало горячим запахом сухой земли.

Костя с усмешкой, ещё сохранив остатки игривого настроения, вспомнил о своих ночных криках на реке. Почудил он вчера, почудил... Было немного стыдно, но и спокойно, точно наконец-то сделал необходимое дело, и теперь, когда вышла дурь, на освободившееся место можно было устроить другие, неотложные дела.

Дорога шла полем, потом лесом, места были незнакомые, но уже тем хороши, что, проехав их, он приближался к родным полям и лесам.

Он как-то забыл о доме, и вдруг возле сердца забилась, запульсировала живая ниточка. Ему показалось, что сейчас о нём подумала дочка. Как если бы они были связаны этой нитью, и когда дочка подумала, в нём неминуемо отозвалось. Это было вроде эха.

Жалость к дочери снова охватила Костю. Не скорбная жалость, а светлая, когда, сколько ни думай, ни пугай себя, выходит не так плохо. Пройдёт время, дочь вырастет, перейдёт во взрослую жизнь, где порой бьют жестоко, и ей придётся испытать это с лихвой. Но когда это будет? Ещё не скоро... Слава Богу, не так скоро, чтобы заглядывать вперёд.

«Жди, дочуша, сейчас приеду», – мысленно окликнул он её, и она тоже откликнулась, потому что у сердца вновь затрепетало живое.

СТАРАЯ ЯБЛОНЯ

Это только считается, что яблони ничего не чувствуют, проживая веками в безголосом и слепом неведении, равнодушные к себе и остальному миру. Идущий в лес человек с топором и не знает, как напрягаются, застывают в немом крике деревья и как отходят, потревоженно вздрагивают листвою, точно переводя дух, когда лесоруб проходит мимо.

Но это лесные деревья, а она, в отличие от вольных своих соседок, всегда жила при человеке – за забором в саду. Огромный мир цветущих, зеленеющих, тянущихся ввысь растений окружал её, и она всегда ощущала его присутствие, считала своим, как своими были греющий свет солнца и земля. В саду росло много деревьев, и на рассвете, при полном безветрии, вдруг начинала шелестеть листвою одна яблоня, потом другая, шелест переходил на сливы и вишни, и вскоре могло показаться, что все растения тихо переговариваются друг с другом.

Однажды весной люди накопили глубоких ям, положили на дно глины, унавозили и посадили её вместе с другими в землю. Она не ощутила никаких перемен, находясь ещё во сне и неведении своей судьбы. Беспомощная, как любое дерево, она покорно сносила всё, что с ней делали. Но раннее апрельское солнце изливало тепло и свет, перегной согревал корни, и вскоре в её прутике-тельце произошёл живительный толчок, всё внутри сдвинулось с места, и терпкие соки земли заструились по усохшим было жилам, питая набухавшие с каждым днём почки.

Она выросла в питомнике, в тесноте, где со всех сторон её сжимали другие саженцы. А тут впервые ощутила простор и сначала распрямила, а потом решительно и широко развесила ветви, успокоенная отсутствием препятствий, и уже через месяц озеленилась мелкой, жёсткой на ощупь листвою.

Первые два лета она прожила с ощущением бесконечной радости. Всё в мире было устроено разумно и с пользой для неё. Если даже не светило солнце, то лил дождь и земля под ней пропускала воду к самым корням. Ближе к зиме солнце переставало греть, лучи лишь скользили по стволу, не одаривая теплом. Но и тут мудрая забота природы не оставляла её: с началом холодов движение соков замедлялось, она сбрасывала листву и засыпала, чтобы не знать лютых морозов.

Зато как радостно было весеннее пробуждение, сколько летних дней ожидалось впереди. Она догадывалась, что мир широк и необъятен, и чувствовала это по лучам солнца, идущим откуда-то издали, чувствовала и в пролетевшем ветре, шелестевшем её листвою и уносившемся в неведомые дали. Она как бы купалась в этом необъятном просторе, не мучаясь оттого, что вынуждена оставаться без движения.

Древесная память её знала, что будут и жара, и рокошующие грозы с ливнями, и пасмурные дни с обложными неторопливыми дождями и низкой дымкой над землёй, когда каждая капля падает не куда придётся, а только в одно ей отведённое место.

На пятое лето с ней произошло важное событие. Ветви её вытянулись вверх, загустели и переплелись в узор, чем-то похожий на тот, который осенью ткут на деревьях и в траве пауки. В этом году она впервые обильно зацвела. Целую неделю, привлечённые сладким запахом, над ней сновали пчёлы, и прикосновение их лапок и хоботков было необыкновенно приятным. Потом цвет опал, и вскоре она почувствовала незнакомую прежде тяжесть на ветвях. К концу лета тяжесть стала почти невыносимой. Ветви, казалось, вот-вот вывернутся из суставов или обломятся, а наливавшиеся с каждым днём яблоки продолжали тянуть вниз.

Антон Порфирьев. Дождь

Теперь она уже ничем не напоминала прежнюю высокую яблоньку с густой листвой, сквозь которую почти не было видно ствола. Она раздалась вширь и как бы расплющилась под тяжестью плодов.

С тех пор прошло много времени. Сколько бесприютных зим пронеслось над ней, которое по счёту лето стояла она одиноко? К старости просыпаться и оттаивать становилось всё труднее, всё мучительнее. Первым ощущением её была боль в повреждённой, потрескавшейся от мороза коре. Уже давно зеленела трава, цвели по всему саду золотоголовые одуванчики, уже дышали длинноногие юные берёзы и в воздухе витал запах нежной горечи их кротких листьев, а она никак не могла разогнать соки и с опозданием с трудом выталкивала из себя жёсткую листву. Но потом, догоняя сроки, раскидывалась бледно-розовым цветом, скрывавшим засохшие и поломанные сучья, которые теперь если и напоминали паутину, то потревоженную, набитую всяким мусором, и по-прежнему целую неделю над ней кружились, жужжали пчёлы.

* * *

У Егора Стрелкова по дороге в деревню Лужино, где он когда-то вырос, дважды проверяли документы. Сначала остановил на городском автовокзале дежурный милиционер, заметив его синие от наколок пальцы, потом в райцентре привязался участковый. Приехав в райцентр, Егор сходил на могилу родителей и уже собрался направиться к автобусной остановке, чтобы ехать обратно, как на пути у него и возник этот участковый. Прищурился точно нацеленный глаз, он сказал:

– Покажи-ка паспорт.

– Что, не вызываю доверия? А я, между прочим, местный, из Лужина.

Егор, сдерживая кипевшую внутри ярость, улыбнулся через силу. После возвращения из тюрьмы ему всё виделось в мрачном свете, всё вызывало раздраже-

ние, подбрасывало уголёк в топку, где уже много лет бурлило варево из обид. Егор знал, что когда-нибудь болты не выдержат, с котла сорвёт крышку и варево это выплеснется наружу. Что будет потом, он не представлял. Может, врежет такому вот участковому промеж глаз, а может, сделает чего похуже.

Милиционер, не найдя в паспорте никаких нарушений – даже прописка была, вернул документ и недовольно поглядел на Егора.

– Куда сейчас направляешься?

– В Лужино, – неожиданно для себя решил Егор. – Я же сказал, что местный. А что, нельзя?

– Почему же нельзя? Только там никто не живёт.

Милиционеру было жалко отпускать Егора, не допросив как следует. Кто знает, что он за человек. Может, он это Лужино собрался подпалить, или рыбу в озере отравит. Но, с другой стороны, документы в порядке. Он ещё раз заглянул в паспорт, чтобы запомнить фамилию и адрес.

– Ладно, топай.

И Егор, сутулясь, «потопал», спиной чувствуя нацеленный милицейский взгляд, и если бы сейчас раздался выстрел, он бы несколько не удивился – такая ему выпала судьба.

Странно, но не будь этой встречи с участковым, он бы сегодня вернулся в город, а сейчас даже был рад, что не вернулся. Но не наперекор же участковому он направился в Лужино. Значит, что-то заставило, подтолкнуло его, значит, само собой пришло время туда пойти. И сейчас он словно бы нёс в Лужино свой проклятый котёл с кипевшими обидами, надеясь, что в родной деревне они схлынут, рассеются, как на нет сходит под лучами солнца болотный туман.

На полпути, ближе к вечеру, его застала гроза. Осенние грозы – большая редкость, но Егор снова этому не удивился: судьба, ничего не попишешь, раз пошли неприятности – вали всё в одну кучу. Он только крепче закрутил на своём котле болты, чтобы не начать тут же с перебором материться – не хотелось похабиться, тем более что места пошли узнаваемые с детства, и молча смотрел на тучу, впереди которой бежали клокастые облака. Прогрохотал гром, небесный чистый лик исчез, и на смену ему, казалось, сунулась сверху чья-то заросшая харя, с гривой волос, с густыми бровями и разлохмаченной, скошенной набок бородой.

От дождя он спрятался в скирде свежей соломы, там и остался ночевать, а в Лужине появился только к утру.

Егор уже подходил, когда взшло солнце и мокрая листва холодно осветилась, ещё больше усиливая сырую бесприютность утра. Дорога взобралась на пригорок, оттуда были видны почерневшие крыши Лужина, и он тут же с беспокойством стал высматривать родную крышу, хотя знал, что не найдёт её. Ещё когда уезжали из Лужина последние жители и родители перебрались в райцентр, отец писал ему в армию, что старый дом пришлось разобрать на дрова, потому как из-за переезда лишних денег у них не осталось, а дрова на новом месте стоили дорого. А ещё через год, за месяц до дембеля, ему сообщили, что мама с папой умерли. Спасибо тогда ротному, уговорившему командиров вместо побывки отпустить его из армии раньше срока.

Егор долго ходил по улице, угадывая, где чей дом и кто из соседей жил на этом месте, а кто на другом. Часть домов была разобрана, другие раскатились сами, а те, что ещё стояли, чуть не до самых крыш заросли ликующей в своей безнаказанности крапивой. Какими же одичалыми могут быть места, когда-то обжитые, а затем покинутые человеком! И тишина, воцарившаяся в Лужине, была не той

благостной тишиной, что в лесу или поле, готовой радостно отозваться на любой звук, а тяжёлой и давящей, точно в подполье.

Наконец он добрался до своего сада, дивясь тому, что дома нет, а ветхий забор ещё держится, уселся под яблоню и всё ждал, когда шелохнётся душа. Но того, что ему думалось дорогой – как откроется краник в котле и потихоньку, без взрыва, вытекут наружу все обиды, – не происходило. От утреннего холода и сырой земли его била крупная дрожь. Чтобы согреться, он отхлебнул самогона, закусил сорванным с ветки яблоком.

Потом направился к озеру, уже во всю ширь озарённому солнцем, с бегущим над водой туманом. А рядом с этой чистой водной гладью, в которой белоствольно отражались берёзы, оставленная за спиной деревня окончательно показалась ему чужой, словно он там никогда и не жил.

Здесь он тоже долго сидел, бездумно глядя перед собой.

Солнце поднималось всё выше, но жарко не было, а установилась та ласковая осенняя теплынь, когда в сверкающем воздухе начинает летать паутина. Выплыл на лодке невесть откуда взявшийся рыбак и стал ловить рыбу. Каждые пять минут он взмахивал руками, в которых держал невидимую издали удочку, и, словно выманиваемая этим движением, из воды выскальзывала трепещущая рыба и по воздуху летела прямо в лодку.

Егор допил самогон, положил бутылку в рюкзак и побрёл вдоль берега. В город ему возвращаться не хотелось – там опять будут копиться злоба и раздражение, пока не накроют его с головой.

Но должны быть какие-то другие, нездешние места? Должны. Ведь так велика Россия.

А старая яблоня ждала его появления и на следующее утро, и ещё много дней, пока держалась на ветвях скукожившаяся листва и не опали в жёлтую спутанную траву последние яблоки.

Александр Тажбулатов

Этот персонаж – Петрович – родился у меня как комментарий к разным новостным сайтам. От своего имени много теперь не скажешь. То есть скажешь, да кто слушать будет. Все говорят – и всё кажется субъективно. Вот я и спрятался за псевдоним. И за чужой возраст спрятался. Авось старого человека лучше послушают. Прости, Петрович!..

От Петровича

ПРО КЛАДБИЩЕ

В 1989 году кладбище у нас разрыли, в заречье, польское, там военнопленные поляки лежали. Кости бульдозером все порушили, волосы, вперемешку всё было, будто огрызки у миски собачьей. Я тогда подумал, а чтоб вас, господин хороший, что приказал сделать это, тоже вот эдак, без могилки и без памяти людской оставить, каково бы это было?

Я это к чему, к тому, что оно, конечно, можно и стоя покойников ставить, и даже гроб не делать, как в одном селе в горах Алтайских, Богом и людьми забытом, пару лет назад старика схоронили, в одной рубаше. Денег на гроб то ли не было, то ли соседи пропили «с горя», неважно, главное – схоронили хотя бы. Так что можно и без гроба, можно не по-нашему – в печку, тогда праху щепоть вообще в гербарий поместится между листов бумажных, можно даже не хоронить, а как монголы делали, воронам выкидывать, а кладбища тогда все упразднить за ненужностью. Только, люди добрые, объясните мне, непонятливому, а мы тут ничего не перепутали? Историю, предков наших, дела их, веру, Родину?

С уважением, Петрович.

ПРО ЛЕС

«Неистощительное, всегда прирастающее использование»? Ой ли? Высечка леса идет по деревьям лучшего качества, а «прирост» за счёт дешёвых пород древесины. Сруби сосенку, на её месте через пару лет всё осинкой зарастет, а лет через пяток там уже не лес будет, а прутьев осиновых частокол, и зверь и птица, к сосне привычные, уже уйдут куда глаза глядят, вот вам и «неистощительное».

Вырубка выгодное дело, малозатратное по сравнению с лесовосстановлением. Чтобы вид приличный лесу вернуть, денег надо немало, и кому это надо теперь? Все эти, в кабинетах высоких которые сиднем сидят, они Россию родиной не считают, она им давно корова дойная, а наши леса они видят только в виде пилмата или, в крайнем, углей для шашлыка.

С уважением, Петрович.

ПРО СВЯТОТАТСТВО

Страна подделок. Иконы православные теперь штампуют в братском Китае, что дает повод задуматься сильно, а что же такое святотатство? «Где ни церковь, ни кабак, ничего не свято», – это еще Володя когда-то пел, что, не изменилось ничего? Где теперь святые? Или всех уже вынесли, за кордон, в лавки антикварные?

Лампаду не зажжёшь, пламя трещит, черти гуляют вольно, нищий у нищего крадёт, детей отравили ядом безразличия, язык у них отняли родной. Государства нет как института власти, есть только горстка людей и система нефтепроводов. Что ж дальше-то? Ложись и помирай? Только кричать охота: люди, где вы?

С уважением, Петрович.

ПРО ТЕМНОТУ

Во все времена в России никогда не было света достаточно. Все втёмную живем, боимся чего-то, света боимся, будто глаза у нас какой болячкой болят, что свет нам вреден. И люди во все времена у нас специальные были, те, что всегда свет «вовремя» выключить готовы. То опричнина, то охранка, то чека, и ведь идеология у них какая-никакая у всех как палочка-выручалочка имелаась. Мол, общее дело всё спешит, работаем дальше, не тормозим совестью, она нам – рудимент. Чётко всё и по-военному, и оправдание всегда под рукой – приказ. Неплохое изобретение человечества – солдат, ни мысли, ни разума не надо. Всего одно слово нужно знать – вперёд.

Вот и выключают свет эти люди, что за светом приглядывают по долгу службы. А кому служат? Зарплате своей? Детям своим или, может, идеологии какой новой? Кому? Или люди простые все по Макиавелли должны жить, как и власть? Все свою игру играют, все смотрят только вперёд, назад смотреть некогда. В память свою никто не глядит. Незачем. Да и риск есть назад глянуть и напороться на взгляд совести своей, а уж она умеет посмотреть, второй раз не захочешь.

Но не до совести теперь. Теперь всё деньги решают. И власть, что денег слаще и страшнее, душу вяжет в узлы. Господи, за что ты нас всех так? Неужто тот грех с яблоком до сих не прощён нам? За что так нашу землю? Почему люди зверей хуже становятся? Друг друга через деньги видят и света не просят, почему? Зачем нам тогда глаза дал? Чтобы мы их закрытыми держали?

А «выключатели» и сами света боятся, и нам не дают. Но страшнее всего, что не только они нам глаза-то прикрывают, мы сами за страхом своим, как за печной заслонкой, научились слепыми быть и глухими, лишь бы тепло и сухо. И спокойно. Только спокойно не получится. Ложь вокруг. Яркая и громкая. И страх как заслонка.

С уважением, Петрович.

ПРО ДОСТАТОЧНО ВЗРОСЛЫХ РЕБЯТ

«Достаточно взрослые ребята» придумали неплохо. Один сел на армию, один на Лубянку, один на правительство, а одного для красоты в серёдку помести-

ли, надо же кому-то по красной дорожке ходить, а то люди подумают, что мы «безголовые».

Но в том-то и затыка, что не всё на этой дорожке ровно и гладко. Тот, что на армии сидит, у него амбиций через край, а его на дорожку красную не пустили, мол, рожей не вышел, он это помнит, не забудет. Там, на правительстве, веревочек, чтоб управлять тем, который посередке, достаточно, ручки у него связаны, да и Феликс на помойке не спит, но комплекс бонапартовский может сработать паршивую шутку.

В общем, компания подобралась – один другого забавней, но посередке у них не просто дорожка красная, там, под ковриком этим, речка нефтяная бежит, а берега у той речки узкие, такой оравой не поместиться, и ой как на тех берегах стоять скользко, а ежели кто из компании этой тёпленькой вдруг поскользнётся, то руку ему подать некому будет, наоборот, подтолкнут только, чтоб летел дальше, и вот об этом-то каждый из них даже во сне помнит.

С уважением, Петрович.

ПРО «МУНДИРЫ»

В России подлог – явление частое, а в нынешние времена постоянное. Вот, на 9 мая взойдут в очередной раз на могильник наши верхние, чтобы ручкой помахать и с чужой им Победы сливки поснимать. Воровство это настоящее и беззащитное. А потом они же будут кричать про воинскую славу России, лапать её своими руками, мусолить и слонявить бесстыдно и пьяно, как будто она девка придорожная.

Поменяли нам давно славу русского оружия на «мундиры». Теперь ведь все кому не лень в мундирах ходят – налоговая, таможня, иные прочие. Используют бессовестно уважение народа генетическое к мундиру, к славе воинской нашей. А посмотришь в нутро, в мундир посмотришь, а там вша сидит, чиновник, который никогда не имел и не будет иметь отношения к тем делам наших предков, которыми мы гордиться можем.

С уважением, Петрович.

ПРО «ПАТРИОТИЗМ»

Слава Богу, что в Бийске недостаток клубов этих «военно-патриотических». Может, хоть немного больше в России нормальных людей будет. Господи, спаси Россию от этих мундиров, им ведь война – мать родна, они только ать-два думать умеют. Школ кадетских наплодили и говорят: это патриотизм. А вот лично я думаю, что патриотизм – это когда дети умные растут, умнее прочих, в науках сильные, умелые в работе, вот он – патриотизм. Им тогда будет за что Родину любить, потому как своими руками и головешкой своей смогут что-то сделать для Родины своей, за что им не стыдно будет. Вот за это они и сами, без всяких «патриотических» школ, Россию любить будут, их не надо будет учить через прицел автоматный «любовь» проявлять.

А военное дело нынче тонкое, точное, и ежели все силы бросить на демагогию «патриотическую», то чем потом думать-то будем, сапогами? Так ведь с такими мозгами оружия современного не создашь, вот вам и патриотизм ваш весь, до копейки.

С уважением, Петрович.

ПРО ПТИЦУ СЧАСТЬЯ

Не может Россия рассудком жить. Который уже век пробует, но не выходит ничего из того хорошего. Вот что плохо. Смысл здравый не в почёте у нас, всё птицу счастья ловить пытаемся, то в лотерею, то по телевизору, а то и просто рукой, как муху назойливую. А может, и не надо нам рассудка-то, может, просто смотреть нутром на всё вокруг, и что душе мешает, то и править? Что, сердца у нас мало? Это там, на западе ихнем, они, ежели в гости идут, заранее меню обговаривают и едят в этих «гостях» только на свои кровные, прагматизмом это у них называется; что, тоже будем капусту квашеную на стол ставить каждый из кадушки своей? Не знаю я сам, как надо, как правильно, но чую, не то происходит, будто народу в сердце кто новокаин литрами закачивает.

С уважением, Петрович.

ПРО ПАМЯТЬ

В России одна большая беда всегда была. Как приходит очередной правитель – всё, что до него, рубит под корень, а себя объявляет истиной абсолютной; а отрубает не только историю, он у людей память обрубает, вот и учимся каждый раз заново, и грабли те же получаются; вот о чём почаще вспоминать надо. А у нас национальное возрождение, по «неграмотности», видать, своей, власть заменяет на глазах наших национализмом, втихую, Гитлера вон на Красной площади уже продают, что, выход нашёлся? Тяжко объяснять слепому, что солнце – яркое, он этого слова не поймет просто.

С уважением, Петрович.

ПРО СТАЛИНА

В девяностом году у нас в старом центре вскрывали могильник с расстрелянными в те годы. Мне при раскопках довелось быть. Помню, калоши нам попадались, «Красный треугольник», сапоги были приличные, ортопедическая обувь даже встречалась, из разных сословий люди расстрелянные были. Стенка там до сих пор в дырках от пуль. Прямо перед стенкой траншея была, их всех туда и роняли. Потом ещё известью пересыпали, чтобы быстрее всё исчезло. Хоть и «хозяева» были эти упыри энкавэдэшники тогда, а всё одно боялись, чуяли, что творят. Кости, правда, остались.

Помню, нашли маленький такой медальон вроде, деревянный, с дырочкой для верёвочки, там на нем, видать, фото было приклеено, а на обратной стороне деревяшки надпись карандашная сохранилась, мол, дочка Верочка, и год – 1938. Фотка, конечно, истлела...

Череп все с дырками, и «контрольный» есть, не у всех, правда, но, видно, кого-то и добивать приходилось, стреляли-то сопляки-комсомольцы, стрелки «ворошиловские» – двоичники.

Причём тех комсомольцев не просто в расстрельную команду брали – их по «комсомольской путевке» направляли туда. В девяностом году один из них у нас в городе живой ещё был, а когда мы тот могильник вскрыли, да по городу всем известно стало о том, у этого расстрельщика клапан не выдержал, закрылся. Видно, «дочка Верочка» из 38-го года ручонку свою ему на грудь положила.

С уважением, Петрович.

ПРО ОХОТУ

Господа хорошие, для тех, кто не очень понимает, что такое охота, точнее, умеет увидеть только внешнюю её сторону, а ещё точнее – факт(ы) «убийства животных». Когда кушаешь говядину, конечно же, совершенно не обязательно вспоминать о том, откуда и, главное, КАК она попала в вашу многоуважаемую тарелку, но смысл от этого не изменится. Можно сколько угодно спорить о моральной стороне охоты, но с одной стороны всегда будет ханжество, а с другой – сама охота.

Трудно объяснить, что это такое – охота, но когда ты заберёшься в неизвестно какие дебри, сам, пройдёшь несчитано километров и честно, подчеркиваю, ЧЕСТНО выстрелишь и возьмёшь ЗАРАБОТАННОЕ, или, при тех же условиях, – НЕ станешь делать свой верный выстрел, просто потому, что в этот раз у тебя почему-то рука не поднялась к ружью, тебе просто захотелось посмотреть досыта на эту зверюгу или птичку, бывает и такое, – вот это, и то и другое, тоже охота, господа, а кто не понял, простите, не сумел объяснить, значит. Каюсь.

...Я совсем малой был, лет шести-семи, и были мы в гостях у одного хорошего человека, угощались дикой уткой. На середине круглого стола стояла деревянная миска, в неё полагалось складывать те дробины, что попадутся на зуб. Они потом снаряжались в патроны, одна «счастливая» дробинка на патрон. И мне, мальцу тогда совсем, дали ещё и настоящее ружье подержать, курковочку шестнадцатого «калибра», да про охоту за тем столом говорилось немало, что да как. Лет прошло от того стола ужас сколько, а всё одно: каждый раз, как утку добуду, за столом всегда дробинку ищу, как дитё малое. Вот вам и поймите.

С уважением, Петрович.

ПРО МЯСОРУБКУ

А вот это беда, господа. Большая. Как только народ делиться начинает, так сразу у кого-то вопросы возникают, например: «Как бы это нам, того, побольше отличий от других у себя изыскать?» И тогда начинает народ какой-нибудь измерять размеры черепа, а потом найдется Прокруст со своим «лекалом», мясорубкой своей, и всё пойдет как по маслу, с хрустом.

Вы знаете, как кости в мясорубке хрустят? Дед мой, память ему вечная, тот звук хорошо расслышал, когда в концлагере народ живьём хрустел. И ещё дед говорил: все хрустели, вне зависимости от признаков крови.

Эти-то ведь тоже культурой прикрывались да патриотизмом. Ту мясорубку запустить легко, она бесшумная поначалу, потом песни поёт, потом марши начинает, а вот остановить её трудно, она ведь мясом человеческим питается.

С уважением, Петрович.

ПРО ВЫБОРЫ»

Вот смотрю я по новостям, как, однако, публике узнать хочется, в какой форме её изнасиловали: в извращённой или классически – «народ снизу»? Ну, люди добрые, а на кой вам это знать-то? Что, есть надежда, что девственность вместе с честью вернутся?

С уважением, Петрович.

ПРО РОССИЮ

Мздоимцы из администраций всех уровней и всех и всяческих контор продаются всем подряд диаспорам, за живые деньги выводят отношения с ними вне закона, а после у нас вопрос возникает: кто виноват, что потом люди друг другу морды лупят или, того хуже, стреляют друг в друга? Как началось с девяностых это непотребство, когда какая-никакая идеология провалилась в тартарары, когда нация наша не нашла лидера, когда Православная церковь промолчала раз да другой, когда мы оказались все вдруг в «зоне», потому что бандиты, как в холодное лето 53-го, все вдруг перестали сидеть, а начали нам жизнь «налаживать» по «понятиям», – и кому мы теперь вопросы-то должны такие задавать? Себе самим?

Случилось у нас то, что не могло не случиться. Пока наш верховный любовь «всенародную» за наши же деньги, за нашу же нефть у нас же и покупал, конторы, бюрократия то бишь, под шумок власть взяли – власть, что по перечисленным выше причинам валялась, не нужная никому. Народу не до того было, не до власти, ему бы в то время жуткое выжить среди одичавших от воли блатных, хлебushка кусочек детям добыть, а эти вурдалаки бывшие партийные – ничего, они как по местам сидели, так и сидят, и про то, что демократия России «не по зубам», нам сказки рассказывают. А народ кушает то, что из телеков на него льют, пивом разбавленное.

Дети свой родной язык уже забудут скоро, какое им будущее? Нефть? Так она теперь вся конторская. Ведь гляньте, что ни контора нынче – так «киосками» обрастает на глазах, чтоб «законно» мзду собирать; что ни офис «государев» – то «таможня». Чиновники продаются «за недорого», в Чечне интенданты нашей армии продавали (и продают по сию пору) оружие боевикам – что, чечены в этом виноваты? А праздник, пир в деревне, когда у кого-то корова сдохла, – это что? Тоже кто-то виноват? Себе в глаза, в душу себе народ перестал заглядывать, хоть иногда бы посматривал, может, и вспомнил бы что путное.

А по случаю скажу, нет теперь у алтайцев леса, им Барнаул теперь распоряжается, в Онгудае (и это посередь-то тайги!) только в официальной конторе за очень дорого (дороже, чем в Бийске) можно было дрова купить зимой, друг у друга дрова воровали люди, вот как было.

И нет теперь у алтайцев зверя, им теперь Барнаул распоряжается, а ведь испокон веку алтайцы охотничали на своей земле. Их сегодня деньгами развратили лёгкими туристическими, а лёгкие деньги эти – яд, так же как якутам алкоголь. Давайте отнимем по праву административно-сильного всё, что осталось, что будет? Вот то-то и оно.

Поздравить нас всех можно – великая бюрократическая революция свершилась. Что дальше?

С уважением, Петрович.

ПРО ХЛЕБ

С сентября цены «держали», до «выборов» додержали, да кто ж при таких вот делах сможет солнце вилами долго держать? А «выборы» у нас, конечно, случились презабавные, ихний Бенни Хилл нервно курит, переодевшись в женское, а если бы ему довелось узнать, как у нас пошутить умеют...

Бабульку одну видел с месяц назад в магазине «пупермаркете»: пальто чистое, но выцветшее, когда-то зелёное, шляпка вязаная серая. Она минут пять у хлебной витрины согнувшись стояла, там, на нижней полке, хлеб подешевле выбирала. А когда она подошла к кассе и монетки выскребать стала из карманов, всё набрать не могла никак – в корзинке у неё, в уголке, лежал пакет молока, который без жира, дешёвый самый, и хлеба булка: выбрала, значит.

А я тут, следом, с полной корзиной всяческих продуктов подошёл – и не удержался, смотреть тошно, хоть иди назад все продукты выкладывай, кусок ведь в горло не полезет: полтинник ей даю, чтобы она рассчиталась, прямо в руку кладу бумажку. И вот если бы вы, господа хорошие, видели, как она посмотрела на меня. Видели бы те глаза. Это человека глаза, что в жизни милостыню не просил. Хоть и получила она от души, и не откинешь, и не до гордости, да и не милостыню ей дали, а помощь... Стою, оправдываюсь, мол, мне хватает, а вам лишним не будет, чтобы не обидеть человека случайно, а она смотрит и молчит, и деньги перед собой держит, или не верит, или не поняла сначала даже, зачем и почему, или понимать ей трудно было, не хотелось, наверное, понимать, что это милостыня почти, и стоит она, и не на деньги – на меня смотрит, а мне смотреть ей в глаза страшно, господа, и от стыда бы лучше заживо сгореть, только бы не видеть этого. Куда уж дальше-то шутить?

С уважением, Петрович.

ПРО ГОЛОДОМОР

Верховой пожар от низового отличается тем, что пролетел по верхушкам деревьев и погас, а низовой – он долго горит, до нутра земляного, в торфы уходит. Вот обиду и злобу выплескивать без разумения, одной гордыней руководствуясь, – это верховой пожар; внутрь, поглубже-то гляньте.

Там и Иосиф, там и предки, наши деды и их деды, и гибель их, и стенки по сию пору в дырках от тех пуль, что через чьи-то головушки бедовые пролетели, и небо с овчинку у ребенка десяти годков, что из ссылки, из Сибири глухой, с братом постарше бежал, да по дороге как зверь дикий по кустам и оврагам прятался, да радовался случайной коже сухой картофельной так, как нынешние чупа-чупсу не радуются. А бежал домой, откуда его дедушка Сталин в «счастливое детство» сибирское, ласковое отправил на веки вечные.

Вот за это надо каяться нам и нынешней власти, за голод тот страшный, за мор и за Беломор, за ложь надо каяться, за веру, расплёванную в угоду «идее высокой». Признания тех грехов, покаяния до сих не случилось – как у нас, так и на Украине. Везде, где с огнём и мечом новая жизнь прошла как борона, только щепки от людей летели. Вот за это, и в том числе за то, что врем по сию пору себе так, будто ненависть к себе самим испытываем беспредельную и презрение к себе самим выше нас стало, словно не хотим признать, что мы люди.

Вот о чём я говорил: просто думать не по верхушкам надо, а внутрь смотреть, в могилы всех тех, кто ушёл тогда, у них спрашивать, что делать дальше. Они расскажут так, будто гвоздь кованный ржавый в голову заколотят, чтобы не забыть, почему так случилось. Тогда глядишь и обойдется на сей раз.

С уважением, Петрович.

ПРО ТИШИНУ

Нищета правит бал. Нищета не только в карманах – в головах у людей поселилась, как сорняк, а совесть больше там не растёт. Потреблением сыты люди стали. И ведь не куском хлеба насущного чаще всего болеют теперь, а тем, что у кого-то он слаще.

Правда, изюм выковыривать из булки чужой у нас всегда получалось лучше, чем свой хлеб печь. А учителя работать не то чтобы не хотят – хотя и это есть, наверное, – но, главное, не знают, что им делать, чему детей учить, потому как сами не видят смысла ни в чём, кроме как купить что-то. Идеологии в государстве нету. Точнее, есть одна, нефтяная, и та не наша.

А нищета страшная штука. Вон, в новостях пишут, бабу мужик обокрал. Как, однако, человека сподобило? У старухи медали, последнее от её жизни, забрать. Про совесть тут и не вспомнишь. Дожили.

И ведь было время, когда языки колоколам рвали с корнем, чтобы тихо на Руси стало. Вот вам тишина и наступила.

С уважением, Петрович.

Бийск.

Рисунок автора

Елена Романенко

Родилась в 1974 году. Выпустила три книжки: «Мужики не собаки» (2000), «Лекарство от депрессии» (2001) и сборник рассказов о животных «Микекешин нос» (2001). Все издания в Челябинске. В 2006 году стала лауреатом международной литературной премии им. Януша Корчака.

Собачья жизнь

Отрывок

Мне давно хотелось рассказать о всех собаках, которых я когда-либо знала. Ведь они такие разные, такие интересные, ничуть не хуже нас, людей. Но написать обо всех знакомых мне людях я даже не помышляю – на это не хватит отпущенного мне срока. А вот описать собак, с которыми довелось познакомиться, – это вполне по силам. Многих уже нет в живых. Мне хочется, чтобы о них помнил кто-то ещё, кроме меня.

Однажды, вернувшись из школы, я обнаружила в углу коридора подстилку, а на ней чрезвычайно тихого щенка. Он только поблескивал умными глазками и слегка махал хвостиком, но с места встать не решался. Оказалось, его привезла бабушка, найдя где-то на станции и решив, что этот щенок как раз для меня. Они с мамой сидели на кухне и спорили – если можно назвать спором бабушкину благодушную убежденность, что собака мне необходима, и мамины нервную нерешительность и сомнения в целесообразности такого подарка. В итоге бабушка убедила маму, оговорив, что если что не так, она его заберет себе.

Мы сразу назвали щенка Тишкой за скромный нрав. Он был маленький, окрас как у чепрачной овчарки (если можно себе представить овчарку размером с кошку), только почти без черного цвета. Пушистый хвост, грудка, штанишки. Очень умные глаза и огромные рыжие уши. Одно из них в то время ещё не полностью поднялось, придавая псу особенно щенячий вид.

Каким-то образом он сразу понял, кто его хозяин, и признавал только меня. Мама потом рассказывала мне, что не раз пыталась накормить его в моё отсутствие, но Тишка стойко отказывался от еды, хотя никто его этому не учил. Ещё мама рассказывала, что во время уборок Тишка забивался под мою кровать и тихо рычал оттуда, если мама пыталась выгнать его тряпкой. Такой

маленький и такой бесстрашный. Действительно, у этого пёсика было просто львиное сердце.

На прогулках он готов был защищать меня от любой напасти, даже от огромных и злых овчарок с догами. Но я сама успевала схватить его на руки при такой встрече, особенно если здоровенную псину прогуливали без поводка. Тишка никогда не кидался в бой первым, он не был агрессором, но если бы овчарка подошла ко мне, он счёл бы своим долгом меня защищать, а это бы для него плохо кончилось.

Тишка умел шутить. Я часто разыгрывала подружек. Говорила:

– Попробуй подуть ему на нос.

Пёс секунду терпел, а потом неожиданно «кусал» за нос своего «мучителя». Но кусал не взаправду, конечно. Просто делал резкий рывок, и перед глазами опешившего человека мелькала чёрная собачья пасть. Это походило на выпрыгивание чёртика из коробочки. Люди пугались, но всегда потом смеялись. Потому что даже если человек не успевал отдернуться, максимум, что грозило его лицу, – это совершенно нежное прикосновение собачьего языка.

Тишка был вполне дружелюбным псом, он хорошо уживался с кошками – моей Колобусей и бабушкиной Пушинкой. Дружил даже с курицей! Она была выращена мною из инкубаторского цыпленка, была единственной белой среди бабушкиных пёстрых кур, очень смелой и совершенно ручной. Тишка и Чика часто играли вместе. Начинала обычно Чика. Происходило это так.

Пёсик спит на солнышке. Подходит Чика, находит в земле какую-то старую, никому не нужную корку и делает вид, что клюёт. Если Тишка не реагирует, Чика начинает сильнее загребать ногами, чтобы пыль попала на собаку, и ещё агрессивнее долбать корку.

Если бы Тишка присмотрелся, он бы заметил, что от корки за всё время Чикиной «еды» не отбавляется ни крошки. Но Тишка не смотрит. Он проснулся, но взгляд его демонстративно направлен в другую сторону.

Чикю это не устраивает. Она отходит от корки и снова начинает подходить (так иногда кормят капризных собак, отводя руку от миски и приближая снова, чтобы у собаки проснулся инстинкт жадности). Тишка всё ещё не реагирует. Чика продолжает отступать и возвращаться, при этом с остервенением роясь в земле (даже если бы она случайно вырыла червяка в бесплодной дворовой почве, она бы этого не заметила, так увлечена наблюдением за Тишкой). Время от времени она совершенно по-петушиному чистит шпоры, всем своим видом показывая, что готова к драке. Корке продолжают доставаться удары клюва.

Наконец Тишкины нервы не выдерживают этого издевательства, он вскакивает и с рычанием бросается в атаку.

Когда это произошло в первый раз, я думала, что они друг друга покалечат, такой раздавался шум и такая шла борьба. Кухтанье, рычание, хлопанье крыльев. Но после моего крика сразу разошлись и оба подошли ко мне: Чика с абсолютно невинным видом, Тишка – помахивая хвостиком. Оба были целы и невредимы. Ни перышка, ни шерстинки не выдрано, у обоих героев ни царапинки, ни ссадинки.

Это стало повторяться довольно часто. Иногда начинал Тишка. В роли «красной тряпки» была эта же или подобная ей хлебная корка, которую Тишка дразнище подкидывал, набивая ей цену: «Ай да корка! Ни у кого такой нет!» – причём делалось всё это только в присутствии Чики. Разумеется, она не заставляла себя долго ждать, и опять начиналась возня с рычанием и кухтаньем.

Однажды Тишка спас Чике жизнь. У соседей сорвался с цепи здоровый пёс и, забежав на наш двор, кинулся на кур. Тишка был слишком маленький, чтобы помешать. Он стоял возле дома и рычал, шерсть на его загривке вздыбилась. Когда же сосед бросился в сторону Чики, Тишка не выдержал.

Увидев перед своим носом какую-то рычащую мелочь, соседский амбал сильно удивился и даже опешил. Этого мгновения хватило Чике, чтобы убежать, а мне – чтобы позвать бабушку.

Были у Тишки и заклятые враги. Самый грозный – белый пушистый Шарик. Он верховодил всеми бездомными собаками в городке. Завидев незнакомую, мчался к ней, чтобы, если самочка, присоединить к своему гарему, если кобель – подчинить или разорвать его. За Шариком обычно таскалась шайка прихвостней, которые подчинялись ему и были готовы принять участие в любой драке, в которой изначально имели большой перевес. Любимое занятие – всей толпой нападать на одного. Тишка Шарика просто ненавидел. Он не мчался ему навстречу, едва завидев, но рычал до тех пор, пока тот не скрывался из вида. А Шарик всё старался улучшить момент, когда Тишка будет достаточно далеко от меня, чтобы безбоязненно на него напасть. Он был слегка трусоват, как и многие хулиганы, но в том-то и дело, что слегка. Людей он пока не кусал, хотя и в руки им не давался. Не раз мне приходилось держать рычащего Тишку на руках, в то время как эта белая псина, чуть ли не по пояс мне, тоже рыча, прохаживалась возле с угрожающим видом.

Был у Тишки и более мелкий враг, но довольно подлый. Пёс моего одноклассника. Маленький, похожий на сильно перекормленного той-терьера, с острой крысиной мордочкой, издали он выглядел колбаской на спичечных ножках. Бен был уродлив и физически и морально. Хозяин специально натравливал его на людей и других собак. И с Тишкой они неоднократно дрались. Зубы у Бена были острыми как иглы – я знаю это потому, что и мне как-то случайно досталось, когда я вытаскивала своего защитника из свары.

Тишка настолько хорошо знал своих врагов, что стоило сказать, глядя в окно: «Вон Шарик идет!», как Тишка взлетал на стул, ставил лапки на подоконник и с глухим рычанием в груди начинал напряжённо оглядывать окрестности.

С некоторых пор мы стали замечать в городке новую небольшую собачку. Ничего особенного, серенькая, малопушистая, с белой грудкой и лапками. Как раз в те дни я (уже не помню, к чему) демонстрировала обществу свои знания о белках. Мол, они не всегда рыжие, они линяют и становятся серыми – ну вот как эта новая собака. Благодаря моему рассказу у собаки появилось имя. Взрослые удивлялись, почему мы серенькую собачку зовём Белкой, а мы тут же начинали объяснять.

Как-то я пошла утром в сарайку и по дороге обратно заметила, что Тишки со мной нет. До самой ночи мы ходили с родителями по городку и звали его. Я старалась отгонять самые страшные мысли. Был март, но ещё везде лежал снег, я очень боялась, что Тишка замёрзнет. По какому-то наитию уже ночью я пошла к нашей сарайке и стала звать там. Как же я была счастлива, увидев маленький комочек, появившийся на снежной дорожке, который стремительно приблизился ко мне и оказался Тишкой, очень уставшим и замерзшим, но счастливым от того, что нашёлся.

Утром в школе я узнала, что Белка «гуляет». Я поняла, где пропадал Тишка.

Белка была его единственной любовью в жизни, при встрече с ней он вел себя как истинный джентльмен и безусловно выделял её среди всех других собак. При большом количестве бездомных здоровых кобелей в окрестностях, включая злейшего врага – белого Шарика, у моего бедного пса не было никаких шансов даже приблизиться к своей возлюбленной.

И тогда мы с подружкой сделали так. В один из вечеров поймали Белку, отпугнули остальных собак, а её вместе с Тишкой заперли в подъезде на полчаса.

После этого Тишка немного успокоился, но продолжал смотреть на Белку при встречах влюблёнными глазами. Мы так и не узнали, родился ли у Белки хоть один щенок, похожий на Тишку, потому что она вскоре пропала...

В тот год родители купили домик на берегу озера. При доме был огород, сад, полный сирени палисадник и небольшой участок своего личного берега. Весной зацвели яблони, груша, вишня, черемуха, смородина, тюльпаны, пионы... да чего там только не было! Мы с пылом и страстью занялись благоустройством. Тишка целыми днями бегал на свежем воздухе и был совершенно счастлив, ему было немногим больше трёх лет, самый расцвет собачьей жизни. Единственное, что меня беспокоило в Тишке, так это его неослабевающая страсть гоняться за машинами и мотоциклами. Сколько раз, услышав его звонкий лай, провожающий очередную машину, я замирала сердцем и пыталась снова заделать все щели, сквозь которые он мог пролезть со двора на улицу. Дорога, к сожалению, проходила прямо перед нашим домом.

В один из дней папа принялся отделявать баньку изнутри красивыми деревянными рейками. А я вытащила маму на Птичий рынок, убедив её, что для полного счастья нам не хватает попугайчика на веранде. Когда мы вернулись, нас встретила странная тишина. Не было слышно радостного лая Тишки, и я сразу заподозрила неладное. Кинулась в баньку, откуда слышалось постукивание папиного молотка.

– Где Тишка?

Папа старался не смотреть мне в глаза:

– Он попал под машину...

– Совсем?!

– Нет. Он там. С бабушкой. Под калиной.

Я побежала к кустам. Бабушка сидела на низенькой скамеечке и, кажется, читала молитвы. Тишка лежал рядом с ней на тряпочке. Увидев меня, он попытался махнуть хвостом.

Я забрала его в дом, и для меня начался самый тяжёлый в моей жизни день. Было воскресенье, в то время ветеринары по выходным не работали. Да и нет уверенности, что даже современные врачи смогли бы его спасти. У него был цел позвоночник – это я поняла потому, что Тишка иногда пытался махать хвостом. Но у него был совершенно синий и ледяной живот. Тишка лизал мне руки, успокаивал меня и в то же время ждал, как всегда, от своей всемогущей хозяйки, от своего божества, от меня, глупой девчонки, помощи. Он верил, что я спасу его, до последней минуты верил. В какой-то момент он захотел пить. Я дала ему водички, он несколько раз лакнул языком и очень тихо проскулил. Видимо, ему было невыносимо больно, но этот мужественный пёсик терпел. Терпел и верил, что раз я пришла, то теперь всё будет хорошо...

Он умер вечером. Папа похоронил его в углу сада, я поставила на могилке небольшой камешек, на котором вперемешку со слезами пыталась что-то написать. О том, что это был самый лучший в мире пёс.

Я до сих пор не могу не плакать, вспоминая это. А тогда мне просто хотелось не жить.

Сергей Яковлев

Беглые штрихи

Больше тридцати лет я не расстаюсь с записными книжками. Их набралось уже 66 «томов» одинакового формата, исписанных по возможности убористо в самых разных обстоятельствах: на улице в потоке людей, на садовой скамейке, на корабле в океане, в поезде, самолёте или тряске автобуса, на берегу моря, в лесу, на званом обеде, под душем... Где застигнет. Потому что образ, мысль и слова являются лишь на мгновение и всегда в слитном единстве, спустя время их восстановить уже нельзя, даже если очень постараться запомнить: всё расплывётся и окажется ничтожным. Энергия ушедшей жизни невосстановима. Её можно лишь запечатлеть – «фотографировать на память», не особенно рассчитывая на то, что кому-то кроме тебя это будет интересно.

Вот несколько разрозненных страниц из книжек разных лет.

Восток и Запад

Когда движешься от средних широт к экватору, например, на теплоходе по Атлантике, живой мир на берегах и в воде становится все богаче, цвета — ярче и глубже, картины — удивительнее... Ну, что такое суховатые каменистые Азорские острова по сравнению с Какараями, те — с Кубой, последние — с джунглями Амазонки? Как меняется океаническая лагуна! Какие являютсЯ дикие и все более странные растения!

Почему бы не предположить, что тропики на этом пути — не предел? Что есть край еще богаче, экзотичнее, краше?

Возможно, именно эта ~~цель~~ надежда подогревала энтузиазм путешественников. Возможно, именно это чувство владения Големом — освоить до предела мир земной красоты и создать что-то за этим пределом, сказочное.

Освоен ли, исследован ли на самом деле этот мир с точки зрения губительных спутателей, вот в чем вопрос. Если да, то жить становится скучно.

уходящее за гористый берег солнце...

Теперь мы преодолели тот же путь
камени. Берег дальше имеет более
интересные и резкие обертки.

Сосны, взметнувшись на большой
высоте в камень; у одних корни по-
шли наполовину в воздухе, дру-
гие уже обрушились и заохотились там,
на высоте, а то и свалились на берег...
Ферисатея до последнего. Одна сосна
такая!

(Упала, но
на остатках
корней вы-
жила и под-
нялась, извив-
шись, вверх)

Палатка как
узелок на каменной
площадке (не доходил
до ручья с водопадом)

Приснился край старинной арки (капитель, в садовой ограде), путь промученный селением. И я

подумал: ведь в этом кусочке — вся жизнь, и если ее фиксировать от гаса к гасу ~~это~~ ~~от~~ ~~дня~~ в день, из месяца в месяц — это получится

как меняются освещенные, погода, сезоны, — ведь это некий герб знает это!

А прозвучавшее, белошумное, до такое делами. Флапшер, Куинджи

„Крауд-контроль“ — наука об управлении толпой.

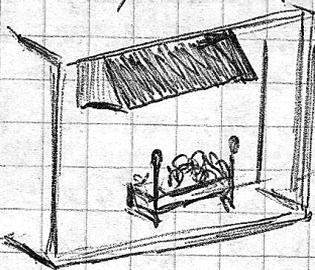
„Караван историй“, „Тина Канделаки и ее мужики“...

Благодарные мертвецы, все пересказаны глянцевых журналов — благодарные мертвецы; от мотыль, надушенные дешевой „отдушкой“, не грядные чужие и не прожитые — просто мертвые.

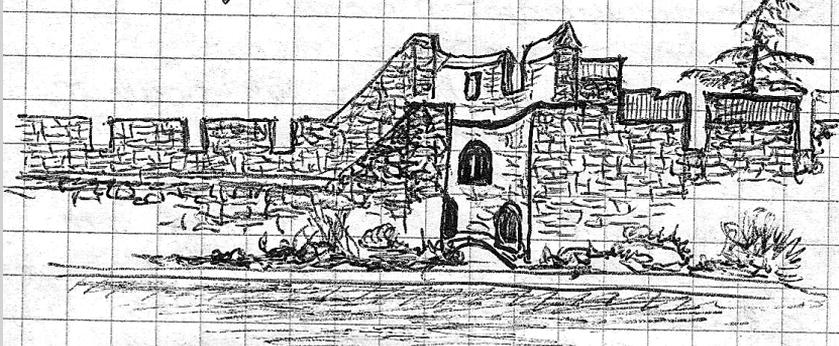
Оттого люди злы и оттого самим
Дьяволу всего легче? А все от той
же глупости, которая мне присуща в выс-
шей степени: или все кажется, что
можно вернуться, сделать как было, то
есть избавиться от уже происшедших при-
теснений и напастей, если они исходят
от других людей. Если ты тешишься в своем
доме просторно, а к тебе вдруг приедем
дальний родственник и поселился у тебя
бессрочно. Или человек, с которым неко-
гда прожито душа в душу, вдруг нагав-
тихо тебя ненавидеть. Не надо стесне-
неть, думать, что родственник от ярости
твоей уедет, а близкий человек, "най-
мет" и раскается. С болезнями, со
стихийными бедствиями, когда они
напрякут, не спорят — они от Бога. Но
каждое же напасть, это социальные на-
пасти тоже от Бога, и люди, через кото-
рых они происходят, ни в чем не вино-
ваты, как и ты. И если в твоих сверхва-
воник родственник с гемодатом —
смирись и пожалей его. Это судьба
для вас обоих, от нее не уйдешь, и
лучше постарайся оделить друг другу
общее несчастье.
(Контраргумент — история с [REDACTED])

Восток-Запад

Сегодня в Англии сильный ветер, помноженный на Окефордском флиме (это странно, но чувство от города именно такое: правильные квадраты древних колледжей, башенки над ними и флими — хотя, кажется, я увидел из окна только один флим), и я валяюсь на постели, не выключая камин суетки на пролет, мурашек от головной боли, пишу и рисую. Как будто пролетушен. Взираю после уреника до поздна (до 2 часов) смотрел телевизор в Senior Common Room & Smoking Room. Страшная фильм "The haunting" ("Преследование"? "Каварденше"? из их классической серии. Про страшный старый дом как раз вроде того, в каком я живу. И я сижу в этой оффшорной пелутилкой кайкаге с поргетими и каеодишми каминдом...
Кстати, камин выключит так:

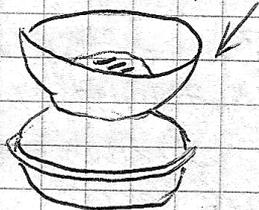

много) уже потеряли свой смысл.

Сюда Ashmolean Museum,

В древнем Китае (Han Dynasty)
были пароварки (steamer)!

И это также ^{каким}
Bronze censer?
(вместо лампы)

Много vessels. Все стеклянное у
азиатский glass, а металлические
таши или бонан - уже vessel.

(Food vessel, wine vessel and so on).

Широкая тарелка или ваза
из фарфора (или) - bowl :

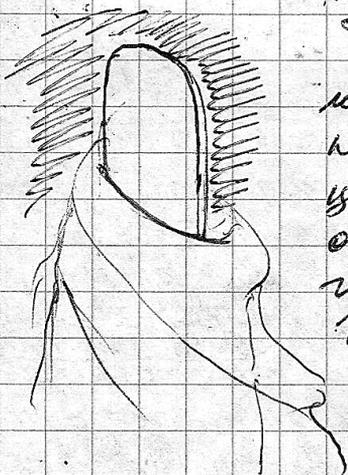
В музее много студентов. Де-
вушки сидят и что-то пишут или

Воскресенье

"Чтобы жизнь перестала быть упрямой, надо перестать с ней бороться" (я записал в юности) — истина весьма сомнительная. Можно, конечно, перестать бороться, махнуть рукой, забыть, как жене, — но от этого качество жизни отнюдь не улучшится. Наоборот, по закону экспансии тебе кажут отведоду вытеснить и ты окажешься на самом дне. Это лишь меняет собственное ощущение жизни, но отнюдь не ее реальное состояние. А есть ли таковое, спросят меня? Разве счастливый дурак-кишмиш не блаженнее удачливых карьеристов умишков? Помедити со стороны на опустившихся людей — так есть.

Есть люди с живой гармонией в облике (глазах), Девочки. Родившись будто совершенными, у кого-то гармония с возрастом разрушается жизнью (а у кого-то — ержится?).

Мой рисунок.

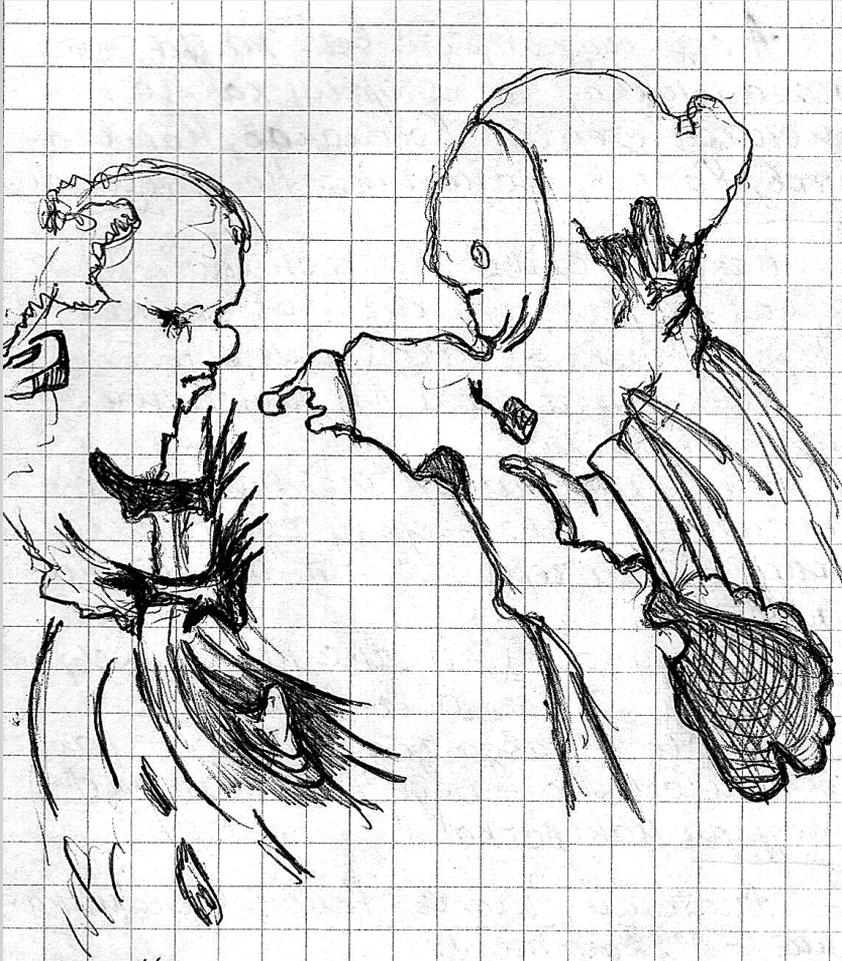
Такая как бы просто
металлическая белая
магнетика (как меди-
цинская ложка). И
она захватывается эрер-
мическим жестом в шасси.
И вот это уже — не
ложка, а странная
техника с бледным
лицом. Тут валяется

стержни белого, и еще рисунок за-
брошенной "через плечо" шаши. И тем-
ный фон, выверивающийся страстную
бледность.

Вот за такой "абстракцией" я при-
знаю в искусстве все права. Ибо и
настолько то жилая техника, кото-
рая являет как такую кожу, — не
техника вовсе, а: пятно лица и жест.

В Гамбурге (25 марта) лежал на
фанерной вогнутой скамейке ма-
ленькая стеклянная банка. Идут
две худые спорленные бабки с сум-
ками.

— Чья хоть эта банка. Это не ва

Картина, увиденная на внут-
ренней двери в Лесное (справа)
Блестящие овертоны на фоне желтой
магновой краски. Я бы назвал ее «Жена
Сократа» («... против.»)

Эгоизм разрушитель. Эгоизм художника. (Андрей Тарковский.)
Ему по-детски хочется随心所欲-
ства и кидая за собой не прибавляя,
но при этом сама стихия разру-
шения (смерть) — умирает, не может
не умирать. Хочется абсолютной сво-
боды (произвола) в несвободном мире.

Еще раз посмотрел "Зеркало";
те хрустальные полуразбитые
листы в старинной книге с графо-
рами заминаются в руках мальчиш-
ки заминаются многократно и
мучительно: раз, потом два-три
листа, став же небрежно перебро-
сываясь, перекинутые, кое-как укла-
дываются, потом еще раз, еще...

И снова та же книга лежит в
судне возвращенка отца с фронта-
уродная, брошенная в саду. И кро-
ше молоко — тоже не однажды
капает, стекая по лакированному
комоду, долго-долго...

Хороший фильм, красивый. Но
абсолютно эгоистичный, безжалостный
к миру и к зрителю.

Битов, страдательно гитая со сцены гереновники Пушкина (где - строго пророгеевуд, а где проваливаясь в дофиметанве идрота), а затем оше-
ломляя хрестоматийным итогом,
демонстрирует муки рожденид,
Муки. Рожденид.

В самом акте полового соитид
заложена шметика. В этой страдид
втиснутое, вейти в другое существо
целиком, каждой своей клеткой,
забрывая в его шкуру, перевосто-
питед.

Элементарные составляющие
"Пушкинского дома" Битова. Состав-
ляющие эпохи. Я их гувелую, как
будто писал это вместе с ними, как
будто ранее предвосхищал его писа-
ние. Неужели так при первом гте-
нии в конце 1970-х внегатамосв?
Или правда - "в воздухе носилов"?
Еврейская тема (Блакк). Русояд-
ство (Митишайев). "Графед", мада
на них. "Свой", советская змита и
мафия."
Можно бы это разобрать.

В ухо лезет пук волос —
 Это Шмурку Бол пришло.
 (Утром в постели.)

С раннего детства мою душу
 слушала и терзала ^{постоянно} совесть
 того, что мною на свете живут
неправильно (не по закону), а
 может быть, и неправедно.

С годами, когда я сам поневоле
 стал жить неправильно, это стало
 осознаваться как неотъемлемое
 качество народной жизни, зало-
 женное в человеческой природе и
 в природе вообще, но легче от
 этого не становилось.

Воскресенье

Муравьиные тайны.

Утром по ТВ (Еврокное) рассказали, что изумление муравьев, способных в любых жизненных ситуациях самоорганизовываться и с минимальными затратами воплотить массу дел, позволяет людям строить на их примере совершенные логистические системы...

А я сообразил: это утка. Муравьев изумают давно, и главный их секрет — как можно неслетнему полчищу особей столь успешно жить безо всякой власти — держится в строжайшей тайне. Его обнародование для власти смертельно.

„Художественность“ преданка — это суть камисаб женщины. Такую, какой еще не было. Единственную в своем роде.

(Наверно образами Ю. Казакова.)

Вот если б люди научились относиться к делам своей жизни так же бережно, как к телевизионным сигналам! Серия придет и нет, ищи-свищи ее, такое грустное чувство потери, чего-то навеянно утраченного... А жизнь, вidać, еще скучнее, еще тупее, еще бездарнее и ничтожнее — ее не жалко!

Заповоризик
(Вскрестись
на кафелье
туалетного
пала.)

Истина в том, что если девушка
в метро сидит за гайвордом, то
она будет сидеть всегда, даже в
постели, такой уже у нее «олимп
вещество», зато сама и оформает, что
все дело в другом...

То, что
я вижу
на полу
в туа-
лете —

это, конечно, не
реальные кар-
тинки, а мои
фантазии. Поди
нигде из увиден-
ного невозможно
повторить.

Воскресенье

О, весна, пора кельзи и пельного сна...

Отпишем кошку.

Отпишем трагедию кошки.

Кошка, у которой два дня назад тайно унесли (нога она была молодко) и утонули котят, а она все два дня и две ночи звала их, ~~уже~~ искала по всем углам и вглядывала шкафы, — эта кошка устало задремала у телевизора, и голова ее, положенная на выдвинутые вперед лапы, вдруг стала клониться, краснела, пока совсем не сползла, не уткнулась носом в стол — круглая мохнатая голова, как у моего старого папы...

Есть два рода служения: спасать ближнего и спасать свою душу. Они не только не совпадают, но прямо не-кмодают друг друга, хотя иногда они-точно объединяются «служением Богу».

Спасать ближнего (людей вообще) — значит идти в мир и принимать на себе грех мира. Последствие действий среди людей, какими бы благими ~~и~~ камерными они ни выглядели, кепред-спазуемы. На этом пути надо заранее

смириться с разочарованиями и ~~убавкой~~ неурядиц и целиком отдаваться личным гурьбам. Все это, впрочем, относится к спасению не только людей, но и любых живых творей. Жизнь несправедна, Она постоянно ошибается и поправляет свои ошибки трагическим образом. Спасенный становится злодеем. Каждое живое существо — одновременно и злодей, и жертва.

Христианство, по содержанию своему учение негетого, склоняется как раз к спасению не бешено, а своей души, к "вечному", т.е. негижному, спасению. Его суть как раз в "неожиданных" для поверженцев мраморов и земных гелверомобильных высказываниях Христа: оставь отца и мать и жену и братья; предоставь мертвых мертвым... Душу можно спасти только искренней работой над самим собой, исключив или крайке формализовав любые контакты с внешним миром. На этом пути любовь, жалость, сострадание — грех, ибо они ведут к укреплению несправедного неволевого кода в мире.

Воскресенье

... Знаете, как говорил Ван Гог: я не мечтаю того, чтобы вообразить Создателя, но хотелось бы по-мгудель и другие, более удачные работы этого Автора...

[На самом деле Ван Гог писал следующее:

"... Мне кажется все дольше и дольше, что нельзя судить Бога по этому миру, так как это куда-то другая работа.

Суди сам: когда любишь художника, то слабо критикуешь его куда-то вещи. Мыслишь. Но у нас есть право желать лучшего. Нам нужно было бы посмотреть и другие вещи, сделанные той же самой рукой. Тот мир, по-видимому, сострадал нас, в одно из тех мимолетных моментов, когда сам Создатель не знал, что он делает, или плохо соображал... »

(Письмо к брату, е. 321 -
письмо 201, Апрель, 1888)]

Ван Гог, растоптанный жизнью,
вошел благодарен одной только

Миру они твердят о "униженном обществе". Для образованных придумали уклончивый "средний класс" (мал, каждый, кто не дурак, туда попадет). И только в своем узком кругу рассуждают об "элиты" и становятся понятными, что все они придумают для себя.

Воскресенье

Умирающий: [вскрики]

— Мне, конечно, жалко и не хочется покидать этот мир, но я ведь все равно не знаю, что такое это было — ~~жизнь~~ жизнь...

А еще я люблю людей, которые не дают тебе пока своей баловней, доводят до белого каления, ~~и~~ а потом нравственно предупреждают:

— Ну, некогда мне тут с тобой играть, пойду.

Или, если дело происходит ночью (такое было в молодости в общежитии), не дает спать байками и анекдотами, а после, слегка зевав, говорит:

— Пора и спать!

Можете себе представить, как я люблю таких людей.

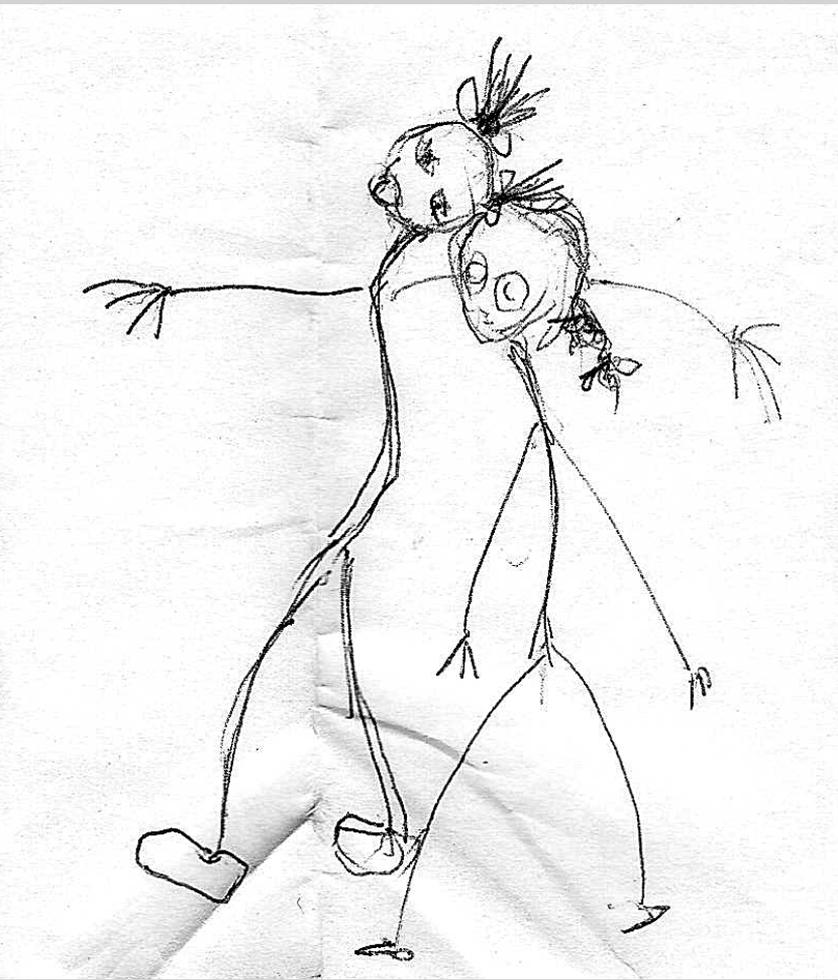
[А знаешь, не знаю, что такое будет не жизнь, смерть. Если ли причина огорчаться? — к "Умирающему".]

Мне хотелось изобразить здесь женскую шею. Плечи, кружева, много стилизации и очень приглядывать. Не получилось.

Ну вот, это во входе это. Я увидел (вообразил) ее на кафедре туалетного пола и вдруг подумал, что в истории мировой живописи такой шеи, как ты странно, нет. (У Рубенса этого идеально похожее кажется, в портрете "Флоры" — беременной женщины.) Она встречается в женских и у некоторых угловатых какеллографистов, а вот художники этой шеи подаиваются (не замечают?).

А теперь утренний сон-проект
Во сне было много сложны,
откошенной с разными людьми,
один из которых — одиозер (каки-
так?) с характерной русско-ази-
атской фамилией, типа Салам-

Встреча во дворе. Идут две
девушки - подружка, за ними дви-
жутся два парня, школьники.
- Вы куда идете то? - кричат
парни девушкам.

- Стас! Мы идем.

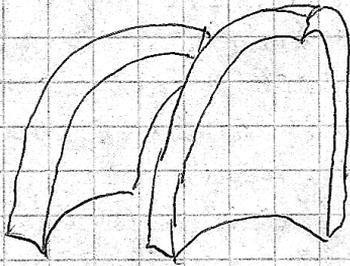
- Нет, вы куда?

- Спать я иду! - ~~же выдернет~~^{кричит, наконец,}
~~всех одна.~~

Это замечательно. Совсем но-
вый мир отношений, мне недо-
ступный. Они и "снут", наверное,
вместе, друг у друга на виду. Толь-
ко, при такой взаимной открыто-
сти и доступности, что за интерес
встретятся, и где же ~~вместе~~ под
дождем? Или мир половых ощу-
щений нестерпим и при любой
открытости остается полон при-
глядательных тайн?

Узнать бы, что они губевуют,
от чего млеют, да и млеют ли?

"Встреча во дворе" - хорошее
название для цикла таких ма-
леньких картинок.

Братъ.

Сюжет возник вот как, я читал статью, разрезав кожу, как обычно, на тегере сектора. Верхняя часть срезама задлаовременно, так что один конец секторов был тугой. И на этот конец как на основание я машинально поставил на столе одну, затем другую четвертинку кожуры. Первая держалась сама, вторую пришлось приложить к ней сбоку... Картина получилась скоромная. Я назвал ее "Братъ".

Когда принимаешь прики-
дывая слово в голове и ощути-
вать его звуком (мелод, самое
прежее и обыкновенное), оно
кажется казаться чудовищным
изображением.

Помню, это чувство поразило
меня в детстве "Во-да"...

Мелочность. И об этом все
удивлении перед мелочью
слов говорила мне чуть позже
мама. Когда, насколько позже?
Неважно.

Все ощущения вечные, не-
устаревающие, представляющие
человека с рождения до смерти.
О таких никогда не скажешь,
в какой год оно пришло. Оно
с тобой всегда.

Каково бы мне еще правду
испытать?..

МНОГОГОЛОСИЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Жизнь можно унижить, искалечить, исказить, в конце концов отнять, но пока она есть, даже в самом последнем углу, на исчезающе малом пространстве последней свободы, она полна собой: своей мыслью, любовью, надеждой, своей единственностью, своим цветом.

И.А. Дедков

Русская общественная мысль, о которой иногда говорят почему-то в прошедшем времени, не отошла в прошлое. На деле это живой непре-секающийся процесс, выдвигающий вперед всё новые идеи и фигуры. Общественную мысль в России невозможно подменить партийными программами или популярными нынче “технологиями”, имеющими дело с обезличенными массами людей. Она традиционно обращена к человеку, его внутреннему миру, возможностям его самосовершенствования и связывает воедино вещи, казалось бы, несоединимые: политику и нравственность, быт и эстетику, экономику и народные идеалы.

На огромных просторах России течёт своя жизнь, далёкая от столичной, идёт напряжённая и вполне оригинальная мыслительная и творческая работа. Об этой работе мало что известно. Важно знать историю идей, произраставших на отечественной почве. Но не менее важно знать, над какими «проклятыми вопросами» бьются сегодняшние наследники русской общественной мысли, наши с вами современники. Видеть их лица.

ИМЕННО ЭТОМУ СЛУЖИТ НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ «ПИСЬМА ИЗ РОССИИ».

Ещё одна задача журнала – положить начало литературной летописи народной жизни последнего двадцатилетия, времени радикальных переворотов и катастрофических сломов, горестными масштабами сравнимых только с революционными десятилетиями начала XX века. С каждым днём уходят подробности. Важно зафиксировать жизнь в её сегодняшней и недавней подлинности, не пропустив ни одну человеческую трагедию.

ПО ЗАЯВКАМ БИБЛИОТЕК РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО!

(Доставка – за счет получателя.)

Шлите нам статьи, очерки или эссе, стихи, рассказы, повести, просто письма. Наиболее интересные произведения и мысли появятся на страницах очередного номера.

Рассматриваются произведения любых жанров объёмом не более 4 авторских листов (1 авт. л. = 40 тыс. знаков). Рукопись должна быть набрана на компьютере и прислана по электронной почте (sayakovlev@yandex.ru). Принимаются иллюстрации (рисунки, графика) и документы, представляющие художественную ценность либо имеющие общественное значение.

**ДОСТОИНСТВО РОССИИ, ОСМЫСЛЕННОСТЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ –
ДЕЛО ВАШИХ УМОВ И ТАЛАНТОВ!**

